Российская академия наук Институт славяноведения

Памяти В. М. Иллич-Свитыча: материалы круглого стола

УДК 81 ББК 81 П15

Ответственный редактор: к. ф. н. М. Н. Саенко

Рецензенты: д. ф. н. В. С. Ефимова, к. ф. н. А. А. Трофимов

Памяти В. М. Иллич-Свитыча : материалы круглого стола : [сб. ст.] / П15 Институт славяноведения РАН ; отв. ред. М. Н. Саенко. — М., 2017. — 108 с.

ISBN 978-5-7576-0381-0

В сборник вошли статьи на основе докладов, прочитанных в Институте славяноведения Российской академии наук 18 октября 2016 г. на круглом столе, посвященном памяти Владислава Марковича Иллич-Свитыча. Статьи посвящены ностратике, славянской акцентологии и лексикостатистике.

This compilation consists of articles based on the papers that were presented at the round table, held in memory of Vladislav Markovich Illich-Svitych, in the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences on 18th October 2016. The articles are dedicated to the problems of Nostratic studies, Slavic accentology and lexicostatistics.

УДК 81 ББК 81

© Авторы, 2017

© Институт славяноведения РАН, 2017

Содержание

Предисловие	. 5
$B.\ A.\ \mathcal{L}$ ыбо. В. М. Иллич-Свитыч как компаративист: глазами очевидца	. 7
$C.\ A.\ Лашин.$ История акцентуации штокавских и чакавских глаголов на -iti с долготной основой в свете данных Крижанича 1	13
М. В. Ослон. К описанию ударения старых полонизмов	
в украинском языке	34
И. И. Пейрос. Ностратические языки Северо-Восточной Азии	
Ю. В. Норманская. Фонологически значимое парадигматическое ударени	ие
в уральских языках5	53
А. В. Дыбо. Праалтайский и ностратический: изменения в реконструкции	1
консонантизма	
М. А. Живлов. Отражение ностратических огубленных гласных	
в индоевропейском	~~)~~ 4
М. Е. Васильев, М. Н. Саенко. Мнимые и действительные возможности	
лексикостатистики (на материале романских языков)	99

Предисловие

22 августа 2016 г. исполнилось 50 лет со дня трагической гибели выдающегося компаративиста Владислава Марковича Иллич-Свитыча. Несмотря на то, что на момент смерти ему не было и 32 лет, он успел внести огромный вклад в науку. Наибольшую известность Владиславу Марковичу принесли его балто-славянские акцентологические исследования, а также гигантская работа по обоснованию ностратической теории. Помимо этого, перу Иллич-Свитыча принадлежат труды по македонистике, карпатологии, славянской фонетике и этимологии.

Владислав Маркович являлся сотрудником отдела славянского языкознания Института славяноведения РАН (тогда АН СССР). Чтобы почтить память ученого, 18 октября 2016 г. в Институте славяноведения РАН состоялся круглый стол, посвященный великому компаративисту.

Круглый стол открылся докладом академика В. А. Дыбо (ИСл РАН), в котором Владимир Антонович поделился воспоминаниями о совместной работе с В. М. Иллич-Свитычем, закладывавшей основы Московской акцентологической школы и современной ностратики. Как известно, после безвременной кончины друга В. А. Дыбо предпринял беспрецедентные усилия для завершения, а затем и издания главного труда всей жизни Иллич-Свитыча — трехтомного «Опыта сравнения ностратических языков».

Последовавшие далее доклады были посвящены областям языкознания, находившимся в свое время в центре внимания В. М. Иллич-Свитыча. Различные аспекты ностратических исследований были предметом докладов «Ностратические языки Северо-Восточной Азии» И. И. Пейроса (Институт Санта-Фе), «Праалтайский и ностратический» А. В. Дыбо (ИЯз РАН, РГГУ), «Отражение ностратических огубленных гласных в индоевропейском» М. А. Живлова (РГГУ, РАНХиГС), «К генезису аффиксов сравнительной степени в индоевропейских, тюркских и уральских языках (в сопоставлении с некоторыми славянскими явлениями)» Р. Шептыньского (Институт польского языка ПАН) и «Фонологически значимое парадигматическое ударение в уральских языках» Ю. В. Норманской (ИЯз РАН). К ним примыкал доклад «Вопрос о сильных смычных согласных в восточно-кавказских языках» О. А. Мудрака (РГГУ).

Выступления трех участников круглого стола были посвящены акцентологии. М. В. Ослон проанализировал особенности ударения полонизмов в украинском языке. С. А. Лашин прочитал доклад на тему «История акцентуации штокавских и чакавских глаголов на -iti с долготной основой в свете данных Крижанича», а А. В. Тер-Аванесова (ИРЯ РАН) рассказала об ударении и огласовке корня a-основ в восточнорусских говорах.

И. С. Якубович (Марбургский университет имени Филиппа, РГГУ) предпринял попытку новой этимологизации слова «чёрт».

Наконец, два доклада были посвящены лексикостатистике. Е. В. Коровина (РГГУ) выступила на тему «Складной нож и неучтенные языки: оценка влияния на лексикостатистическую классификацию», а название доклада М. Е. Васильева и М. Н. Саенко (ИСл РАН) «Мнимые и действительные возможности лексикостатистики (на материале романских языков)» является прямой отсылкой к написанной незадолго до гибели статье В. М. Иллич-Свитыча «Мнимые и действительные возможности лексикостатистики».

Круглый стол показал, что заложенные Владиславом Марковичем направления исследования за прошедшие 50 лет активно развивались и продолжают развиваться его коллегами и их учениками, а большинство его работ не теряет актуальности и по сей день. Будем надеяться, что и в последующие годы ностратика, балто-славянская акцентология и другие дисциплины, составляющие основу научного наследия Иллич-Свитыча, по-прежнему будут в центре внимания компаративистики.

В. М. Иллич-Свитыч как компаративист: глазами очевидца

- 1. В 1956 г. в Москве оказалось три специалиста по сравнительноисторическому языкознанию, которых интересовала проблема отдаленного родства языков: В. М. Иллич-Свитыч, А. Б. Долгопольский и я. Эта проблема была поставлена фактически еще в начале XIX в., с момента возникновения сравнительно-исторического языкознания; затем со времени младограмматиков эта проблема была отодвинута (по-видимому, как преждевременная). Исследователи были удовлетворены тем, что удалось построить достаточно точную (по тем временам) реконструкцию индоевропейского праязыка, требовалось построить реконструкции праязыков дочерних семей, чтобы проследить историю развития индоевропейских языков, закономерности этого развития, историю этносов, которые говорили на этих языках, и т. п. По примеру индоевропеистики появилось финно-угорское сравнительно-историческое языкознание (и даже уралистика), а также тюркология, монголистика и уже в XX в. — сравнительно-историческое тунгусоманьчжурское языкознание (и научная алтаистика). Уже этот прогресс вызывал сомнения у многих исследователей. Например, до сих идут споры относительно алтаистики, хотя уже создан трехтомный словарь праалтайского языка [EDAL]. Остаются проблемы с африканскими макросемьями, меньше споров относительно семей и макросемей юго-восточной Азии, Тихоокеании и Австралии, но, вероятно, лишь из-за отсутствия достаточного количества спениалистов.
- 2. Однако и в XIX в. были специалисты, занимавшиеся отдаленным сравнением: Мёллер (сравнение с семитскими, [Moeller 1911]), он же предложил «ларингалы» как интерпретацию сонантических элементов Ф. де Соссюра; за ним последовал Кюни [Cuny 1914]. Существовала урало-алтайская гипотеза, ее сторонники собрали довольно много соответствий. В XX в. над урало-индоевропейским активно работал Б. Коллиндер (например, [Collinder 1934]). На необходимость перейти от попарного сравнения к полному, т. е. охватывающему всю макросемью, указал X. Педерсен [Pedersen 1903]. Он же предложил название для этой макросемьи: ностратические языки.

Достаточно полный список исследователей и анализ их результатов см. в [Иллич-Свитыч 1971: 38–45]. Кроме специалистов, активно занимавшихся отдаленным сравнением, некоторые составители курсов по компаративистике в XIX и в начале XX в. упоминали о проблеме и приводили отдельные отдаленные сближения (обычно ностратические). Будучи еще студентом Горьковского университета, я встретился с такими сближениями

8 В. А. Дыбо

(индоевропейско-семитскими) в дореволюционном курсе В. И. Шерцля, профессора Харьковского университета [Шерцль 1871–1873].

3. Кроме этого общего интереса, у нас с Иллич-Свитычем был другой интерес: мы оба занимались акцентологией и, по-видимому, оба были не удовлетворены книгой Е. Куриловича об индоевропейском ударении [Kuryiłowicz 1958]. Поэтому наше сотрудничество началось в области акцентологии, но первая встреча произошла на почве ностратики. Поступив в аспирантуру МГУ, я сразу же начал знакомиться с работами по отдаленному сравнению. Кюни мне представился очень неточным, с работой Мёллера я познакомился еще в Марийской АССР, где после окончания университета работал в школе рабочей молодежи и получал книги из Ленинки по межбиблиотечному абонементу, поэтому меня привлекла работа Коллиндера [Collinder 1934]. Я начал ее обрабатывать; но когда я через несколько дней попытался ее получить (оставленную на мое имя), мне ответили, что она за читателем. Выйдя из зала, я встретился с А. Б. Долгопольским, с которым познакомился, когда поступал в аспирантуру, и он поделился со мной, что пытается сейчас доказать родство ряда языковых семей Старого Света. Я решил, что книга Коллиндера у него и не скоро освободится (когда потом я рассказал Долгопольскому об этом случае, он сказал, что эту книгу не брал и вообще не читал — что, по-видимому, правда, так как Коллиндер в письме, посланном Иллич-Свитычу, но попавшем уже мне, обижался на то, что ряд примеров в статье Долгопольского приводится без ссылки на его имя). Поэтому я попросил одного финского коммерсанта, который стажировался на филфаке МГУ и к которому я был прикомандирован наряду с несколькими другими аспирантами, чтобы создать ему языковое окружение, достать мне эту книгу в Финляндии или в Швеции. Он, правда, эту книгу не достал, но достал вышедший «Финно-угорский этимологический словарь» [Collinder 1955], в котором были и урало-индоевропейские сближения.

Этот-то словарь Иллич-Свитыч обнаружил у меня, когда пришел знакомиться. Он сразу же попытался провести кое-какие сближения; насколько я помню, его привлекли числительные, но у него ничего толкового тогда не получилось. После окончания аспирантуры меня приняли в Институт славяноведения, тогда же (немного раньше) туда поступил и Иллич-Свитыч (в аспирантуру он не поступил: завалили на истории партии). Здесь мы занялись акцентологией.

Еще в аспирантуре я обнаружил в кельто-италийских языках явление, которое оказалось связанным со славянской и балтийской акцентными системами, подобное же явление, но в несколько отличающихся позициях, было найдено и в германских языках. На эту тему я написал статью «Сокращение

долгот в кельто-италийских языках и его значение для балто-славянской и индоевропейской акцентологии» [Дыбо 1961]. Писал я ее довольно долго, у С. Б. Бернштейна чуть не лопнуло терпение, хотя к тому времени у меня были еще результаты. Прочитав эту статью, Иллич-Свитыч написал статью «О "втором правиле Дыбо"» [Иллич-Свитыч 1962], над заглавием которой очень потешались наши литературоведы. Сейчас в англоязычной литературе эта закономерность называется Dybo's law. В этой статье он писал, что я открыл индоевропейские тоны, — это, конечно, свидетельство развитой интуиции, которую он затем очень умело применял в работе над ностратическим сравнением.

Я тоже думал тогда, что это явление связано с индоевропейскими (протоиндоевропейскими) тонами, но более или менее надежно доказать это удалось только совсем недавно, реконструировав балто-славянскую акцентную систему, изучив языки с регистровыми тонами и постановкой в них акцента и т. п. Это, по-видимому, понял вскоре и Иллич-Свитыч, подарив мне оттиск с надписью «От раскаявшегося автора».

Так как эта моя работа своим материалом указывала на возможность объяснения резкого отличия балто-славянской акцентной системы глагола от акцентной системы глагола в древнеиндийском, я занялся акцентной системой славянского и балтийского глагола; Иллич-Свитыч занялся реконструкцией акцентной системы имени (см. [Иллич-Свитыч 1963]). Об открытии «закона Иллич-Свитыча — Дыбо» я подробно писал в статье [Дыбо 2006]. По-видимому, моя статья оказала определенное влияние на Иллич-Свитыча.

Дело вот в чем: я учился в захолустном Горьковском (теперь Нижегородский) университете, единственно, где чему-либо можно было научиться, это в областной библиотеке: там были дореволюционные российские журналы. Так как в России были классические гимназии, то старая языковедческая литература существовала; немецкая аккуратно переводилась, а в губернские города доставлялась и зарубежная. Так что там я познакомился с «Немецкой грамматикой» Гримма [Grimm 1870], с «Einleitung in das Sprachstudium» Дельбрюка [Delbrück 1880] и с рядом работ, напечатанных в старых филологических журналах. Когда меня Вяч. Вс. Иванов вытащил в аспирантуру, он заставил меня проштудировать «Grundriß» Бругмана [Brugmann — Delbrück 1897–1900], так что я был уже готовый консерватор.

А в Москве царил прогресс, все увлекались структурализмом, а компаративисты — еще и ларингальной гипотезой в ее радикальном ответвлении. Иллич-Свитыч начал свою работу над реконструкцией системы ударения и слоговых интонаций, пытаясь использовать ларингальную гипотезу в ее самом радикальном виде (ср. [Иллич-Свитыч 1959]). Ее и сейчас используют на Западе,

например, Verschärfung (геминацию [w] и [j]) ряд авторов пытаются объяснить постановкой ларингала кто перед, кто сзади соответствующего звука. Когда им доказываешь, что все зависит от места ударения, и они вынуждены согласиться, выступает еще довод: а при этом месте ударения ларингал перескакивает; вероятно, был когда-то ларингал, но был давно и давно выпал или слился с гласной, удлинив ее, эта долгая гласная сохранилась, если на нее падало ударение, или сократилась, если ударение падало на слог после нее.

У Иллич-Свитыча были, конечно, более сложные случаи. Но прочитав мою статью, он понял, что не следует браться за радикальные методы, пока не отработаешь старую, проверенную методику. В это время он написал довольно резкую рецензию на «Evidence 1960» [Иллич-Свитыч 1961], сборник, авторы которого были грешны радикализмом.

После падения тройственности акцентных парадигм в результате «закона Иллич-Свитыча — Дыбо» стало ясно, что надо ехать в Вильнюс, читать там древние акцентованные литовские тексты и работать с картотекой большого литовского словаря (он тогда не был еще издан). Причина, конечно, была ясна: нужно было из материала диалектов и древних акцентованных текстов выделить архаическую часть и сравнить с материалом других индоевропейских языков, сохранивших индоевропейский акцент или его рефлексы. Результатом было установление и.-е. типов акцентовки имени. В дальнейшем были введены поправки и уточнения, но основная задача была решена в книге Иллич-Свитыча «Именная акцентуация в балтийском и славянском» [Иллич-Свитыч 1963].

4. Что касается ностратической проблематики, то у трех участников работы сложились отношения дружеского соперничества. А. Б. Долгопольский долгое время считал, что построение ностратической компаративистики обычными (младограмматическими) методами невозможно, и рассчитывал на математические (статистические) методы. Когда мне надоело спорить с ним, я привел его к Иллич-Свитычу, который работал традиционными компаративистскими методами, и познакомил их. А. Б. Долгопольский был блестящий поисковик, но обработка деталей у него часто страдала. У Иллич-Свитыча к тому времени было прекрасное знание сравнительных грамматик языковых семей, входящих в ностратическую макросемью, и великолепная интуиция, позволявшая ему увидеть недоработки в этих сравнительных грамматиках. В ходе работы он фактически сделал ряд открытий и улучшений во всех этих сравнительных грамматиках (об этом я писал в статье [Дыбо 2000]).

Я какое-то время соревновался с коллегами, но после доклада и статьи В. М. Иллич-Свитыча «Индоевропейские гуттуральные с точки зрения внешнего сравнения» [Иллич-Свитыч 1964] понял, что ностратическая макросемья фактически доказана, и решил прекратить это соревнование, возвратившись к акцентологии и ограничившись чтением и рецензированием результатов работы моих коллег. К несчастью, мне вскоре пришлось возвратиться к ностратике, но это уже другая тема.

Литература

- Дыбо 1961 Дыбо В. А. Сокращение долгот в кельто-италийских языках и его значение для балто-славянской и индоевропейской акцентологии» // Вопросы славянского языкознания. Выпуск 5. М., 1961. С. 9–34.
- Дыбо 2000 Дыбо В. А. Владислав Маркович Иллич-Свитыч как компаративист // Славяноведение. 2000. № 5. С. 3–19.
- Дыбо 2006 Дыбо В. А. Сравнительно-историческая акцентология, новый взгляд: по поводу книги В. Лефельдта «Введение в морфологическую концепцию славянской акцентологии» // Вопросы языкознания. 2006. № 2. С. 3–27.
- Иллич-Свитыч 1959 *Иллич-Свитыч В. М.* О некоторых рефлексах индоевропейских «ларингальных» в праславянском // Вопросы языкознания, 1959, № 2. С. 3—18.
- Иллич-Свитыч 1961 *Иллич-Свитыч В. М.* Evidence for laryngeals. Work papers of a Conference in Indo-European linguistics on May 7th and 8th, 1959 // Вопросы языкознания, 1961, № 6. С. 117—122.
- Иллич-Свитыч 1962 *Иллич-Свитыч В. М.* К истолкованию акцентуационных соответствий в кельто-италийском и балтославянском. (О «втором правиле Дыбо») // Краткие сообщения Института славяноведения. Издательство Академии наук СССР. М., 1962. С. 63–72.
- Иллич-Свитыч 1963 *Иллич-Свитыч В. М.* Именная акцентуация в балтийском и славянском. Судьба акцентуационных парадигм. М., 1963.
- Иллич-Свитыч 1964 *Иллич-Свитыч В. М.* Генезис индоевропейских рядов гуттуральных в свете данных внешнего сравнения // Проблемы сравнительной грамматики индоевропейских языков. М., 1964. С. 22–26.
- Иллич-Свитыч 1971 *Иллич-Свитыч В. М.* Опыт сравнения ностратических языков (семитохамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский). Т. І. Введение. Сравнительный словарь (b Қ). М., 1971.
- *Шерџль* 1871 *Шерџль В. И.* Сравнительная грамматика славянских и других родственных языков. 1-я часть. Харьков, 1871. 2-я часть. 1873.
- Brugmann Delbrück 1897–1900 *Brugmann K., Delbrück B.* Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. Bd. I–V. Strassburg, 1897–1900.
- Collinder 1934 Collinder B. Indo-uralisches Sprachgut ('The Indo-Uralic Linguistic Heritage'). Uppsala, 1934.

12 В. А. Дыбо

- Collinder 1955 Collinder B. Fenno-Ugric Vocabulary. An Etymological Dictionary of the Uralic Languages. Stockholm Uppsala, 1955.
- Cuny 1914 Cuny A. Notes de phonétique historique. Indo-européen et sémitique // Revue de phonétique. 1914. 2. Pp. 101–132.
- Delbrück 1880 Delbrück B. Einleitung in das Sprachstudium. Leipzig, 1880
- EDAL Starostin S. A., Dybo A. V., Mudrak O. A. An Etymological Dictionary of Altaic Languages. Leiden, 2003.
- Evidence Winter W., ed. Evidence for Laryngeals. Texas, 1960 (2nd ed.: The Hague, 1965).
- Grimm 1870 *Grimm J.* Deutsche Grammatik. Göttingen, 1819. 2nd ed.: Göttingen, 1822–1840 (переизд.: hrsg. von Wilhelm Scherer, Berlin, 1870).
- Kuryiłowicz 1958 Kuryiłowicz J. L'accentuation des langues indo-européennes. Wrocław Kraków, 1958.
- Moeller 1911 *Moeller H.* Vergleichendes indogermanisch-semitisches Wörterbuch. Göttingen, 1911.
- Pedersen 1903 *Pedersen H.* Türkische Lautgesetze // Zeitschrift der deutschen morgenländischen Gesellschaft. 1903. 57. S. 535–561.

Summary

Vladimir Dybo

Vladislav M. Illich-Svitych as a Comparatist: a First Hand Account

The article looks at how the Moscow accentological school was created by Vladislav M. Illich-Svitych and Vladimir A. Dybo in the 1950-s — 1960-s and examines the problems faced by V. Illich-Svitych, Aharon B. Dolgopolsky and V. Dybo while conducting their Nostratic studies. The author recalls relationships between him and the other two scholars.

История акцентуации штокавских и чакавских глаголов на *-iti* с долготной основой в свете данных Крижанича

Перед тем как сформулировать проблему, из попытки решить которую выросла данная статья, дадим некоторые положения праславянской акцентуации, без учета которых постановка проблемы была бы невозможна.

Глаголы на -*iti*, -*jo* в праславянском языке, согласно текущей реконструкции, имели четыре акцентные парадигмы: a, b_1 , b_2 и c. При этом гласным -*i*-в данном случае обозначаются два разных суффикса: один образует итеративные глаголы от других глаголов, а другой — каузативы и деноминативы [Дыбо 1981: 219]; [ОСА: 120]. Глаголы, образованные первым из этих суффиксов, восстанавливаются в праславянском языке c а. п. a и b_1 , в то время как глаголы, образованные вторым суффиксом, имеют в реконструкции а. п. a, b_2 и c. Парадигма конкретного глагола вычисляется из акцентных свойств производящего слова и суффикса, за одним исключением.

Дело в том, что у существительных некоторых морфологических типов, помимо трех традиционных а. п. a, b и c, восстанавливается также а. п. d. Праславянскую акцентуацию деноминатива, производного от существительного а. п. d, невозможно предсказать точно: некоторые зафиксированные славянские языки указывают на а. п. b_2 , некоторые — на а. п. c, причем около половины таких глаголов приходится восстанавливать с обеими парадигмами (этому феномену посвящена статья [Лашин 2016]).

В целом правило деривации можно представить в виде следующей таблины.

А. п. основы	Деноминатив / каузатив на -iti	Итератив на - <i>iti</i>
a: *prävь, *läzь	a: *prävītь	a: *lűzītь
b: *gòlъ, *žená	b 2: *gòlītь/golĩtь	b 1: *žènītь
d: *stûdъ, *môltъ	b ₂ : *stūdītь/stūdītь c : *studītь	b 1: *mõltītь
c: *krîvъ, *svêtъ	c: *krivîtь	b ₁ : *svētītь

Таблица 1. Соответствие акцентных парадигм имен и глаголов на -iti

Для установления праславянской а. п. глаголов мы пользовались рядами соответствий между зафиксированными славянскими языками. Ради удобства читателей приведем их и тут.

Таблица 2. Ряды соответствий долготных глаголов на -iti

Прасл. а. п.	Pyc.	Слвн.	Болг.	Тырн.	Чеш.	Слвц.	Словинц.
а	изба́вить изба́вит	izbáviti izbávim	изба̀вя	и́зба́виль и̂зба́вить	zbavit(i) zbavím	zbaviť zbavím	zbãvjíc zbãvją
$ar{b}_I$	люби́ть лю́бит	ljúbiti / ljubíti ljúbim	лю̀бя	лю́бити възлю́биши	slíbit(i) slíbím	ľúbiť ľúbim	lãbjĭc lʉ̂bją
$ar{m{b}}_2$	пали́ть пали́т	páliti / palíti pálim	па̀ля	аор. распа́ли см	pálit(i) pálím	páliť pálim	pãlěc pắulą
$ar{c}$	дели́ть дели́т	delíti delím	деля̀	аор. <i>ра́здъли</i>	dělit(i) dělím	deliť delím	zìelĕc zìelą

Таблица 3. Ряды соответствий краткостных глаголов на -iti

Прасл. а. п.	Pyc.	Слвн.	Болг.	Тырн.	Шток.	Криж.
Ďι	ходи́ть хо́дит	hodíti hódim	хо̀дя	ѿхо́дити прихẃдитъ	hòditi hödīm	ходити ходим
$reve{b}_2$	твори́ть твори́т	tvóriti tvórim	сторя	тво́рити тво́римь	tvòriti tvòrīm	твори́ти твори̂м
č	роди́ть роди́т	rodíti rodím	ро̀дя	роди́ти роди́тъ же	ròditi ròdīm	роди́ти роди̂м

Данные говора Крижанича (считаемого нами, по крайней мере в плане акцентуации, чакавским говором, см. подробнее [Ослон 2009: 15]) умышленно не включены в таблицу долготных глаголов¹, о чем см. раздел 1.

Для установления праславянской а. п. существительных и прилагательных мы пользовались аналогичным методом, описанным, в частности, в таблице [Дыбо 2000: 18]. А. п. d, не имеющая собственной специфичной акцентуации и совпадающая частично то с а. п. b, то с а. п. c, выявлялась преимущественно по работам других авторов; наиболее полный список существительных а. п. d со ссылками приведен в [Лашин 2016: 78–79]. К нему стоит добавить пропущенные в исследовании *čerpъ а. п. d и *perdъ а. п. b / d [Николаев 2012: 171–172].

Как видно из трех представленных таблиц, рефлексы презенса i-глаголов а. п. b_2 могут иметь в зафиксированных славянских языках как наосновное, так и насуффиксальное ударение; такое же двойственное состояние восстанавливается и для поздней праславянской эпохи. Различие в акцентуации презенса этих глаголов считается в работах Московской акцентологической школы важной праславянской изоглоссой [ОСА: 109]. Устанавливается четыре типа оттяжек с суффикса -i- в презенсе.

Цитируем релевантную для темы данной статьи часть таблицы из [OCA: 112].

	Праслав.	1-й тип	2-й тип	3-й тип	4-й тип
Презенс	ložitь	lòžitь	lòžitь	ložitь	ložitь
i-глаголов	xvālitь	xválitь	xvalitь	xválitь	xvālitь

Таблица 4. Типы праславянских оттяжек в презенсе глаголов на -iti

При этом утверждается, что 2-й тип (ložitb, xvālitb) характерен для штокавских говоров сербохорватского языка, в то время как 3-й тип (ložitb, xválitb) характерен для говора Крижанича [OCA: 110–111].

 $^{^1}$ «Долготными основами» (или «долготными глаголами») здесь и далее называем позднепраславянские и южнославянские основы (и глаголы) а. п. b_1 , b_2 и c с долгим последним гласным основы (не считая суффикса -i-), а «краткостными основами / глаголами» — соответственно основы / глаголы тех же акцентных парадигм с кратким последним гласным основы (не считая суффикса -i-). Для глаголов а. п. a данная дихотомия не имеет смысла: до сокращения акута все такие основы были долготными, а после сокращения стали краткостными. Кроме того, глаголы а. п. a в данном исследовании практически не участвуют.

Аналогичное мнение высказывалось и раньше Р. В. Булатовой: «В кайкавскочакавском говоре XVII в. Ю. Крижанича [...] глаголы a и c а. п. образованы соответственно от имен a и c а. п., в а. п. b остались глаголы от имен b а. п. с долготным корнем, глаголы же от краткосложных имен b а. п. перешли уже в c а. п.» [Булатова 1975: 112].

В то же время в более поздних работах других исследователей можно встретить иные мнения относительно судьбы долготной а. п. b_2 в говоре Крижанича и близкородственных ему южнославянских говорах.

Так, М. В. Ослон пишет: «Таким образом, у долгосложных глаголов на -i-последовательно различаются акцентные кривые а. п. b_2 и а. п. c. Очевидно, что это различие связано с наличием или отсутствием двух долгот подряд. В формах глаголов а. п. b_2 , по-видимому, имелись условия для действия закона Крижанича» [Ослон 2009: 68]. Иными словами, Ослон предполагает изначальное насуффиксальное ударение и при этом долготную основу во **всех** глаголах, восходящих к прасл. а. п. $\bar{b}_2$ (* $xv\bar{a}litb$), в отличие от всех глаголов, восходящих к прасл. а. п. $\bar{c}$ (* $su\bar{s}itb$), и дальнейшую оттяжку ударения * $xv\bar{a}l\bar{t}$ - $> xv\bar{a}l\bar{t}$ - по т. н. $\underline{s}akohy$ Крижанича, о котором чуть ниже.

Два различных взгляда на ту же проблему применительно к штокавским и чакавским говорам можно встретить в работах Мате Каповича разных лет.

Вначале М. Капович был за то, что долготная а. п. b_2 дала в штокавских и чакавских говорах формы с ударением на суффиксе и краткостной основой: «Долгая а. п. b_2 первоначально отразилась в новоштокавском как а. п. C, но большинство глаголов впоследствии перешли в а. п. B: в результате т. н. процесса $\underline{su\tilde{s}\tilde{\imath}} \Rightarrow \underline{su\tilde{s}\tilde{\imath}}$. [...] В чакавском некоторые диалекты указывают на старую а. п. C в качестве рефлекса а. п. b_2 , позднее претерпевшую процесс $\underline{su\tilde{s}\tilde{\imath}} \Rightarrow \underline{su\tilde{s}\tilde{\imath}}$ (в других диалектах данные неоднозначны)» [Кароvić 2011: 207, перевод наш].

По прошествии нескольких лет Капович стал считать современные што-кавские и чакавские формы с долготной ударной основой первичными и этимологически тождественными кайкавским и западнославянским формам: «в шток. (а также в чак. / кайк. и в совр. з.-слав. языках [...]) [...] исконная долгота была сохранена [...] под неоакутом в презенсе ($s\tilde{u}d\tilde{t}\tilde{s} > s\hat{u}d\tilde{t}\tilde{s}$)» [Кароvіć 2015: 476, перевод наш].

1. Постановка проблемы

Глаголы на -iti говора Крижанича с долготными основами используются в работах В. А. Дыбо и С. Л. Николаева в качестве материала для реконструкции праславянских ударений; в то же время М. В. Ослон обнаружил, что

постулируемое распределение не безупречно. Он приводит небольшие списки исключений в обе стороны: «гришим, красим (< прасл. а. п. b_2); блажим, крипим, линим се, пустим, слипим, живим, твердим, цилим, лишим (< прасл. а. п. c)» [Ослон 2009: 68] — и пытается объяснить эти отклонения поздними аналогиями. При этом в этих списках отсутствуют такие глаголы, как, например, мертвим (при прасл. *mertva a. п. b) и зимим (при прасл. *zima a. п. c), т. е. списки явно неполные.

Мы провели полную роспись i-глаголов в говоре Крижанича, восходящих к прасл. а. п. $\bar{b}_2$ и $\bar{c}$, и предварительно обнаружили следующее статистическое распределение (глаголы, образованные от имен с суффиксами, содержащими гласный, например $zocnod\hat{a}pum$, а также от существительных а. п. d, например $zpad\hat{u}m$, в подсчете не учитывались): из примерно 100 i-глаголов, у которых согласно данной выше процедуре реконструируется прасл. а. п. b_2 , более 80 у Крижанича имеют а. п. $\bar{b}$, и в то же время 20 глаголов — а. п. $\bar{c}^2$, что статистически значимо. Распределение среди глаголов прасл. а. п. $\bar{c}$ составляет примерно 40 на 70 в пользу а. п. $\bar{c}$.

Таким образом, заявления (ср. процитированные выше слова В. А. Дыбо, Р. В. Булатовой и М. В. Ослона) о том, что **все** прасл. долготные *і*-глаголы той или иной парадигмы всегда или за редкими исключениями дают ту или иную парадигму в говоре Крижанича, не подкрепленные никакими оговорками, могут вызвать разве что удивление.

20 глаголов (список см. в разделе 5) синхронной а. п. $\tilde{c}$, соответствующих праславянской а. п. $\tilde{b}_2$, можно трактовать как инодиалектное влияние, аналогию или же как сохранение исконного состояния (при условии, что прочие глаголы претерпели изменение долготы и парадигмы).

Мы считаем инодиалектное влияние или аналогию маловероятными. В соседних с говором Крижанича кайкавских говорах, как и в словенском языке, а. п. $\bar{b}_2$ продолжается типом с наосновным ударением: Коньщина $s\tilde{o}uziti:s\tilde{o}uzi,s\tilde{o}uzila$ [Кароvić 2011: 183] ($< sb-\bar{o}ziti$) при Криж. npe sysum или слвн. razbubim se 'вылезу из кокона' при Криж. $pas\delta y \delta um$ ce; таким образом, объяснить формы Крижанича заимствованием из них невозможно. Чакавские же диалекты в целом не сильно отличаются от состояния Крижанича и, напротив, могут быть только еще более прогрессивными, ср. Питве $s\bar{u}zit$, $s\bar{u}zin$ [там же: 155] и др.

Аналогия несколько более вероятна, если удастся найти внятную причину или несколько разных причин такой аналогии. Мы не нашли примеров,

 $^{^2}$ Так в говоре Крижанича мы обозначаем а. п. i-глаголов с насуффиксальным ударением и переменной долготно-краткостной основой, см. раздел 4.

свидетельствующих об аналогии; из 20 примеров разве что $npy\partial\hat{u}$ м и $куc\hat{u}$ м имеют в говоре Крижанича синхронное производящее а. п. c, но и эти производящие имеют долготный корень, так что аналогия, результатом которой стало сокращение основы, вряд ли возможна.

Штокавские данные показывают иную картину. Если рассмотреть штокавский материал (полная акцентная роспись словаря Вука сделана в работе [Даничић 1925]), можно заметить, что производные от имен а. п. $\bar{b}$ и а. п. $\bar{c}$, в том числе имеющих эти а. п. синхронно в современном лит. штокавском, никак между собой не различаются. Меньшинство таких глаголов имеют долготную основу и насуффиксальное (в гипотетическом состоянии «до новоштокавской оттяжки») ударение в презенсе (например $tr\dot{u}b\bar{t}m$), и Даничич замечает, что почти все они непереходные, в то время как большинство глаголов, имея такую же долготную основу, получают в презенсе наосновное ударение (например $hv\hat{a}l\bar{t}m$) и являются переходными [Даничић 1925: 138]. Это противопоставление, очевидно, по́зднее; ср. также пары $t\hat{u}z\bar{t}m$ (перех.) и $tuz\bar{t}m$ (неперех.) и др. [там же]. Наконец, всего несколько глаголов имеет краткостную основу ($uz\bar{t}m$, $zz\bar{t}m$), и все они продолжают прасл. а. п. $zz\bar{t}m$

Схожую со штокавской ситуацию обнаруживают чакавские говоры. В большинстве чакавских говоров а. п. $\bar{b}_2$ дала а. п. $\bar{b}_3$; такой же рефлекс дает и прасл. а. п. $\bar{c}$ [Кароvić 2011: 198]. В то же время мы располагаем данными и из села Липник (соседнего с Обрхом, родным селом Крижанича) [Матия Мужек, личное сообщение], в которых все же есть следы некоторых из 20 обнаруженных нами архаичных глаголов, что подтверждает нашу гипотезу.

В связи со всем вышеизложенным — различными мнениями и нашими собственными наблюдениями, — мы решили рассмотреть глагольный материал Крижанича³ и вывести из него закономерности, могущие пролить свет на эволюцию как чакавских i-глаголов, так и штокавских, с учетом их сходства и архаичности материала Крижанича на их фоне.

2. Позднепраславянское сокращение предударных долгот («закон двух мор»)

«Закон двух мор», сформулированный М. Каповичем, звучит следующим образом: все долготы, стоящие перед ударным слогом, сокращаются, если за ними следует две и более моры (краткие гласные считаются за одну мору, долгие — за две, редуцированные — за половину моры). Данному закону посвящена статья [Кароvić 2005]. Отсюда имеем, например, bráda < brādà, но bràdat < bradàt. Судя по примеру bràdat, можно заключить, что этот закон действовал

 $^{^3}$ Для исследования использовался корпус трудов Ю. Крижанича в программе [Verba].

после сокращения конечного акута, но до сокращения прочих ударных акутов. Это правило ранее формулировали как «сокращение перед срединным акутом» [Дыбо 2000: 84]. В то же время этому же закону подчиняются и такие слова, как $mladaċk\bar{t} < *ml\bar{a}db\dot{c}sk\bar{t} < *moldb\dot{c}b\dot{s}kbjb$, в которых срединного акута не было.

Из закона двух мор следует, что если ударение оказывалось в презенсе i-глаголов на суффиксе (несущем в этом случае долгую неоакутовую интонацию) или за суффиксом, на окончании, то предударные долготы в основе должны были сократиться: * $d\check{e}l\tilde{i}tb$, * $d\check{e}l\tilde{i}t\dot{e}$ а. п. c, но также и * $mesa\acute{r}i$ -, * $xval\~{i}$ - а. п. b в тех славянских диалектах, в которых иктус был на суффиксе (или, по аналогии с а. п. c, на окончаниях -ma, -te).

Также из данного закона следует, что сокращались все предударные долготы в инфинитивах на -*iti*: *xvaliti. В случае, если основа имела долгий гласный в презенсе, можно было ожидать скорое восстановление долготы и в инфинитиве; но в случаях, когда ее не было в презенсе, в инфинитиве гласный оставался кратким. У Крижанича зафиксированы далеко не все инфинитивы, большая часть глаголов зафиксирована в словаре в форме на -*ûм*. Однако ср. Липник zvüzit, zvüzim и käznit, käznim с краткостью (и позднейшей оттяжкой влево) [Матия Мужек, личное сообщение].

3. Закон Крижанича (процесс $su\check{s}\tilde{\imath} \Rightarrow s\tilde{u}\check{s}\tilde{\imath}$)

Ряд диалектов праславянского в определенный период претерпел преобразование по закону оттяжки ударения с долгого слога на предшествующий долгий («долготная оттяжка»), получившему в ряде публикаций наименование закона Ю. Крижанича [ОСА: 122]. Иными словами, при соседстве двух долготных слогов ударение может стоять только на первом из них.

Несмотря на формулировку «диалектов праславянского», закон, по всей видимости, действовал после сокращения ударного акута (ср. лит. шток. $pît\bar{a}\check{s}$ < $p\bar{t}t\hat{a}\check{s}$, но $pitaj\bar{u} < p\bar{t}t\check{a}j\bar{u}$). Очевидно, он действовал после падения еров, ср. Криж. $sw\hat{e}tcech$ при $gonc\hat{e}ch$ (см. [Ослон 2011: 121–122]).

Если долгота по тем или иным причинам появлялась перед долгим ударным гласным, ударение передвигалось на слог влево. Приведем два примера, в которых долгота явно вторична: Криж. $m\hat{u}chum$, лит. шток. $t\hat{e}sn\bar{t}m/t\hat{i}j\hat{e}sn\bar{t}m/t\hat{i}j\hat{e}sn\bar{t}m$ (от $*t\hat{e}sn\bar{b}$ а. п. c).

l-прич.

Aop.

Прич. прош.

Аор. 2-3 ед.

Имперфект

1 ед. наст.

кӯпи́л

obliczîwszi,

zakupîwszi

lyublyâchu

ку̂пим

трудих

4. Синхронные а. п. говора Крижанича

Глаголы на -iti а. п. a имеют краткостное ударение на основе во всех формах.

Глаголы а. п. $\bar{b}$ имеют ударение на суффиксе во всех формах, кроме презенса, действительного и страдательного причастия, где ударение долготное и стоит на основе. В инфинитиве, l-причастии, императиве и аористе предударная основа долготная, хотя долгота указывается не всегда.

Деепричастия и имперфект таких глаголов встретились только в «Политике» без указания на долготу: zakupîwszi, obliczîwszi. Учитывая, что в говоре Крижанича действовал запрет на удлинение ударного гласного перед сонантами после слога с долготой [Ослон 2009: 53–54], мы считаем, что гласный основы в таких формах был кратким, т. е. долгота в них не была восстановлена.

Глаголы а. п. $\check{b}$ имеют аналогичное распределение ударений, но основа во всех формах краткая. Данных по 2-3 ед. аориста также не обнаружилось.

Глаголы а. п. $\check{c}$ (сократившейся) имеют ударение на суффиксе во всех формах. Лишь пассивное причастие имеет долготу на окончании (по а. п. b). Долготная основа встречается в императиве и в 2-3 ед. аориста, но долгота отмечается не всегда.

Глаголы а. п. $\check{c}$ ничем не отличаются от глаголов а. п. $\check{\bar{c}}$, кроме краткости корня во всех формах.

	А. п. в	А. п. в	А. п. с	А. п. с
Инф.	слӣди́т трави́ти	проси́ти	onycmúmu, onycmúm	строьи́ти, говори́т
Импер.	хвāли́те	ходи́, ходи́мо, ходи́те	чūни́	прости

ходил

водив.

просих

водивши

proszâchu

мо́лим

опусти́ли

градив се.

vчи́ша

чиньа̂ху

чиним

гради̂вши се

учини́, гради́

goworil

dogoworîwszi

goworichom

umorí

коша̂ху

косим

Таблица 5. Акцентные парадигмы глаголов на -iti в говоре Крижанича

Прич. наст.	chwâleċ		* , , ,	говоре̂щ, говорḗща́
Прич. страд.	kûplyeni	мо́льен	opuszèén, -à	говорѐн, ustroenú

5. Производные от а. п. $\bar{b_2}$ с краткостными основами в говоре Крижанича

Таких глаголов насчитывается 20, в том числе один глагол ($\kappa yc\hat{u}M$) принадлежит группе из 7 праславянских глаголов, имеющих подтвержденную а. п. b_2 при деривате а. п. d [Лашин 2016: 87–88]. Один глагол предположительно имеет колебания в долготе основы ($\kappa p\hat{a}mum / \kappa pam\hat{u}M$).

2 из них, $npy\partial\hat{u}$ м (ср. слвц. $pr\dot{u}dit$) и $\kappa yc\hat{u}$ м (ср. польск. $ukqsi\dot{c}$), имеют синхронные производящие а. п. c^4 : лит. шток. $pr\dot{u}d$ (при др.-рус. $npy\partial_b\ b/c$, слвц. $pr\dot{u}d$, польск. prqd); $k\hat{u}s$, Криж. $\kappa\hat{y}c$ (прасл. а. п. d). Поэтому они, вероятно, не могут считаться полностью показательными.

4 глагола, очевидно, синхронно не имеют однокоренных: удрехлим, устермим се, поспишим, журит се. Эти глаголы, напротив, наиболее показательны.

8 глаголов имеют однокоренные слова с кратким в корне: кели̂м 'лепить': келі̂е, мертви̂м: мертви́х, волхви̂м: wólchwi, вражди̂м се: wrażdá (?), хитри̂м: хи́тер, казни̂м: казна̀, храбри̂м се: chrábri, черти̂м: черта̀, черте́ж.

Об одном глаголе мы затрудняемся предположить, какие однокоренные он имел в говоре Крижанича: pas6y6ûm се 'вылезти из кокона' (при лит. шток. $b\ddot{u}ba$ а. п. a — неясно).

Наконец, 4 глагола имеют однокоренные с долгим в корне, по каким-то причинам не перестроились: *краси̂м*: *красен*, *возжеди̂м*: *жедни*, *превузи̂м*: *вузок*, *пласти̂м*: *плâсти* (лит. шток. род. *plásta*). Сюда же относим глагол с колебанием: *кра̂тим* (если это не опечатка) / *крати̂м*: *кра̂ток*, *кра̂тка*.

В современном говоре села Липник общины Рибник Карловацкой жупании (соседнего с селом Обрх, где родился Юрий Крижанич), согласно полученному нами материалу [Матия Мужек, личное сообщение], сохранилось всего несколько из этих глаголов. Все они имеют баритонезу в результате переноса ударения в данном морфологическом типе, однако последний гласный основы (ныне ударный) сохраняет противопоставление по долготе. При этом глаголы

 $^{^4}$ В процессе исследования в лит. штокавском и в говоре Крижанича было обнаружено довольно много односложных существительных синхр. а. п. c, восходящих к прасл. а. п. b, т. е., очевидно, это результат некоторого массового перехода, в то же время не связанного с прасл. а. п. d. Мы не вдавались в подробности и причины этого перехода.

ohrâbrit, ohrâbrim; požûrit, požûrim; ukrâsit, ukrâsim; skrâtit, skrâtim ныне имеют долготу, а о сохранении краткости можно говорить только в случае глаголов zvüzit, zvüzim и käznit, käznim.

Далее мы аналогичным образом рассмотрим глаголы, восходящие к прасл. а. п. $\bar{b}_2$ и $\bar{c}$; отдельно выделим глаголы, производные от существительных прасл. а. п. d; наконец, совсем отдельно будут вынесены глаголы, производные от суффиксальных имен, так как в них было больше пространства для аналогии. Глаголы будут в большинстве случаев разбиты на группы по долготе гласного и по наличию у них производящих или однокоренных того или иного вида.

Не рассматриваются: глаголы с неясным значением или этимологией (напр., врежим зу̂би, ни̂тим, стретим, кньастим, свастим); глаголы с пометками «лешско», «руско» и под. (во̂льним, грузи̂м); глаголы, перешедшие в а. п. а (гньи́вим); глаголы, перешедшие из а. п. а (нава̂дим); глаголы с возникшей по фонетическим причинам долготой на месте праславянской краткости (ме̂ньшим — удлинение перед сонантом).

6. Основная часть глаголов а. п. $\bar{b}_2$ с баритонезой

По-видимому, большинство глаголов прасл. а. п. $\bar{b}_2$ уподобились однокоренным словам, имеющим предударную долготу на корне. Так, кроме четырех глаголов $\kappa pac \hat{u} m$, $sos med \hat{u} m$, $npe sys \hat{u} m$, $nnac m \hat{u} m$, упомянутых выше, все глаголы а. п. $\bar{b}_2$, имеющие ассоциирующееся с ними однокоренное слово со стабильной предударной долготой по всей парадигме (производное или производящее), отражаются в говоре Крижанича с долготным ударением на корне: $nob \hat{u} d m$ от $b m \hat{u} d m$, $b m \hat{u$

Глаголов, имеющих прочно ассоциирующиеся с ними однокоренное имя а. п. b либо имя с предударной долготой в корне (в том числе предполагаемое нами), насчитывается 55. Более детально классифицировать их сложно ввиду частой многочисленности таких имен у одного глагола, а также ввиду того, что такие имена не всегда зафиксированы, — таким образом, не всегда ясно, какое имя могло оказать влияние. Приводим все такие глаголы («группа $\delta \bar{u} \partial a$ »):

- 1. **hědi-*: би̂дим : бӣда
- 2. *blazni-: бла̂зним: лит. шток. bláznōst.
- 3. *blizi-: бли̂зим : бли̂з, блӣзу́; блӣзок.

- 4. *borni-: браним : лит. шток. brána.
- 5. *borzdi-: бра̂здим : лит. шток. brázda.
- 6. **čьrni-*: ч*е̂рним* : ч*е̂рн* а. п. *b*.
- 7. *gnězdi-: гньûздим се : лит. шток. gnézdo / gnijèzdo / gnijézdo.
- 8. *gul(j)i-: zŷльим, oбzŷльим [шток. gúliti 'очищать от кожуры'] : шток. диал. gúlja 'очистки'.
  - 9. *kolti-: клатим се: клате́ж.
  - 10. *kľuči-: кльу̂чим : кльӯчи.
  - 11. *kl'usi-: $\kappa льŷсим$ 'бежать рысью? спотыкаться?' : $\kappa ль\bar{y}ce$.
  - 12. *kraľi-: кра̂льим : кра̄льа.
  - 13. *kridli-: кри̂лим : крӣло.
  - 14. **križi-*: *кри̂жим* : лит. шток. *krîž*, *kríža*.
  - 15. *krǫgli-: кру̂глим се : окрӯгел.
  - 16. *krǫti-: кру̂тим : кру̂т а. п. b (?).
  - 17. *liči-: обли̂чим : лӣце.
  - 18. **l'uti-*: льу̂тим се : льӯта а. п. b.
  - 19. **loči-*: лу̂чим, улу̂чим : лит. шток. *lúka*.
  - 20. *ludi-: $\pi \hat{y} \partial u M$: $\pi \hat{y} \partial$ а. п. b (?).
  - 21. **lupi-*: лŷпим : лӯпеж.
  - 22. *měsi-: мûсим : лит. шток. mijèšnja (?).
  - 23. *melči-: мли̂чим : млӣко.
  - 24. *mqdri-: ymŷдрим : $m\bar{y}дер$.
  - 25. *mǫti-: мŷтим : лит. шток. тútan.
  - 26. *nagli-: на̂глим се, уна̂глим : на̄гел.
  - 27. *огзьпі-: разним се, разнит : гагпо, разних.
  - 28. *perči-: npûчим : въ npûк, лит. шток. prêk / prijek / prijêk.
  - 29. *porzdьni-: пра̂зним : пра̄зен.
  - 30. *rĕdi-: ри̂дим : рӣдок.
  - 31. *rubi-: ру̂бим : рӯбеж.
  - 32. **šali-*: *ша̂лим се* : лит. шток. *šála*.
  - 33. *ščiti-: шиџитим, зашиџитим : шиџит, лит. шток. štíta.
  - 34. **sińi-*: *сûньим*, *посûньим* : *сūньа* а. п. *b*.
  - 35. *sivi-: си̂вим, поси̂вим : си̂в а. п. b (?).
  - 36. *sqdi-: $c\hat{y}$ дим, $oбc\hat{y}$ дим : $c\hat{y}$ д а. п. b.
  - 37. *širi-: ши̂рим : шӣром.
  - 38. **šupli-*: *шŷплим* : лит. шток. *šúplje*.
  - 39. *travi-: травим, отравим : трава (?).
  - 40. **trobi-*: *mpŷбим* : лит. шток. *trúba*.
  - 41. *trudi-: трŷдим : трӯда́.

- 42. *trǫsi-: тру̂сим : лит. шток. trûs a. п. b (?).
- 43. *truxli-: трŷлим се : трŷл а. п. b (?).
- 44. *tuli-: mŷлим : nóset tulí a. п. b.
- 45. *toži-: ту̂жим се : тӯги.
- 46. *иbуtъčі-: уби̂тчим, јзуби̂тчим: убӣток.
- 47. *vъпиtri-: вну̂трим се : вь нӯтри.
- 48. **qzi-*: $e\hat{y}$ зим, jз $e\hat{y}$ зим синхронно связано с $wuz\acute{a}$ а. п. b, в отличие от npeeyз $\hat{u}$ м.
  - 49. **utli-*: *ву̂тлим* : *вӯтел*.
  - 50. **xorni-*: *xpâним* : лит. шток. *hrána*.
  - 51. *xuli-: xŷлим : chulá, chulú.
  - 52. *xvali-: хвалим : хвала.
- 53. *xvati-: хвâтим (но и хвáтим) : лит. шток. jedan hvât 'один обхват' а. п. b (?).
  - 54. *žьlti-: жо̂лтим : жо̂лт а. п. b.
- $55. * \check{z}uli-: ж\hat{y}льим, обж\hat{y}льим [лит. шток. \check{z}úljiti 'нажимом или трением вызывать телесную боль']: лит. шток. <math>\check{z}\hat{u}lj$, $\check{z}\hat{u}lja$ 'задубевшая кожа, мозоль'.

Сюда же относится один глагол, имевший в праславянском производящее а. п. d, но отразившийся в славянских языках в виде а. п. b: блŷдим, заблŷдим, преблŷдим: без блӯда.

- У 9 глаголов имеются производящие, по каким-либо причинам принадлежащие (в т. ч. предположительно) к а. п. c («группа $\epsilon p \hat{a} u$ »):
  - 1. *цви̂льим* 'пищать, скулить, скрипеть' : лит. шток. cvil а. п. c (?).
  - 2. *gńav-: гньа̂вим, загньа̂вим [болг. гня̀вя] : лит. шток. gnjâv a. п. с (?).
  - 3. *kъrmi-: ке̂рмим, kôrmit [слвц. krmit', слвн. krmim]: kôrm, kôrma а. п. с (?).
  - 4. *krěsi-: кри̂сим : лит. шток. krijes a. п. с (?).
  - 5. * $l\check{e}\check{c}i$ -: л $\hat{u}$ чим : лит. шток. $l\hat{e}k$ / $l\grave{i}j\hat{e}k$ а. п. c.
  - 6. *mami-: $m \hat{a} m u m$: лит. шток. $m \hat{a} m$ а. п. c.
  - 7. *tъrži-: mе̂pжuм, mо̂pжuм [слвн. tržim] : mо̂pe a. π . c.
  - 8. *vabi-: ва̂бим : wâbmi, лит. шток. vâb 'zvuk vapka' а. п. c (?).
  - 9. *vrači-: врачим, изврачим : врач а. п. с.

Сюда же относятся еще 3 глагола, имевшие в праславянском производящее а. п. d, но отразившиеся в славянских языках по а. п. b:

- 1. *brusi-: бру̂сим, набру̂сим : лит. шток. brûs a. п. с.
- 2. *perdi-: упридим : приднье (?).
- 3. *sormi-: сра̂мим се : srâm а. п. с.

Один глагол имеет производящее а. п. a с долгим гласным в корне: $cmp \hat{a} ж u m$: $cmp \hat{a} ж a$ (а. п. a_1).

Можно заметить, что все 6 глаголов «группы вратим» достаточно частотны по сравнению с 20 глаголами, представляющими, по нашему мнению, архаизм. Это может означать как то, что у них чаще других глаголов употреблялся императив, содержащий долгий гласный (что могло запустить аналогию), так и то, что они могли быть чаще слышны в устах носителей соседних кайкавских диалектов; также вероятно, что на долготу гласного повлияло и то, и другое.

Отдельно рассмотрим образования с суффиксами *-ār'-iti и *-nīč-iti: господарим, корчмарим, лихварим, месарим и митарим имеют соответствующие производящие господар, корчмар, lichwari, месар и митар; для владарим такого производящего не зафиксировано, что, однако, может быть и случайностью. Аналогична ситуация с глаголами областничим (ср. oblastnîk) и проводничим (производящего не зафиксировано). Впрочем, как мы увидим далее, аналогия в глаголах на -iti, образованных от имен с суффиксами, достаточно сильна внутри одной группы и может быть и не связана с производящими напрямую.

7. Глаголы прасл. а. п. $\bar{c}$

Эти глаголы разделяются на группы с отчетливо разным процентом «проаналогизировавшихся» в каждой.

7.1. В «группу $3\bar{u}$ ма» мы поместили дериваты от сущ. $\bar{a}$ -склонения а. п. c, имеющих в значительном количестве форм (в т. ч. в «эталонной» начальной) **предударную** долготу. Группа имеет распределение 3:3. Глагол wistrelît считаем русизмом.

Наосновное ударение с долготой:

- 1. *skvьrni-: скверним [др.-рус. ни оскверню же] : скверна а. п. с (?).
- 2. *storni-: устраним се: страни, stranu.
- 3. *zimi-: зи̂мим : зӣма, зи̂му.

Насуффиксальное ударение:

- 1. *cĕni-: цини̂м : цӣна, ци̂ну, cênu.
- 2. *roči-: ручим се : рука а. п. с.
- 3. *vini-: вин $\hat{u}$ м : прасл. *vin $\dot{a}$ а. п. c (ср. чеш. vina), однако синхр. вину (долгота корня неясна).
- 7.2. В «группу $c\hat{a}\partial$ » попали 10 глаголов с наосновным и 12 с насуффиксальным ударением, имеющих однокоренное существительное м. р. o- или u-основы а. п. c.

Наосновное ударение с долготой:

- 1. *běsi-: би̂сим се : би̂си а. п. с.
- 2. *bridi-: бридим : лит. шток. brîd a. п. c (?).
- 3. *gaji-: га̂ьим, зага̂ьим : га̂ь а. п. с (?).
- 4. *goldi-: гл $\hat{a}$ дим, изгл $\hat{a}$ дим 'морить голодом' : гл $\hat{a}$ д а. п. с.
- 5. *golsi-: гла̂сим : гла̂с а. п. с.
- 6. *mul'i-: мŷл(ь)им : лит. шток. mûlj а. п. с.
- 7. *smordi-: смрадим : смрад а. п. с.
- 8. *světi-: сви̂тим : сви̂т а. п. с.
- 9. *traži-: mpа̂жим : mpа̂г a. п. c
- 10. *znači-: znâczit : znâki a. п. с.

Насуффиксальное ударение:

- 1. *dari-: дари̂м : да̂р а. п. с.
- 2. **druži-*: *дружи̂м* : *дру̂г* а. п. *с*.
- 3. *kadi-: кадим : кад а. п. с.
- 4. *knęži-: кнежим : кнез а. п. с.
- 5. *kvasi-: кваси̂м : kwâs a. п. с.
- 6. *miri-: мири̂м : ми̂р а. п. с.
- 7. *mqži-: мужи̂м : му̂ж а. п. с.
- 8. *pъlči-: ополчи̂м се по̂лк а. п. с.
- 9. *orsti-: растим : pâcm a. п. с.
- 10. *sadi-: $cad\hat{u}_M$: лит. шток. $s\hat{a}d$ а. п. c.
- 11. *soldi-: слади̂м : slâd (а также сла́док) а. п. с.
- 12. *svęti-: светим : свет а. п. с.

Здесь же перечислим дериваты от а. п. d, имеющие в остальных славянских языках стабильные рефлексы а. п. c:

Наосновное ударение с долготой:

- 1. *nersti-: мри̂стим се: лит. шток. mrêst / mrijest / mrijêst а. п. с.
- Насуффиксальное ударение:
- 1. *dъlži-: должи̂м : до̂лг а. п. с.
- 2. *gordi-: градим, оградим : град <math>a. п. c.
- 3. *sněži-: снижим : снівг а. п. с.
- 4. *vali-: вали̂м, обали̂м : лит. шток. vâl a. п. с.
- 5. *xoldi-: xлади̂м, прохлади̂м: лит. шток. hlad а. п. c.

Таким образом, общее распределение составляет 13:17 в пользу насуффиксального ударения.

- **7.3**. «Группа *вла̂ст*», производная от существительных ж. р. *i*-склонения а. п. c, насчитывает 10 глаголов, все из которых принадлежат к а. п. c.
  - 1. *dal(j)i-: дальим : даль а. п. с.
  - 2. *gati-: загати̂м : га̂т a. п. с (?).
  - 3. **javi-*: *jaвûм* : *jâв* а. п. с.
  - 4. *masti-: мастим : маст а. п. с.
  - 5. *skъrbi-: скорби̂м се : ско̂рб а. п. с.
  - 6. *solsti-: сластим: сласт а. п. с.
  - 7. *strasti-: страстим: страст а. п. с.
  - 8. *věsti-: висти́м : ви̂ст а. п. с.
  - 9. *volsti-: властим: власт а. п. с.
  - 10. *žыlči-: жолчи̂м : жо̂лч а. п. с (?).
- **7.4.** «Группа $m\bar{u}$ ло» содержит 3 производных от сущ. ср. р. а. п. c, распределившихся в соотношении 1:2.

Наосновное ударение с долготой:

1. *těli-: ти̂лим се : ти̂ло.

Насуффиксальное ударение:

- 1. *divi-: диви̂м се : ди̂во.
- 2. *zolti-: злати̂м : зла̂то.

Здесь же упомянем *просвитли̂м* (с пометкой *неуж.*) : лит. шток. sv(j) *ètlo* (вторично а. п. a?).

7.5. Довольно многочисленная «группа $c\hat{y}x$ » содержит производные от прилагательных а. п. c. В ней распределение составляет 17:8 в пользу наосновного ударения; кроме того, у 5 глаголов мы считаем подтвержденной двоякую рефлексацию. Вероятно, чуть бо́льшую вероятность наосновного ударения определило существование довольно частотной формы женского рода с предударной долготой $c\bar{y}xa$.

Наосновное ударение с долготой:

- $1. *blaži-: бла̂жим : бла̂гиь <math>a. \ \pi. \ c.$
- 2. *cěli-: ци̂лим, zacêlit : ци̂лиь а. п. с.

- 3. *goldьni-: гла̂дним, jзгла̂дним : gladní, glâdna a. п. с.
- 4. *grubi-: гру̂бим : гру̂б а. п. с.
- 5. *gъrdi-: ге̂рдим, го̂рдим 'укорять' : ге̂рдо а. п. с.
- 6. **jači-*: *jâчим* : *jâк* а. п. с.
- 7. **krъvavi-*: корва̂вим : корва̂виь а. п. с.
- 8. *lěni-: ли̂ним се : лит. шток. lênj / lìjen / lijên a. п. с.
- 9. *mladi-: мла̂дим : мла̂д а. п. с.
- 10. *naži-: на̂жим, обна̂жим : на̂гиь а. п. с.
- 11. *rudi-: pŷ∂им : pŷ∂ а. п. c (?).
- 12. *skupi-: ску̂пим се, оску̂пим се : ску̂п а. п. с.
- 13. *syri-: сûрим : сûр а. п. с.
- 14. *topi-: mŷnим : mŷn a. п. с.
- 15. *tvьrdi-: тве̂рдим : тве̂рдо а. п. с.
- 16. *tъlsti-: то̂лстим : то̂лст а. п. с.
- 17. **xudi-*: *xŷдим* : *xŷдиь* а. п. *c*.

Двоякое отражение:

- 1. *krivi-: кривим и кривим : криво.
- 2. **lěpi-*: лûпим и липи̂м : ли̂по.
- 3. *pusti-: nycmûм 'пустить' и nŷcmим 'опустошать' : nŷcm а. п. с.
- 4. *slěpi-: сли̂пим и slepêt : сли̂п a. п. с.
- 5. *těsni-: ти̂сним и тисни̂м : ти̂сен а. п. с.

Отдельно упомянем глагол *ли̂шим се*, акцентуацию которого можно считать результатом аналогии с прилагательным *ли̂шниь*.

Насуффиксальное ударение:

- 1. *čьrstvi-: черствим : черствиь а. п. с (?).
- 2. То же с метатезой: чверстим: лит. шток. čvrst.
- 3. *dorži-: дражи́м : дра̂г а. п. с.
- 4. * $t(j)ud^i$ -: myдж $\hat{u}$ м / myь $\hat{u}$ м : $m\hat{y}$ джь / $m\hat{y}$ ь а. п. c.
- 5. *taji-: таьи̂м : та̂јен а. п. с.
- 6. *gosti-: густим : гу̂стиь а. п. с.
- 7. *gluši-: глуши̂м : глу̂хиь а. п. с.
- 8. **suši-*: *cyшûм* : *cŷxиь* а. п. с.
- 7.6. «Группа *те́жок*» содержит глаголы, производные от прилагательных с суффиксом *-ъk-, и некоторые другие. 2 глагола не содержат суффикса *-ъk- и имеют насуффиксальное ударение: *те́жок*, *те́жок*, *те́жок*, *те́жок*. 2 глагола содержат этот суффикс и имеют такое же ударение: *те́рпок*, *те́жой*. К двум последним примыкают сходные по структуре *те́мийм* се : *те́мох* и *те́етох* и *т*

Единственным представителем наосновного ударения является $\kappa p \hat{u} n u m$: $\kappa p \hat{v} h \kappa u b$ а. п. c.

7.7. Наиболее интересна группа, не имеющая очевидных в нашем понимании производящих. 18 глаголов, входящих в эту группу, имеют ударение на суффиксе, и только 3 — на основе.

Наосновное ударение с долготой: ничижим, решим, сердим.

Насуффиксальное ударение: будим, гасим, вглубим се, губим, жасим, душим, казим, разим, кадим, калим, маним, миним, першим, притим, пудим, учим, цидим, чадим, шщедим.

7.8. Наконец, отдельный интерес представляют 2 глагола, имеющих прасла. а. п. $\bar{c}$ при а. п. b производящего: *grěšiti и *děliti (это может считаться праславянским архаизмом — исключением из контурного правила). У Крижанича они оба имеют насуффиксальное ударение: гриши̂м (несмотря на наличие слова грūхи а. п. b) и дили̂м (слово *dělъ, распространенное в штокавском, в корпусе Крижанича отсутствует, но оно могло умышленно быть заменено на czest). Это довольно сильный контрпример для нашей теории, однако и тут можно предположить кайкавское влияние (так как оба глагола достаточно частотны).

8. Глаголы, производные от существительных прасл. а. п. d и имеющие различные рефлексы в славянских языках

Не считая глагола $чин\hat{u}m$, который является исключением во всем ареале, несмотря на производящее $v\hat{u}m$, здесь имеем 5 глаголов, продолжающихся как а. п. c, и 4 глагола, продолжающихся как а. п. b. Это распределение не очень похоже на распределение глаголов «группы $c\hat{a}\partial$ » без учета дериватов а. п. d (10:12 в пользу а. п. c) и в то же время еще менее похоже на распределение среди последних (1:5 в пользу а. п. c). В связи с этим распределение в «группе $c\hat{a}\partial$ » можно считать в большой степени случайным.

Наосновное ударение с долготой:

- 1. *cěpi-: ци̂пим, разци̂пим : ци̂п а. п. с (?).
- 2. *kroži-: кружим, окружим : круг а. п. с.
- 3. *nizi-: $н\hat{u}зим$, $yh\hat{u}зим$: $h\hat{u}з$ а. п. c.
- 4. *morči-: помра̂чим : мра̂к а. п. с.
- 5. *praši-: пра̂шим, напра̂шим : пра̂х а. п. с.
- $6. *slědi-: слūди́т, слѣдит, слѣдит, слѣдит, слѣдят : сле̂д <math>a. \ п. \ c.$
- 7. *stani-: станим, настаним 'расселить': стан а. п. с.
- 8. *stidi-: cmudum, nocmudum: лит. шток. stid а. п. c.
- 9. *zorči-: зра̂чим, озра̂чим : зра̂к а. п. с.

Насуффиксальное ударение:

- 1. *pelni-: плини̂м : пли̂н а. п. с.
- 2. *plati-: платим, поплатим (платим упоминается как русское) : плаща а. п. a_1 .
  - 3. *studi-: $cmy\partial \hat{u}_M$: лит. шток. $st\hat{u}d$ а. п. c.
  - 4. *vorži-: совражим : враг а. п. с.

Также с наосновным ударением:

- 1. *verdi-: вр $\hat{u}$ дим, возвр $\hat{u}$ дим : вр $\bar{u}$ ден a. π . b.
- 2. *žari-: жа̂рим, ужа̂рим : жа̄рок а. п. b.

И с насуффиксальным:

1.*vьrši-: верши̂м, jзверши̂м, cверши̂м, cверши̂м : нет производящего либо ве́рх a. n. c.

9. «Группа -еним»

Полностью за скобки приходится вынести группу глаголов, производных от различных суффиксальных образований разных а. п., получивших в диалекте Крижанича схожее звучание (-енûм). Среди них есть и представители краткостных основ. Тем не менее приводим все эти глаголы для полноты картины: воденûм, једренûм, коренûм се, леденûм, медвенûм, руменûм се, студенûм, черльенûм.

Сходную картину можно наблюдать и в лит. штокавском, ср. rumèniti, crvèniti/crljèniti, šarèniti, uvremèniti se, opoštèniti se. Если бы не очевидная сила аналогии в этой группе, пример шток. rumèniti, rumèniti можно было бы считать архаизмом — единственным глаголом а. п. $\bar{b}_2$ (см. [Дыбо 1981: 156] о реконструируемой акцентуации производящего), сохранившим насуффиксальное ударение и краткость основы.

10. Теория трех волн

Приведенный выше материал позволяет нам предположить, как проходило в штокавских и чакавских говорах аналогическое выравнивание глаголов, продолжающих прасл. а. п. $\bar{b}_2$ и $\bar{c}$. Мы считаем, что его можно разделить на три волны — по причинам аналогии.

- 1. «Первой волной» было удлинение по аналогии с предударным долгим однокоренного слова: $*mpy\partial\hat{u}M : mpy\partial\hat{a} \rightarrow mpy\partial\hat{u}M : mpy\partial\hat{a}$. Это удлинение было общим для всей территории чакавских и штокавских говоров.
- 2. Удлинение по аналогии с ударным долгим однокоренного слова: $mp\hat{y}\partial$: $mp\hat{y}\partial um \div x\hat{y}\partial : *xy\partial\hat{u}m \rightarrow x\hat{y}\partial : x\hat{y}\partial um$. Это удлинение произошло в говоре

Крижанича лишь спорадически, а в большинстве штокавских и чакавских говоров было тотальным.

3. Если считать, что императив сохранял в штокавском долготу вплоть до окончания действия закона Крижанича, можно предположить существование «третьей волны» удлинения: долгота распространяется на все формы почти во всех оставшихся глаголах с соотношением «долготный императив : краткостный презенс и инфинитив». Это удлинение, вероятно, произошло в говоре Крижанича лишь в нескольких глаголах ($c\hat{e}p\partial um$ и др.), а в большинстве штокавских и чакавских говоров было тотальным.

Так аналогическое удлинение доходит до логического завершения, практически не оставляя следов действия «закона двух мор» в глаголах.

Дополнительное свидетельство того, что такая мощная аналогия действительно имела место, — лит. штокавские глаголы с долготной основой, имевшие краткостную основу в праславянском и захваченные второй волной аналогии: prelástiti а. п. b ($lâst < *l\ddot{b}stb$ а. п. c), $je\ddot{z}iti$ se а. п. b ($je\ddot{z} <$ прасл. $*je\ddot{z}b$ неясной а. п.), iskorijeniti а. п. b ($k\ddot{o}rijen \leftarrow *k\ddot{o}renb$ а. п. c, род. по аналогии $k\ddot{o}rijena$), $z\acute{e}stiti$ а. п. b ($z\acute{e}st < z\acute{e}stb$ а. п. z).

Подобная же схема (но только для глаголов а. п. c) описана в [Кароvіć 2015: 484–485].

11. Заключение

В. А. Дыбо и Р. В. Булатовой высказывалось мнение, что глаголы на -iti праславянской а. п. b_2 с долготной основой (сокращенно $\bar{b}_2$), имевшие еще в праславянском языке две разные формы (* $b\bar{e}llit$ — * $b\bar{e}llit$ и * $b\bar{e}llit$) — по одной из версий, в зависимости от диалекта, — в предке языка Крижанича имели ударение на корне (* $b\bar{e}llit$). При этом без объяснения остается небольшой набор глаголов праславянской а. п. $\bar{b}_2$, имеющих в языке Крижанича ударение на суффиксе.

Проведя полную роспись рефлексов i-глаголов а. п. $\bar{b}_2$ и $\bar{c}$ в языке Крижанича, а также привлекая данные современных говоров ареала, к которому предположительно относится язык текстов Крижанича, мы попытались восстановить картину изменений, произошедших в этих глаголах от праславянских времен до наших дней. Исходно мы постулируем положение иктуса не на корне, как это делалось ранее другими исследователями, а на суффиксе в презенсе обеих парадигм и в штокавских, и в чакавских говорах, включая говор Крижанича. Финальная стадия — ударение в презенсе на корне практически во всех глаголах; так дело обстоит в большинстве современных

штокавских и чакавских говоров. Одна из промежуточных стадий отражена в данных Крижанича.

Исследование может представлять ценность для изучения процессов ранней диалектной дифференциации праславянского языка, если считать верным тот факт, что противопоставление форм вида $*b\tilde{e}l\bar{\imath}tb$: $*b\tilde{e}l\tilde{\imath}tb$ является древнейшей праславянской диалектной изоглоссой.

Литература

- Булатова 1975 *Булатова Р. В.* Старосербская глагольная акцентуация (Сборник 1509 г. как памятник истории сербского штокавского ударения). М., 1975.
- Даничић 1925 Даничић Ђ. Српски акценти. Београд Земун, 1925.
- Дыбо 1981 *Дыбо В. А.* Славянская акцентология. Опыт реконструкции системы акцентных парадигм в праславянском. М., 1981.
- Дыбо 2000 Дыбо В. А. Морфонологизированные парадигматические акцентные системы. Типология и генезис. Том І. М., 2000.
- Лашин 2016 Лашин С. А. Акцентуация глаголов на -iti, производных от существительных праславянской а. п. d: пробный шар // Балто-славянская акцентология. IWoBA VII: Материалы VII международного семинара по балто-славянской акцентологии. М., 2016. С. 68–91.
- Николаев 2012 *Николаев С. Л.* Восточнославянские рефлексы акцентной парадигмы *d* и индоевропейские соответствия славянским акцентным типам существительных мужского рода с *o-* и *u-*основами // Карпато-балканский диалектный ландшафт: Язык и культура. 2009–2011. Вып. 2. М., 2012. С. 32–189.
- ОСА Дыбо В. А., Замятина Г. И., Николаев С. Л. Основы славянской акцентологии. М., 1990.
- Ослон 2009 Ослон М. В. Акцентная система языка Юрия Крижанича. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 2009 [http://rromanes.org/pub/Oslon/Ослон М.В. Акцентная система языка Юрия Крижанича (диссертация).pdf].
- Ослон 2011 Ослон М. В. Закон Крижанича: доводы против теории «правостороннего дрейфа» // Stadnik-Holzer E. (Hrsg.). Baltische und slavische Prosodie. International Workshop on Balto-Slavic Accentology IV (Scheibbs, 2.–4. Juli 2008). Scheibbser Internationale Sprachhistorische Tage I. Frankfurt am Main, 2011. Pp. 99–131.
- Kapović 2005 *Kapović M*. The Development of Proto-Slavic Quantity (from Proto-Slavic to Modem Slavic Languages). Wiener Slavistisches Jahrbuch 51. 2005. Pp. 73–111.
- Kapović 2011 Kapović M. The Accentuation of i-verbs in Croatian Dialects // Accent Matters. Papers on Balto-Slavic Accentology. Studies in Slavic and General Linguistics 37. Amsterdam, 2011. Pp. 109–233.
- Kapović 2015 Kapović M. Povijest hrvatske akcentuacije. Fonetika. Zagreb, 2015.

Verba — Программа Verba (корпус трудов Ю. Крижанича), автор М. В. Ослон.

Summary

Svetozar Lashin

The History of the Accentuation of Štokavian and Čakavian *i*-Verbs with Long Root Vowels in the Light of Križanić's Data

Analysis shows that Križanić's Old Croatian dialect differed neither from Štokavian nor from Čakavian in the original accentuation of a. p. b_2 verbs with long root vowels. Yet Križanić's data can shed light on some details of a system-wide accent retraction in both Štokavian and Čakavian, whereby * $b\bar{e}litb > *b\bar{e}litb > *s\bar{u}\bar{s}itb > *s\bar{u}\bar{s}itb$, since his dialect seems to reflect an earlier stage of this retraction.

К описанию ударения старых полонизмов в украинском языке¹

Далеко не все заимствования в украинский язык из польского однозначно опознаются как таковые. Собственно польские слова отличимы от украинских в первую очередь только по сегментным чертам (ср. укр. міць 'мощь' явно ← пол. тос, в отличие от исконного укр. міч). Но имеется также общирный пласт иноязычных слов (главным образом германизмов), заимствованных в украинский через польское посредство. Все эти заимствования в украинском обычно имеют и соответствующее ударение — по крайней мере, в части форм — на предпоследнем слоге. Ниже будет дан краткий обзор случаев тривиального отражения польских существительных в украинском (лишь для общего ознакомления). Затем мы подробнее рассмотрим одну группу заимствований — на -ар, после чего остановимся на трудных случаях неожиданного ударения в словах, традиционно относимых к полонизмам (видимо, ошибочно).

1. Равносложные существительные

Тривиальные случаи представлены существительными женского и среднего родов с неизменным количеством слогов в большинстве форм парадигмы. Тогда в украинских словах ударение колонное, на предпоследнем слоге, как и в польских словах-источниках (даем несколько примеров; больше их здесь разбирать не будем):

женский род на -a: 1. yв $\acute{a}$ гa 'внимание' $\leftarrow uwaga$; 2. uн $\acute{o}$ ma 'добродетель' $\leftarrow cnota$; 3. ponу́хa 'жaбa' $\leftarrow ropucha$ и мн. др.;

в т. ч. германизмы: 1. ку́хня $\leftarrow$ kuchnia [$\leftarrow$ (м. б., через чешское посредство) свн. kuchňna]; 2. ку́ля 'шар, пуля' $\leftarrow$ kula [$\leftarrow$ свн. kûle]; 3. ма́впа 'обезьяна' $\leftarrow$ malpa [$\leftarrow$ ранне-нвн. malaffe] и мн. др.²

 $^{^1}$ Благодарю М. Н. Саенко, В. Г. Скляренко, Войцеха Смочиньского, Синишу Хабиянца, Рафала Шептыньского.

 $^{^2}$ Среди таких заимствований есть слова с обликом, характерным для исконных слов: 1. хви́ля 'минута, миг' (не **хвіля) $\leftarrow$ chwila [$\leftarrow$ двн. hwīl(a)]; 2. npáця 'работа' (не **праца) $\leftarrow$ praca [$\leftarrow$ ст.-чеш. prácě (совр. práce)] и мн. др. В части случаев, видимо, это древние заимствования, попавшие в украинский до тех или иных переходов, но имеются случаи с пересчетом гласных (?): укр. uкі́ра 'кожа' $\leftarrow$ пол. sко́rа; однако при этом укр. p0 (совр. p1) и ро́жа 'роза, мальва' (**p1)жа), которые, возможно, заимствованы из пол. ст. и диал. p10 (совр. лит. p2) и p3 (совр. лит. p3) и p4 (совр. лит. p6) и p6.

Средний род: 1. *простира́дло* 'простыня' $\leftarrow$ *prześcieradło*; 2. *би́дло* $\leftarrow$ *bydło* и мн. др.³

Столь же тривиальны почти все случаи существительных с беглым гласным (но см. ниже о слове uefoep 'бадья'): 1. $\kappa yxonb$, род. -xns 'кружка' $\leftarrow kufel$, -fla [$\leftarrow$ свн. kuefol $\leftarrow$ лат. cupella]; 2. paxyhok, -yhky 'счет' $\leftarrow$ rachunek, -nku [$\leftarrow$ нвн. Rechnung]; в т. ч. с суффиксом -yhok, род. -yhka/y (переосмысленным на польской почве из нем. -ung): nouinyhok, -yhky 'поцелуй' $\leftarrow$ pocalunek, -nku и др. under variation (<math>under variation (under variation (<math>under variation (under variation (<math>under variation (<math>under variation (under va

В некоторых случаях ударен не второй, а третий слог с конца. Так, укр. $p\acute{a}mywa$, очевидно, достроено на украинской почве из * $p\acute{a}myw$, род. *-wi (3-го склонения?) $\leftarrow$ пол. ratusz м. [$\leftarrow$ свн. $rat-h\bar{u}s$], причем в украинском сохраняется ударение, с которым слово было заимствовано. Так же достроено, возможно, укр. $c\kappa p\acute{o}hs$ 'висок' из * $c\kappa pohs$ (ср. бел. $c\kappa pohs$) $\leftarrow$ пол. $skro\acute{n}$ ж. Подобный случай: $\acute{s}pmapo\kappa$, - $p\kappa y$ 'ярмарка' $\leftarrow$ jarmark (при диал. jarmarek) [$\leftarrow$ свн. $j\bar{a}rmarke$]; здесь по ударению видно, что беглый гласный вставлен на украинской почве (в противном случае остается предполагать ударение пол. ** $j\acute{a}rmarek$).

2. Неравносложные существительные

В существительных мужского рода без беглого гласного косвенные формы обычно на один слог длиннее, чем прямая. В них возможно несколько акцентных типов (система обозначений упрощена из праславянской реконструкции В. А. Дыбо [Дыбо 2000: 97]):

- а. т. А колонное ударение на корне, ср. *néкар*, -я;
- а. т. F колонное ударение на последнем слоге основы, ср. *nanip*, *nanépy* 'бумага';
- а. т. В наконечное ударение (т. е. на последнем слоге основы или на окончании), ср. nahuhoz, -a 'цепь'.

³ Однако есть и отклоняющиеся случаи, ср. $i\partial no$ и $i\partial no$ 'снедь' $\leftarrow jadlo$. Здесь мы их разбирать не будем (в данном случае наконечное ударение инновативно ввиду прасл. * $j\ddot{e}dlo$, ср. схрв. $j\ddot{e}lo$; ср. также колебания в исконных словах типа $cpi\delta no$ [Винницький 2004: 141]).

⁴ Случай с неясным пересчетом: ϕ ільва́рок, -рку 'усадьба, мыза' ← пол. диал. folwarek, -rku (лит. folwark) [← свн. vorw"erc].

36 М. В. Ослон

2.1. Односложные основы

В украинском обычно а. т. А (колонное наосновное): 1. $\kappa p \acute{o} \kappa$, -y 'шаг' $\leftarrow krok$; 2. $\kappa \acute{o}um$, -y 'денежные средства' $\leftarrow koszt$ [$\leftarrow$ свн. kost(e)]; 3. $ue\acute{s}x$, -a 'гвоздь' $\leftarrow$ пол. диал. $\acute{c}wiek$ (лит. $\acute{c}wiek$) [$\leftarrow$ свн. $zw\ddot{e}c$], ср. уменьш. $ue\acute{s}uuo\kappa$ и мн. др. 5

Иногда в части парадигмы, а также в словообразовании, проявляется тенденция к конечноударности (смесь а. т. А и В): 1. $\partial \acute{a}x$, - $\emph{y}$ 'крыша' $\leftarrow dach$ [$\leftarrow$ свн. dach], но мест. ед.: $\textit{на}\ \partial ax\emph{y}$, мн. $\partial ax\emph{u}$ производное уменьш. $\partial au\emph{o}\kappa$ 'козырек, навес'; 2. $n\acute{a}h$, - $\emph{a}$ 'господин, барин' $\leftarrow pan$ [$\leftarrow$ ст.-чеш. $hp\acute{a}n \leftarrow$?], но мн. $nan\acute{u}$ (в подпарадигме множественного числа это следует считать одним из вариантов тривиального развития) и др.

Есть несколько случаев более сильной выраженности этой тенденции: 1. $un\acute{x}x$, -y и $un\acute{x}x\acute{y}$ 'путь' $\leftarrow szlak$, szlag [$\leftarrow$ свн. slac]; 2. $cm\acute{a}\kappa$, -y, но чаще $cma\kappa\acute{y}$ 'вкус' $\leftarrow smak$ [$\leftarrow$ свн. smac] и нек. др., подробнее см. [Скляренко 2006: 86, 98].

Возможно, дело здесь во вторичном выделении «субморфа», т. е. как бы суффикса $-\acute{a}\kappa$, $-a\kappa\acute{a}$, однако ср. подвижное ударение в словинском $\check{s}l\tilde{a}\chi$, род. мн. $\check{s}la\chi\acute{o}\mu$).

В этот же ряд входит, по крайней мере, одно слово с беглым гласным: $u\acute{e}\acute{e}ep$, $-\emph{6}pa$ и $u\acute{e}\acute{e}\acute{e}p$, $-\emph{6}p\acute{a}$ 'бадья' $\leftarrow$ ceber, -bra [Скляренко 2006: 115]; [Пристай, Пристай 2012: 221]. Этот бесспорный полонизм, видимо, поздно получил наконечное ударение (вероятно, в связи с обилием конечноударных слов с беглым перед сонантом, ср. также вторичное $\kappa opa \acute{e}\acute{e}h$, $-\emph{6}n\acute{a}$).

2.2. Неодносложные основы

Ударение обычно колонное на одном из слогов основы. Очевидно, что в заимствованиях речь идет о выборе между двумя местами ударения словаисточника, ср. пол. owoc 'плод, фрукт', но род. owocu, мн. owoce⁶.

 $^{^{5}}$ С пересчетом: $\partial p\acute{i}m$, $\partial p\acute{o}my$ 'проволока, провод' $\leftarrow$ пол. ст. $dr\acute{o}t$ (совр. drut) [$\leftarrow$ свн. $dr\bar{a}t$] и др.

⁶ Именно такое сугубо польское ударение иногда имеют полонизмы в галицких диалектах (в частности в городском говоре Львова), но только во множественном числе, ср. колір, кольору, мн. кольори (лит. кольори́); доктор, доктора, мн. доктори (лит. доктори́). Этот тип следует считать остатком недавней украинско-польской диглоссии.

Возможны три акцентных типа:

- **а. т. А**: 1. *ко́лір*, *ко́льору* 'цвет' (с пересчетом?) $\leftarrow$ *kolor* [$\leftarrow$ лат. *color*] (но мн. *кольори*); 2. зап.-укр. *крі́лик*, -*a* 'кролик' $\leftarrow$ *królik* (с пересчетом) и др.;
- **а. т. F**: 1. капелю́х, -а 'шляпа' $\leftarrow$ ст.-пол. kapeluch (совр. kapelusz) [$\leftarrow$ лат. cappell[us]], уменьш. капелю́шок; 2. naníp, -y 'бумага' $\leftarrow$ papier [$\leftarrow$ свн. papier]; 3. пампу́х, -а 'пышка' $\leftarrow$ pampuch [$\leftarrow$ свн. phankuoche]; уменьш. пампу́шок; 4. поля́к, -а $\leftarrow$ Polak (поэтому это полонизм, ср. др.-рус. полякы́ [Зализняк: 650])⁷ и др.;
- **а. т. В**: 1. друшля́к, -á 'дуршлаг' $\leftarrow$ пол. диал. druszlak (лит. durszlak) [$\leftarrow$ нвн. Durchschlag]; 2. жебра́к, -á 'попрошайка' $\leftarrow$ żebrak, -a; 3. гапли́к, -á 'застежной крючок' $\leftarrow$ ст.-пол. heftlik [$\leftarrow$ свн. heftelîn]; 4. ланцю́г -á 'цепь' $\leftarrow$ ст.-пол. lańcug (совр. lańcuch) [$\leftarrow$ свн. lanne-zuc], ср. уменьш. ланцюжо́к; 5. фартух -á 'фартук' $\leftarrow$ ст.-пол. fartuch [$\leftarrow$?, ср. нвн. Vortuch], ср. уменьш. фартушо́к и др.
- А. т. А самый редкий тип и, кажется, относится к более новому слою полонизмов; а. т. F можно считать основным; а. т. B, очевидно, вторичен по отношению к а. т. F; окситонизация связана с выделением «субморфов» и подстройкой под большинство слов с продуктивными суффиксами, в т. ч. $-\acute{a}\kappa$, $-a\kappa\acute{a}$ (ср. $юн\acute{a}\kappa$, $юн\acute{a}\kappa$ 'юноша') и др. Весьма часты случаи колебания, см. [Пристай, Пристай 2012].

Теперь специально рассмотрим группу существительных на -ap (названия профессий). Суффикс -ap/-sp, род. -aps/- spa^8 продуктивен. Существительные с этим суффиксом могут ударяться по а. т. А, ср. $n\acute{e}kap$, -spa или по а. т. В, ср. $ukon\acute{s}p$, - $sp\acute{a}$). В современном украинском система размыта;

 $^{^{7}}$ Ср. еще совр. галицкое *поляк*, -*a* — повторное заимствование вместо лит. *поля́к*, -*a*.

⁸ По указанию С. Г. Болотова (в литературе мы этого не встречали), в украинском и русском языках действует не знающее исключений синхронное морфонологическое правило распределения вариантов этого суффикса: мягкий вариант -арь (совр. укр. -ар), род. -аря — после твердой производящей основы (ср. рус. понома́рь, -аря́, укр. палама́р, -аря́, так же рус. корчма́рь, ле́карь, укр. корчма́р, лі́кар и др.); твердый вариант -ар, род. -ара — после мягкой производящей основы (ср. рус. и укр. школя́р, -яра́, так же маля́р, укр. валия́р 'известник', бараня́р, мідя́р и др.). Это правило живо и продуктивно в обоих языках: так, в русском литературном языке фонема /ч/ считается (и является) мягкой, и поэтому гонча́р, -ара́, овча́р, -ара́; украинская же фонема /ч/ — твердая, поэтому ганча́р, -ара́, вівча́р, -ара́. При колебании мягкости-твердости производящей основы варианты распределены так же строго, ср. укр. псар, -аря́ и псяр, -яра́.

38 М. В. Ослон

большинство слов имеет акцентные варианты. В. Г. Скляренко приводит обширный украинский материал [Скляренко 2006: 432]; [Скляренко 2017: 560], отмечая, что общим правилом в исконных словах является наконечное ударение, независимо от праславянской акцентной парадигмы. Накоренное же ударение — редкий архаизм, сохранившийся лишь в небольшом ряду слов. При рассмотрении этого материала — сначала для слов, которые можно считать исконными (не полонизмами), — бросается в глаза следующее распределение: при наличии в украинском существительного, годящегося на роль синхронного производящего, слова на -ар/-яр ударяются по конечноударному типу:

Исключение (колебание): *ми́та́р* (*ми́то*), но, вероятно, это церковнославянизм [Булаховский IV: 291]. То же может относиться и к *виногра́дар*, но ср. также многосложные *апте́кар* и *бібліоте́кар* (видимо, дело в длине слов).

В прочих случаях часто имеются соотносимые глаголы, тогда возможен накоренной тип (но чаще оба варианта):

- а. т. А: *пе́кар*, *лі́кар*⁹ 'врач', *пи́сар*, *да́хар* 'дающий' [Булаховский IV: 291], жи́хар 'житель' [там же];
- а. т. А или В: $m \acute{o} \kappa \acute{a} p$, $3 \acute{h} \acute{a} x \acute{a} p$, $n \acute{a} x \acute{a} p$, $n \acute{o} s \acute{o} \acute{d} \acute{a} p$ 'проводырь', $s \acute{o} n \acute{o} \acute{d} \acute{a} p$ 'властелин', $o p \acute{v} \acute{o} \acute{a} p$ 'заправила'.

Отклоняются $нюх \acute{a}p$, $\emph{до} \acute{a}p$ (русизмы?), а также $\emph{кос} \acute{a}p$, $\emph{дзво} \emph{н} \acute{a}p$, которые в [Скляренко 2017: 564] даются как отглагольные, но формально имеют производящие $\emph{кос} \acute{a}$, $\emph{дзв} \emph{ih}$ 'колокол' (однако само ударение $\emph{кос} \acute{a}p$, $\emph{дзв} \emph{oh} \acute{a}p$ может быть праславянским).

⁹ Слово 'пекарь' традиционно считается западнославянской полукалькой нем. *Bäcker* [Фасмер], ср. в т. ч. отсутствие -ë- в русском (не **nëкарь). Тем не менее, если это и не общеславянское слово, то, вероятно, оно очень рано распространилось (ср. схрв. pëkār), причем во всех славянских языках, в т. ч. в украинском, оно четко мотивировано глаголом 'печь'. Подобное, видимо, относится к слову nikap 'врач', ср. глагол nikyвámu 'лечить' и т. д., подробнее см. [Булаховский IV: 290].

Если синхронных производящих нет — а. т. А или В: $\it cocn\'od\'ap$ 'хозяин'. Итак, накоренное ударение возможно, если нет однозначного **именного** производящего $\it color b$ 0.

Так же распределены полонизмы на -ap: а. т. А в словах, заимствованных из польского уже с суффиксом, — при отсутствии в украинском существительного, синхронно годного на роль производящего; в противном случае, т. е. если соотносимые производящие есть, — тип а. т. В (начнем с него как более обычного и открытого):

В редких случаях связь с синхронным производящим туманна, тогда имеем колебания: 1. *столяр* и (редко) *столя́р* [Голоск.] $\leftarrow$ *stolarz* (ср. *стіл* 'стол' — ýже по значению); 2. *владар* и *влада́р* 'властитель' $\leftarrow$ *władarz* [$\leftarrow$ ст.-чеш. *vládař*] (ср. *влада* 'власть').

Когда синхронного производящего нет, основной (или единственный) вариант имеет накоренное ударение (старопольские формы даем без помет; для германизмов даем год первой письменной фиксации в польском по [WDLPSS]):

- а. т. А: 1. ку́хар $\leftarrow$ (?) kucharz [$\leftarrow$ ст.-чеш. kuchař $\rightarrow$ от глагола kuchati *'варить' (теперь 'потрошить', но ср. схрв. kùhati 'варить') $\leftarrow$ двн. kochôn $\leftarrow$ лат. coquere] при полном отсутствии какого-либо **кух; 2. ри́мар, ли́мар 'шорник' $\leftarrow$ rymarz, rymer (1411) [$\leftarrow$ свн. riemer]; 3. ри́цар, ли́цар $\leftarrow$ пол. rycerz, ст. licerz [$\leftarrow$ свн. rītære, rīter, riter, riter], ср. чеш. rytíř < rytieř, однако уже друс. рыцерь, рицърь («сближено с царь» [Фасмер]), поэтому скорее всего общевосточнославянское; 4. слю́сар $\leftarrow$ ślusarz (1444) [$\leftarrow$ свн. sloʒʒer];
- а. т. А или В: 1. ре́йта́р, лейта́рь [Грінч.] 'конный солдат' $\leftarrow$ rejtar (1455), rajtar, rajtarz и др. [$\leftarrow$ свн. reiter]; 2. му́ля́р 'каменщик' $\leftarrow$ mularz [$\leftarrow$ свн. mūrære], ср. чеш. диал. mulař, mulář; 3. ма́ля́р [СУМ] $\leftarrow$ malarz [$\leftarrow$ свн. mâlære, mâler], ср. чеш. malíř, слц. maliar; 4. гра́ба́р 'землекоп'

¹⁰ Л. А. Булаховский для русского оспаривает высказанное ранее замечание [«Грамматика русского языка», І, М., 1952, § 297], указывающее на это распределение, признавая, что оно не лишено «методической полезности» [Булаховский IV: 290]. Тем не менее, очевидно, что в синхронном смысле — по крайней мере для украинского — это распределение является результатом реальных процессов.

40 М. В. Ослон

 $\leftarrow$ grabarz (1396) [$\leftarrow$ свн. grabære]; 5. бро́ва́р 'пивовар' $\leftarrow$ browarz (1455) [$\leftarrow$ свн. *brouwer]; 6. ша́фа́р 'ключник, дворецкий' $\leftarrow$ szafar [$\leftarrow$ свн. schaffære], ср. чеш. šafář; 7. сни́ца́р 'резчик' $\leftarrow$ snycar, sznicarz, snicar и др. (1402) [$\leftarrow$ свн. snitzer]; 8. га́рба́р 'кожевник' $\leftarrow$ garbarz (1423) [$\leftarrow$ свн. garber]; 9. бо́ндар, бо́дна́р $\leftarrow$ bednarz (с пересчетом, если не исконно).

Итак, наблюдается следующий эффект: полонизмы (главным образом из германизмов) «сопротивляются» опрощению (т. е. обобщению а. т. В) при отсутствии синхронной мотивации. Это относится по большей части к случаям, в которых ощущается семантика суффикса 'название профессии'. Однако имеются случаи, когда этот суффикс (или совпавший с ним исход) не имеет такого значения, и тогда более обычен а. т. В:

- а. т. В: 1. калама́р 'чернильница' $\leftarrow$ kalamarz [$\leftarrow$ лат. calamārius]; 2. ліхта́р 'фонарь' $\leftarrow$ lichtarz (1480) [$\leftarrow$ свн. liuhtære]; 3. линтва́р 'овечья шкура' (с субморфом и искажением) $\leftarrow$ lentwal (1509) [$\leftarrow$ нвн. *Lendfell]; 4. дзига́р, ст. дзегаръ 'часы' $\leftarrow$ zegar (1490) [$\leftarrow$ свн. seiger 'башенные часы']; 5. календа́р $\leftarrow$ kalendarz [$\leftarrow$ лат. calendārium]; однако:
- а. т. А (или В?): цви́нтар, цви́нта́р [ЕСУМ] 'кладбище' $\leftarrow$ cmyntarz, cmentarz [$\leftarrow$ лат. cimiterium, cimeterium]

Из приведенного можно сделать вывод, что в украинский язык польские существительные с суффиксом -ar[z], скорее всего, заимствовались с накоренным ударением (а. т. А), а обобщение а. т. В происходило на украинской почве (где конечноударный суффикс $-\acute{a}p/-\acute{s}p$, $-ap\acute{s}/-sp\acute{a}$ продуктивен) только при наличии синхронной мотивации. Однако, судя по преобладанию а. т. В в примерах с иной семантикой (т. е. не 'названия профессий'): κ алама́p, δ зига́p и др., можно с осторожностью предположить, что уже при заимствовании ударение в них было наконечным (исключение usu). Но даже если это и так, то дальнейшие выводы были бы преждевременны.

3. Ложные полонизмы (?)

Теперь рассмотрим украинские существительные женского рода на -а, подаваемые как вероятные полонизмы в [ЕСУМ] и [Фасмер], но имеющие наконечное ударение (а. т. В), в т. ч. как вариант. По меньшей мере три случая такого ударения, кажется, следует считать фантомами (один — точно). Наконечное ударение в них малодостоверно:

- 1. $z\acute{a}ль\'{b}\acute{a}$ 'пол-литра, кружка пива' [ЕСУМ] $\leftarrow$ halba (1600) [$\leftarrow$ нвн. Halbe]; [ЕСУМ] ссылается на [СУМ] (там только $z\acute{a}nь\'{b}\acute{a}$) и на [Явор.], который дает $z anb\'{b}\acute{a}$ со ссылкой на [Дубняк: 19], но в последнем ударения вообще не проставлены; таким образом, ударение Яворницкого фиктивно;
- 2. $m\acute{a}pu\acute{a}$ 'щит особого типа' [Желех.] $\leftarrow tarcza$ [$\leftarrow$ свн. $tar(t)sche \leftarrow$ фр. targe]; если это исторический термин, то ударение недостоверно;
- 3. *pýmá* ← *ruta* [← свн. rûte ← лат. ruta]; двойное ударение дается только в [Hanusz 1884] (по [Скляренко 2006: 15]).

Видимо, только одно слово — более или менее бесспорный полонизм с преобладающим наконечным ударением: $mpyh\acute{a}$ 'гроб' $\leftarrow$? ст.-пол. truna, trunna (совр. лит. trumna) [$\leftarrow$ нем. диал. $tr\~une$ [Boryś]], однако ср. а. т. А в формах mpýмнa, mpýмнa и др., подробнее см. [Скляренко 2006: 15].

Несколько слов едва ли можно считать украинскими полонизмами, в т. ч. в связи с их распространением во всем восточнославянском ареале:

- 1. $pon\acute{a}$ 'рассол, сукровица, нефть' $\leftarrow$? ropa, ср. рус. $pon\acute{a}$, бел. $pan\acute{a}$; нет никаких оснований считать полонизмом и вообще заимствованием;
- 2. $cým\acute{a} \leftarrow$? suma [$\leftarrow$ двн., свн. $soum \leftarrow$ народнолат. sauma < лат. sagma 'вьючное седло' $\leftarrow$ греч. $\sigma \acute{a} \gamma \mu \alpha$], ср. рус., бел. $cym\acute{a}$; нет оснований считать полонизмом, вопреки [Фасмер]; видимо, старый германизм; дело, однако, осложняется укр. диал. $cyn\acute{a}$ при пол. ст. suna 'тж.';
- 3. $une\acute{s} \leftarrow$? szleja (szla, $\acute{s}la$, szelka) [$\leftarrow$? двн. silo]; необязательно считать, что рус., укр. $une\acute{s}$ заимствовано именно из формы пол. szleja с неясной морфологией (возможно и обратное направление);
- 4. $cn\'uh\'a\'a \leftarrow$? spina [$\leftarrow$? лат. $sp\bar{\imath}na$], ср. рус. cnuh'a'a; этимология неясна, ударение колеблется [Пристай 2004: 195];
- 5. $neн\acute{\pi}$ 'штраф, пеня' $\leftarrow$? pena [$\leftarrow$ лат. poena $\leftarrow$ греч. $\pi oiv\acute{\eta}$]; наличие мягкости (т. е. иное оформление основы) усложняет сравнение.

Остается группа слов, отсутствующих (по крайней мере в виде а. т. В) в русском, но широко представленных в других славянских языках:

- 1. вага́, вин. вагу́ 'вес; весы' $\leftarrow$? waga (1361) [$\leftarrow$ двн. wāga]; ср. схрв. vága < *vāgä (?); есть и редкий вариант ва́га, см. [Скляренко 2006: 15];
- 2. $uix\acute{a}$ 'значок, черта' $\leftarrow$? cecha (1441), cycha [$\leftarrow$ cвн. zeichen], ср. ст.-слц. ciacha (м. б., из позднего дифтонга -ei- (?) [Newerkla 2000: 158]); судя по укр. -i-, источником заимствования могла бы быть некая форма * $c\check{e}xa$ (с ятем), явно допольская, но позже V–VI вв. (когда двн. *t > t V–VI вв.). Впрочем, ять здесь может быть вторичным, ср. uinb < * $c\check{e}bb$

42 М. В. Ослон

[←? свн. zil]; ср. несомненный полонизм укр. $u\acute{e}xa$ 'значок, присвоенный цеху или какому-либо обществу' [Грінч.] (у Скляренко нет);

- 3. мета 'цель' $\leftarrow$? тета [$\leftarrow$ лат. $m\bar{e}ta$, с долгим - $\bar{e}$ -!]; ср. также схрв. $m\acute{e}ta$, каковое может быть поздним, а не $< **m\bar{e}t\ddot{a}$, что, впрочем, трудно установить, так как это слово как будто распространилось с экавской территории (где $*-\bar{e}->-\bar{e}-$), в т. ч. из Воеводины, в связи с чем может быть венгерским латинизмом [Skok]; ср. несомненный полонизм бел. $m\acute{e}ma$ (у Скляренко нет);
- 4. $u\kappa\acute{o}∂\acute{a}$ 'жаль' ←? szkoda [← двн. scado]; существительное обычно только $uκ\acute{o}∂a$ 'ущерб', но см. [Скляренко 2006: 16].

Соответствия	(?)	в славянских языках:
COOLDCICIDIN	١.	, в славинских извиках.

укр.	бел.	пол.	словин.	чеш.	слц.	схрв.
	[мэ́та]	meta		meta	méta	méta
ųixá		cecha		cícha	сіасһа (ст.	)
вага́	вага́	waga	vắμγă, vaγόμ	váha	váha	vága
шко́да́	шкада́, шко́да	szkoda	šk ~~ùọ~~ dă, šk ~~ọ~~ dốų	škoda	škoda	škồda

Два из этих слов претендуют на статус праславянских германизмов: прасл. * $vaga \leftarrow$ двн. $w\bar{a}ga$ (один из возможных источников) [Pronk-Tiethoff 2013: 164] и * $\bar{s}koda \leftarrow$ двн. scado [там же: 172] 2. Ударение укр. ukcoda выбивается из ряда соответствий в остальных языках. Как бы то ни было, очевидно, что нет оснований считать эти четыре слова полонизмами.

Из рассмотренных выше слов скорее всего является полонизмом и при этом ударяется по а. т. В только одно слово — *труна*. В остальном же эти слова на поверку оказываются заимствованными не из польского языка (или их польское происхождение недоказуемо).

4. Вместо заключения

 $^{^{11}}$ Где дается схрв. «vâga» с ошибочным ударением, а также явно поздний русский диалектный полонизм $\emph{sáгa}.$

 $^{^{12}}$ Ударение укр.
  $u\kappa o\partial\acute{a}$ не учтено.

едва ли можно отказать в польском происхождении (однако и здесь тоже пока мало что ясно).

Литература

- Булаховский IV *Булаховский Л. А.* Избранные труды в пяти томах. Т. IV. Славянская акпентология. Киев. 1980.
- Винницький 2004 Винницький В. М. Акцентуаційні етюди. Жовква, 2004.
- Дыбо 2000 *Дыбо В. А.* Морфонологизованные парадигматические акцентные системы. Типология и генезис. Т. І. М., 2000.
- Пристай 2004 *Пристай Б. Р.* Наголошення у говорах і акцентна варіантність // Вісник Житомирського державного університету імені Івана Франка (14). С. 194–199.
- Пристай, Пристай 2012 *Пристай Б., Пристай Г.* Акцентне засвоєння запозичень в українській мові // Рідне слово в етнокультурному вимірі 2012. С. 218–227.
- Скляренко 2006 Скляренко В. Г. Історія українського наголосу. Іменник. Київ, 2006.
- Скляренко 2017 Скляренко В. Г. Історія українського наголосу. Дієслово. Київ, 2017.
- Hanusz 1884 *Hanusz J.* Über die Betonung der Substantiva im Kleinrussischen // Arch. slav. Philol. Berlin, 1884. Bd. 7. S. 222–255, 325–385.
- Newerkla 2004 Newerkla S. M. Sprachkontakte Deutsch Tschechisch Slowakisch. Frankfurt am Main, 2004.
- Pronk-Tiethoff 2013 *Pronk-Tiethoff S.* The Germanic Loanwords in Proto-Slavic. Amsterdam, New York, 2013.

Словари

- Голоск. Голоскевич Г. Правописний словник. Харків, 1929.
- Грінч. Грінченко Б. Словарь української мови. В 4 т. Київ, 1907–1909.
- Дубняк *Дубняк К.* Російсько-український словничок термінів природознавства і географії. Кобеляк, 1917.
- ЕСУМ Етимологічний словник української мови. У 7 т. Київ, 1982–2012.
- Зализняк Зализняк А. А. Труды по акцентологии. В 2 т. Т. II. Древнерусский и старовеликорусский акцентологический словарь-указатель (XIV—XVII вв.). М., 2011.
- СУМ Словник української мови. В 11 т. Київ, 1970–1980.
- Фасмер *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Пер. и доп. О. Н. Трубачёва. В 4 т. М., 1986.
- Явор. Яворницький Д. Словник української мови. Катеринослав, 1919.
- Boryś Boryś W. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 2005.
- Skok Skok P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb, 1971.

44 *М. В. Ослон*

WDLPSS — Wörterbuch der deutschen Lehnwörter in der polnischen Schrift- und Standardsprache [http://diglib.bis.uni-oldenburg.de/bis-verlag/wdlp].

Summary

Mikhail Oslon

Towards a Description of the Accentuation of Old Polonisms in Ukrainian

The article discusses the accentuation of old Polish borrowings into Ukrainian. A few words, traditionally deemed Polonisms, display certain accentual peculiarities making their Polish origin doubtful.

Ностратические языки Северо-Восточной Азии

Рассмотрим 11 языков:

два уральских — финский и селькупский (списки и этимологии извлечены из уральской базы данных http://starling.rinet.ru);

два алтайских — турецкий и эвенкийский (списки и этимологии приводятся в алтайской базе данных http://starling.rinet.ru);

два эскалеутских — чаплинско-эскимосский и алеутский диалект Атки (эскимосская реконструкция дана в основном по работам Мудрака. Алеутская — основана на материалах Бергсланда (1994). Эскалеутские этимологии преимущественно мои);

два юкагирских — тундренный и лесной;

два камчатко-чукотских — чукотский и ительменский;

амурский диалект нивхского языка.

Материалы по последним трем группам взяты из работ О. А. Мудрака и его электронных баз данных¹. Внешнее сравнение этих языков осуществлено мною, и в ряде случаев мои результаты отличаются от результатов Мудрака.

Уральские, алтайские и индоевропейские языки образуют ядро ностратической семьи. Внешние связи остальных языков надежно не установлены («палеоазиатская», «беренгийская», «алтайско-эскимосская» и другие гипотезы).

Лексические схождения между 11 языками в списке 50 наиболее устойчивых значений (по С. А. Старостину) представлены в приложении, а проценты сближений даны в нижеследующей таблице:

	TRK	EVK	FIN	SEL	YUK	LES	CHU	ITL	CPL	ATK	NIV
TRK	00	28	14	9	11	16	17	17	12	16	9
EVK	28	00	20	21	12	13	10	8	20	6	9
FIN	14	20	00	47	17	20	15	13	11	15	5
SEL	9	21	47	00	19	21	13	10	10	15	7
YUK	11	12	17	19	00	65	22	20	12	14	11
LES	16	13	20	21	65	00	33	23	10	17	11
CHU	17	10	15	13	22	20	00	61	12	12	13
ITL	17	8	13	10	20	23	61	00	10	16	11
CPL	12	20	11	10	12	10	12	12	00	31	19
ATK	16	6	15	15	14	17	12	16	31	00	15
NIV	9	9	5	7	11	11	13	11	19	15	00

Таблица 1. Матрица процентных сближений между языками

 $^{^{1}}$ Приношу глубокую благодарность О. А. Мудраку за предоставленные материалы и полезные обсуждения.

Следует подчеркнуть, что, хотя приведенные в приложении формы отбирались согласно принципам лексикостатистики, само приложение использовать для лексикостатистического анализа нельзя, так как не установлены фонетические соответствия между языками, нет возможности выявить древние заимствования и т. д. Тем не менее, исходя из матрицы процентных сближений между языками можно сделать следующие наблюдения:

- 1. Однозначно выделяются все пять известных семей.
- 2. Современные уральские и алтайские языки выявляют около 10 % схождений, что, по-видимому, можно считать обычным для ностратических языков.
- 3. Сходный процент схождений демонстрируется всеми остальными языками матрицы, кроме нивхского, что, видимо, можно считать указанием на их «ностратичность».
- 4. Юкагирские языки объединяются с чукотско-камчатскими, а не с уральскими².
- 5. Не подтверждается существование особых связей между алтайскими и эскалеутскими языками.
- 6. Неясны внешние связи нивхского языка и причины его специфической близости с эскалеутскими языками.

Приложение

Таблица 2. Пятидесятисловные списки и этимологические предложения

	Word	Turkish	Evenki	Finnish	Selqup	Yukaghir T	Yukaghir L
1	we	biz	bū	me	mē	mit-ul	mit
		a	a	a	a	a	a
2	two	iki	ǯūr	ka=ksi	sitte	kijoń, ki-	ataq
		e	ь	d	d	a	b
3	I	ben	bi	minä	man	me=t	met
		a	a	a	a	a	a
4	eye	göz	ēsa	silmä	saji	waŋ-cim	aŋ=ǯə
		d	e	c	c	a	a
5	thou	sen	si	sinä	tan	te-	tə=t
		b	b	a	a	a	a
6	who	kim	ē	kuka	kut(э)	kin-	kin
		a	a	a	a	a	a

² Отсутствие свидетельств юкагиро-уральского родства видно и на более широком материле (Peiros, I. What is Hidden under the "Uralic-Yukaghir" Label? (manuscript)).

7	fire	ateš	togo	tuli	tü	merū	ločil
		loan	С	С	С	a	b
8	tongue	dil	inn	kieli	šē	wanər	onōr
		b	e	С	С	a	a
9	stone	taš	ǯolo	kivi	рü	qaj=l	pe:
		d	d	С	b	a	b
10	name	ad	gerbī	nimi	nim	ki-ri-jəŋ	ńu:
		e	f	b	b	a	b
11	hand	el	ŋāle	käsi	uti	calʒə-ŋ	nugən
		f	f	d	e	a	b
12	what	ne	ēkūn	mikä	qaj	neməŋ	leme
		d	e	a	С	a	a
13	die	öl-	bu-	kuolla	quqo	j=abə-	am
		d	e	С	С	a	a
14	heart	jürek	mêwan	sydän	sīče	soyə-	šube=ǯə
		d	e	С	С	a	a
15	drink	ič-	um-	juoda	ütirqo	law-	o:žə
		b	f	d	j	a	b
16	dog	köpek	ŋinaki, ginaki	koira	kanaŋ	lāmə=ŋ	toukə
		f	С	d	С	a	b
17	louse	bit	kumke	täi	unti	pemə	pemə
- /	10000	e	f	c	d	a	a
18	moon	aj	bêga	kuu	irä	kinʒə-ŋ	kinǯə
		e	f	c	d	a	a
19	claw	tɨrnak	osī=kta	kynsi	ķatэ	öʒi=1	oǯi=l
		d	e	c	ć	a	a
20	blood	kan	sēkse	veri	kem	ce:=mə-ŋ	lep=pul
		f	g	С	e	a	b
21	one	bir	umūn	y=ksi	ukkir	mā=rqa-	irk-
		f	g	d	e	a	a
22	tooth	diš	ikte	hammas	tīmi	saĺ=γari=ŋ	taodi:
		e	f	loan	d	a	b
23	new	jeni	ōmakta	uusi	šìɛnti	-зәг=рәј	iĺĺə
		d	е	С	loan	a	b
24	dry	kuru	olgokin	kuiva	tekipi	sil-nə=j	ke:=ĺə
		b	d	b	С	a	b
25	liver	ara-ǯiyer	xakin	maksa	m <u>ī</u> tį	aĺajə	kude=ǯə
		loan	f	d	d	a	b
26	eat	je-	ǯер-	syö-	ami-	lew-	leg
		С	С	С	d	a	a

27	tail	kujruk	irgi	häntä	tal'čìi	laqil-lā-	jaxyl
		С	С	b	d	a	a
28	this	bu	er	tuo	ti=na	t=u-ŋ	du
		С	d	a	a	a	a
				tuo		t=u-ŋ	du
				b		b	b
29	hair	kɨl	inŋakta	hapsi	ōpti	moniĺə-	majlə
		c	С	b	b	a	a
30	water	su	mū	vesi	üt	law-jə-ŋ	o:ži:
		e	g	b	d	a	b
31	nose	burun	oŋokto	nenä	intäl	joγu= <u>l</u>	joyu=l
		e	f	С	d	a	a
32	not	-mV(z)	e-	ei	a-ssa	eĺ	öjĺə
		С	a	b	b	a	a
33	mouth	ayiz	amŋa	suu	ົ້ວŋ	ลŋa=ŋ	aŋa
		С	a	b	a	a	a
34	full	dolu	ǯalum	täysi	tirik	poti-	abut-
		e	e	С	d	a	a (?)
35	ear	kulak	sên	korva	üŋkilsa	un=əmə-ŋ	unemə
		e	f	С	d	a	a
36	that	o	tar	tuo	ti	ta-	ta-
		С	a	a	a	a	a
			tar			ta-	ta-
			b			b	b
37	bird	kuš	degi	lintu	sūrim	nada	nodo
		e	f	С	d	a	a
38	bone	kemik	giramna	luu	le	amun	amun
		d	e	С	c	a	a
39	sun	güneš	siyūn	aurinko	čēli	jar=pəjəŋ	je-(lõša)
		e	f	c	d	a	a
40	smoke	duman	saŋńan	savu	purqi	köjriʒə-ŋ	jū <u>l,</u> ĺul`
		loan	f	d	e	a	b
41	stand	dur-	il-	seisoa	niŋkiqo	ογο-	öγo-
		e	f	С	d	a	a
42	tree	aγač	mō	puu	pō	sā <u>l</u>	sāl
		d	e	С	С	a	a
43	ashes	kül	huleptēn	tuhka	šīmi	noyo	čon-
		e	e	loan	d	a	b
	_			1	L:	4 - 1:	h:
44	give	ver-	bū-	antaa	miqo	tadi-m	kej-
		e	e	d	i	a	b
44 45	give rain		bū- e tigde		i sorimtä		

46	star	jildiz	ōsīkta	tähti	qišìqä	payazi-d-ek	culerũ
		f	g	d	e	a	b
47	fish	balik	ollo	kala	qēli	aĺγa-ŋ	ani= <u>l</u>
		e	d	d	d	a	b
48	neck	bojun	moŋon	kaula	sõl	ńami= <u>l</u>	jomi=l
		d	d	loan	С	a	a
49	breast	meme	ukun	rinta	kili	īsī	melut
		f	g	d	e	a	b
50	leaf	japrak	abdanna	lehti	čìōpi	pol-(vur)	polžiś
		b	С	loan	loan	a	a

Таблица 3. Пятидесятисловные списки и этимологические предложения

	Word	Chukchee	Itelmen	Chaplino	Atka	Nivkh (Am)
1	we	muri	muza	xwá=ŋa=kuta	t(x)i=mas	ńəŋ
		a	a	a	a	b
				xwá=ŋa=kuta		
				b		
2	two	ŋirε-q	kasx	māl=ʁuk	al=ax	mi-
		f	d	С	c	c
3	I	уә=m	kěmma	xwá=ŋa	ti=ŋ	ńi
		a	a	a	b	b
				xwá=ŋa		
				b		
4	eye	ł(ə)łε	lo-ŋ	íja	δ=αχ	ńaχ
		f	f	b	b	b
5	thou	yə=t	kězza	ł-pək	ti-n	c`i
		a	a	d	c	b
6	who	mi=k-	k'e	kīn	kīn	aŋ
		a	a	a	a	c
7	fire	jən	xi=młx	kənəìq	qiγn=aχ	t`uyr
		d	a	e	e	loan
8	tongue	jilə-	łčil	ulú	ums=uχ	hily
		b	b	d	a	b
9	stone	wuk=wə-	wa-č	ujarak	quγan=aχ	раχ
		f	f	e	g	b
10	name	nənnə-	hela-ŋ	atəq	as=aχ	q`a
		b	h	e	e	c
11	hand	kεγə-	xk'i-č	īxa	c=aχ	təmk
		g	g	h	i	С

12	what	req-	?ăŋ=qa	sa-ŋwá	al=quχ	si-3
		i	d	b	a	b
13	die	v?i-	?eza-	tuqā=quq	asχa-	mu-
		e	h	g	h	loan
14	heart	łiŋ	liŋ=č	iχsá=quq	kan=ūχ	ŋ=if
		f	f	g	h	b
15	drink	wici-	γel-kes	məʁ=áquq	tāŋa-	ra
		b	i	g	С	С
16	dog	?ətt?ə-	qŏ=sh	qikmíq	ajk=uχ	qan
		g	i	j	h	c
17	louse	mə=m(ə)l	mil	kumák	hiŋal=aχ	amrak
		a	a	f	a	b
18	moon	j?í=lγə-	je?a=lγin	tanqíq	tuγiδ=aχ	loŋ
		g	g	h	i	b
19	claw	νεγ-	k'uf-k'uf	stuk	qaɣal=кіҳ	təkń
		f	f	g	h	b
20	blood	mutlə	młim	āwk	ām=ăx	ŋ=ar
		h	h	i	i	c
21	one	(?)ənnen	kniŋ	atāsiq	ataqan	ń(i)-
		b	b	i	i	b
22	tooth	rətən	kəp-kəp	xutá	kiγus=iχ	ŋ=əγs
		g	h	f	С	c
23	new	tur(ji)-	ne?n	nutáʁ=aq	taγa=δa-	c`uz-
		a	h	g	h	a
24	dry	kər(ɣ)ə-	k'izyi-lah	kīnĸa-d <u>ā</u>	qaka-	ce-
		b	b	b	g	a
25	liver	ponta	ponta-pont	təŋúk	āκ=iχ	tius
		g	g	h	d	c
26	eat	r-u-	n=o-kes	nəkáqā	inu-	iń-
		e	e	b	b	b
27	tail	ŋojŋə-n	ŋosx	papəìk	hitx=iχ	ŋ=əki
		e	e	f	g	a
28	this	ŋu=t-	tə'-n	u-	wa(n)	tə-ʒ
		a	a	b	b	a
29	hair	kər-wir	k'im-k'im	nujáq	iml=iχ	ŋ=əŋg
		с	g	e	a	d
30	water	mi=məl	?i?	məq	tāŋ=aχ	c`aχ
		g	f	g	h	С
31	nose	jeqaaq	qeqe-ŋ	qəŋáq	anĸusin	viy
		a	a	f	g	e

32	not	έtlə	qa?m	-nĸitə-,	ul=ux	(i)ləyə-
		a	e	d	a	a
33	mouth	jəkəryə-	qe=sh	qanəìq	aAilra	əŋ=g
		С	С	e	c	a
34	full	jər?=ə-	t-xnu-	słəìq=ŋalʁi	сχа-	c`ar-
		b	f	b	b	b
35	ear	viłu=	?elwe-leŋ	siγú=n	tu=tus=iχ	nos-
		g	g	i	b	b
36	that	ŋáan(en)	nu	āγ-	hama	a-
		d	d	b	d	b
37	bird	γatle	'uńńa-čh	qawāk	saχ	pei=ŋa
		e	i	g	h	b
38	bone	?əìtt=?əm	(k)t=hăm	nəχqwāq	qaγn=aχ	ŋäńɣəf
		a	a	b	f	b
39	sun	tirkə-tir	lač	siqínəq	акад=кіх	k`eŋ
		g	h	f	i	b
40	smoke	ŋəł-γəł	t'i-t'i-m	pujúq	hwaʁ=iχ	t`uf
		g	c	e	e	С
41	stand	t=vetła-	t=xzu-kes	nəkəìv=aquq	cucax-	k`əpr-
		g	i	j	h	b
42	tree	uttu-ut	?u?(f)	úqfik	hjāγ=aχ	tiyr
		f	f	f	c	b
43	ashes	piŋ	piŋ-piŋ	ака́	utx=iχ	pləŋg
		f	f	g	h	С
44	give	jəl-	zill-es	tūnaqā	αχ-siχ	imγ-
		f	f	g	i	С
45	rain	muqε-	čuf-čuf	słāł=uk	ciχt=aχ	ləx
		g	h	i	h	b
46	star	εŋεr	ŋez(z)em	īĸaləìqətāq	sδ=aχ	uńyr
		i	i	j	k	С
47	fish	ənne	?ðńč	iqáł=uk	qa=χ	co
		b	b	d	d	С
48	neck	(1)?itən-	hejte-ŋ	ujáq=uq	uj=uχ	q`os
		f	f	g	g	b
49	breast	lol?o-	ĺuĺ(ĺ)u-	sajá	maqδ=aχ	moc
		h	h	i	c	С
50	leaf	wət	pălla-păl	quqúŋ=aq	ju <u>l</u> =iχ	comr
		d	a	e	a	e

Summary

Ilia Peiros

Nostratic Languages of Northeast Asia

50 of the most stable words are used to evaluate possible genetic relations of eleven languages. Based on the percentage of lexical similarities between these languages (Table 1) one notices that:

- 1. Six well-known linguistic families are clearly seen:
- Altaic (Turkish and Evenki);
- Uralic (Finnish and Selqup);
- Yukaghir (Tundra and Forest);
- Chukchic (Chukchee and Itelmen);
- Eskaleutic (Chaplino and Atka);
- Nivkh.
- 2. About 10 % of the shared lexicon between modern Altaic and Uralic languages may be seen as a marker of the core Nostratic relationship.
- 3. The same 10 % is shared between all the other languages (except Nivkh). This may indicate their possible connection to the Nostratic family.
  - 4. The Yukaghir languages are closer to Chukchic and not to Uralic.
  - 5. No specific connection is found between Altaic and Eskaleutic.
  - 6. The position of Nivkh remains unclear.

Фонологически значимое парадигматическое ^{1} ударение в уральских языках ^{2}

По мнению большинства ученых, в прафинно-угорском языке ударение было фиксировано на первом слоге, см., например, [Itkonen 1955, Hajdú 1966, Rédei 1968] и подробную библиографию в этих работах.

Однако это предположение не было строго доказано. В ряде финно-угорских языков ударение не фиксировано на первом слоге: в мордовских, в марийском, в пермских и т. д. Поэтому в отдельных работах высказывались сомнения в этом постулате.

Й. Синнейеи [Szinneyei 1922] предположил, что ударение могло быть синтагматически подвижным. В работах В. И. Лыткина [Лыткин 1964, 1965, 1970] также была высказана гипотеза, что для прафинно-угорского праязыка следует восстанавливать ударение, не фиксированное на определенном слоге.

А. Раун в работе [Raun 1974] указал на то, что при упорядоченной структуре ФУ (преимущественно двусложные основы и односложные аффиксы с четкой аранжировкой) в нем вряд ли могло существовать «сильно центрированное», то есть фиксированное на определенном слоге, ударение.

В коллективной монографии [Серебренников, Ермушкин, Майтинская 1989] этому вопросу посвящен небольшой раздел, составленный Г. И. Ермушкиным. По его мнению, в финно-волжском языке ударение могло падать на любой слог слова, но не имело смыслоразличительной функции. Такое ударение без изменения сохранилось в эрзянском языке. А в других языках финноволжской группы либо зафиксировалось на первом слоге слова, либо, как в мокшанском и марийском языках, его постановка зависит от набора гласных в словоформе. По мнению Г. И. Ермушкина, традиционно высказываемое

¹ В. А. Дыбо дает следующее определение парадигматических акцентных систем: «Под парадигматическими акцентными системами понимаются такие системы, которые характеризуются двумя или несколькими типами поведения акцента в слове, именуемыми акцентными типами или акцентными парадигмами, по которым распределяются все слова соответствующего языка следующим образом:

¹⁾ В корпусе непроизводных основ выбор акцентного типа для каждого слова не предсказывается какой-либо информацией, заключенной в форме или значении этого слова, а является присущим данному слову (приписанным ему) традиционно.

²⁾ В корпусе производных основ выбор акцентных типов определяется акцентными типами производящих (обычно с соответствующей поправкой на словообразовательный тип)» [Дыбо 2000].

 $^{^2}$ Работа выполнена при поддержке гранта Президента РФ МД-7005.2015.6 и гранта РГНФ № 15-04-00361.

предположение об ударении, фиксированном на первом слоге, не позволяет объяснить многообразие систем ударения, представленных в современных финно-волжских языках. Поэтому автор предполагает, что следует реконструировать свободное ударение в финно-волжском языке, которое затем в языках-потомках могло развиваться всевозможными способами.

I часть. Общеизвестные системы с разноместным ударением в уральских языках

Действительно, если обратиться к материалу современных уральских языков, то во многих из них представлено разноместное ударение. Перечислим сначала те случаи, которые уже были описаны в существующей литературе.

- 1) В **мокшанском** языке ударение «фонологическое», то есть оно зависит от качества гласных в словоформе: «широкие гласные перетягивают на себя ударение, но если все гласные в словоформе являются только широкими или только узкими, то ударение падает на первый слог слова» [Феоктистов 1993].
- 2) В литературном **марийском** языке ударение также имеет «фонологический» характер, то есть его место зависит от набора гласных в слове:
- если в слове, кроме других гласных, имеется гласный a, то ударным бывает a;
- если в двухсложных словах второй слог открытый и слово оканчивается на гласный u, то ударное падает на последний слог;
- звук *ы* при наличии других гласных всегда безударный, при отсутствии же других гласных ударение падает на 1-й слог;
  - в остальных случаях ударение падает на 1-й слог.
- 3) В коми-пермяцком языке место ударения «морфологизованное», оно зависит от типа морфемы. Одни морфемы, «плюсовые», могут перетягивать на себя ударение, другие, «минусовые», всегда безударные и могут принимать ударение только в отсутствие в слове плюсовых морфем. В непроизводной лексике место ударения зависит от диалекта. Как отмечено в работе [Баталова 2002], в некоторых диалектах коми-пермяцкого языка, например в нижнеиньвенских, в непроизводных глаголах ударение может падать как на основу, так и на окончание. А в других оно в непроизводных лексемах всегда фиксировано на первом слоге.

- 4) В коми-язьвинском языке ударение в большинстве случаев «фонологическое». Гласные a, o, s, s всегда ударные. Гласная s в двух- и многосложных словах всегда безударная. Но в случае гласных s, s, s ударение не является «фонологическим», поскольку они могут быть ударными или безударными в зависимости от их происхождения. Если им в соответствующих лексемах в других коми языках соответствуют более широкие гласные, то они в коми-язывинском являются ударными, а если узкие то безударными [Лыткин 1955: 33–34].
- 5) Мансийское разноместное ударение отмечалось еще в XIX в. в работе [Munkácsi 1894]. Он приводит парадигмы глагола для восточных, западных и южно-мансийских диалектов, и видно, что у части глаголов ударение фиксировано на первом слоге, а у других — подвижное ударение. К сожалению, материал, приведенный в этой монографии, нельзя назвать исчерпывающим. В качестве иллюстрации глагольных парадигм для каждого из диалектов приводятся несколько лексем, в которых место ударения в западных и особенно восточных диалектах отмечено лишь спорадически. Для южного диалекта ударение на первом или на втором слоге отмечено во всех формах, и видно, что есть как минимум две глагольные акцентные парадигмы. В одной ударение фиксировано на первом слоге, в другой оно в настоящем и прошедшем времени во всех формах падает на второй слог, а в будущем времени — на первый. Таким образом, работа [Munkácsi 1894] является ценным свидетельством того, что он отмечал разноместное ударение в парадигме глагола во всех группах диалектов, за исключением северных, но практически не дает информации о том, в каких именно лексемах ударение было фиксированным, а в каких — разноместным.

Значительно более информативным в этом плане является словарь [Munkácsi, Kálmán 1986]. В нем практически для каждой глагольной южномансийской лексемы отмечено место ударения в форме третьего лица множественного числа настоящего времени. Спорадически также в словаре приводятся и другие глагольные формы, в которых также часто присутствует ударение на втором слоге.

6) В ненецком языке, как пишет М. К. Амелина [Амелина 2011], вопрос о разноместности ударения, о том, может ли оно падать на любой или только на определенный слог фонетического слова, а следовательно, и о его фонологичности, способности к смыслоразличению, по-разному решался исследователями. Так, основные «полюса» представлены точками зрения (а) Я. Н. Поповой и Н. М. Терещенко, признающих подвижность и фонологичность ударения в ненецком языке; (б) Т. Салминена, отрицающего подвижность ненецкого ударения.

- а) Я. Н. Попова неоднократно отмечала, что ударение в ненецком языке является подвижным (свободным) и может падать на любой слог фонетического слова [Попова 1978: 67], а его место в каждой конкретной словоформе «обязательно и не может быть изменено» [Попова 1966: 48]. Н. М. Терещенко также разделяла эту точку зрения, считая, что ненецкое ударение непредсказуемо, т. е. приписано определенному слогу фонетического слова [Терещенко 1965: 864].
- б) Высказывалась и противоположная точка зрения на подвижность ударения в ненецком языке: что оно является неподвижным (несвободным). Так, по мнению Т. Салминена ([Salminen 1997], [Salminen 2007: 350]), место ненецкого ударения зависит от наличия в слове особой фонемы "schwa phoneme" / ° /, которая реализуется в звучащей речи при чередовании с /ā/ (в записи Т. Салминена /ø/) по правилам редукции: "one of the salient features of the schwa is that it makes the preceding syllable stressed" [Salminen 2007: 359]. Следует, однако, отметить, что первичный или вторичный характер редукции по отношению к месту ударения, как можно судить на основании типологических данных, может быть установлен только вследствие внешних соображений, что делает теорию Т. Салминена спорной. Как будет показано ниже, полевые данные М. К. Амелиной подтверждают точку зрения Н. М. Терещенко и Я. Н. Поповой о том, что ненецкое ударение подвижно и может падать на любой слог фонетического слова.
- 7) В **нганасанском** языке ударение «моросчитающее», по [Терещенко 1993: 345], в непроизводных словах оно падает на вторую мору от конца словоформы, при этом долгие гласные считаются двуморовыми.
- 8) В **тазовском** (северном) диалекте **селькупского** языка ударение практически всегда «морфонологическое», а «разноместное», то есть зависящее от типа корня, только в формах второго лица единственного числа императива.

Оно было описано в монографии [ОчСЯ 1980: 138–141], там приводится правило постановки ударения, из которого следует, что оно зависит в большинстве случаев от типа суффикса:

«Для формулировки акцентуационных правил необходимо разграничить три рода аффиксов.

І. При наличии в слове аффиксов только первого рода (равно как и при отсутствии аффиксов вообще) правило, обуславливающее место ударения, имеет чисто фонетическую природу: ударение стоит на ближайшем к концу долгом гласном, а при отсутствии в непервых слогах долгих гласных — на первом слоге (фонетическое правило акцентуации).

К числу аффиксов первого рода относятся:

- аффиксы, состоящие из одного согласного;
- односложные аффиксы, содержащие гласный у;
- большинство аффиксов у имен, <...> инфинитива <...>.

II. Аффиксы второго рода обладают той особенностью, что содержащийся в них гласный, будучи кратким, оказывается в акцентуационном отношении тождественен долгому гласному в аффиксах первого рода: он несет на себе ударение в том случае, когда в последующих слогах стоят долгие гласные или другие аффиксы второго рода. Иными словами, аффиксы второго рода содержат "условно-долгий" гласный. "Условность" такой долготы состоит в том, что фонетически она реализуется как краткость, а в акцентуационном плане должна рассматриваться как долгота, относительно которой справедливо фонетическое (приведенное ниже) правило акцентуации. Не исключено, что "условно-долгие" гласные — результат исторического сокращения долгот, повлиявшего на акцентуационную модель.

Аффиксов второго рода сравнительно немного. К их числу относятся, в частности, глагольные аффиксы <...> $o\acute{l}, a\acute{l}$ <...>.

III. Особое положение создают аффиксы третьего рода, делающие словоформу двуударной <...>».

«Сформулированные в предшествующем разделе правила, по-видимому, не распространяются (по крайней мере в части идиолектов) на один узкий, но достаточно часто употребляющийся в речи класс словоформ — формы 2Sg. императива <...> Можно предположить, что этот фрагмент селькупской языковой системы сохраняет фрагменты каких-то архаичных просодических противопоставлений, поскольку ни фонетическими, ни морфологическими, ни семантическими причинами различия места ударения не объясняются».

Итак, из этого описания ясно, что фактически в научной литературе парадигматические системы в уральских языках ранее не были описаны. А их фрагменты в коми-пермяцком, коми-язывинском, мансийском, ненецком, тазовском селькупском языках были лишь кратко упомянуты в соответствующих грамматиках без описания возможностей изменения места ударения в парадигмах.

II часть. Ранее не описанные в научной литературе системы с парадигматическим разноместным ударением в уральских языках

В 2008 г. была издана монография «Реконструкция прафинно-волжского ударения» [Норманская 2008]. В ней мы обратились к пяти проблемам уральского сравнительно-исторического языкознания, которые кажутся на первый

взгляд не связанными между собой: 1) генезис систем вокализма в современных мордовских языках; 2) происхождение двух типов спряжения в марийском языке; 3) происхождение третьего типа склонения существительных (с основой на ударные гласные) в марийском языке; 4) происхождение редуцированных гласных в марийском языке; 5) генезис системы вокализма в самском языке. Эти вопросы были в последние сто лет предметом оживленных дискуссий. Нам удалось доказать, что эти далекие друг от друга фонологические и грамматические явления развивались в зависимости от одного очень важного и ранее не учтенного праязыкового фактора: подвижного ударения, не фиксированного грамматически или фонетически, которое должно быть реконструировано для прафинно-волжского языка. Место этого ударения (на корне или на окончании) без изменения сохранилось в современном мокшанском языке.

В последующие восемь лет был проведен поиск схожих явлений: разноместного ударения и его влияния на развитие системы вокализма в других уральских языках. Материал приходилось собирать по крупицам. Вначале было, в общем, непонятно, существуют ли еще такие системы, поскольку во всех наиболее авторитетных книгах указано, что ударение в уральских языках фиксировано на первом слоге. Действительно, практически во всех словарях, изданных в XX в., указание на место ударения отсутствует. Отмечено оно было только в коми-пермяцком [Баталова, Кривощекова-Гантман 1985], коми-язьвинском [Лыткин 1961] и лесном ненецком [Попова 1978] языках только в начальной словарной форме без указания на изменения в парадигме.

Итак, мысль о разноместном ударении в уральских языках была в известной мере крамольной. Забегая вперед, скажем, что в 2015 г. мы обнаружили много словарей и текстов, изданных в XIX и XVIII вв., по мордовским, марийскому, коми, хантыйскому, мансийскому, ненецкому, селькупскому языкам, где указано разноместное ударение, имеющее парадигматический характер. Эти данные фактически явились неожиданным полным подтверждением того, что в течение семи лет собиралось по архивам и экспедициям.

До обнаружения этих книг поиск разноместного ударения в уральских языках напоминал в определенной степени поиск улик детективом.

Суммарно начиная с 2008 г. были проведены исследования по поиску языков и диалектов с ранее не описанными разноместными системами ударения. Были проведены экспедиции и собраны аудиословари исконной лексики с парадигматическими формами по сорока девяти диалектам уральских языков. Они представлены на сайте http://lingvodoc.ispras.ru/.

Параллельно была проведена работа в архивах М. А. Кастрена, К. Ф. Карьялайнена, Е. А. Хелимского (Национальный архив Финляндии, Хельсинки), А. П. Дульзона (Лаборатория языков народов Сибири, Томский педагогический университет, Томск).

Было найдено более **тысячи первых книг**, опубликованных на практически всех уральских языках до 1917 г. (библиотеки и архивы Хельсинки, Санкт-Петербурга, Казани, Йошкар-Олы, Вены, Геттингена).

Были обработаны около пятнадцати архивных катушек, записанных учеными из Новосибирска в 1970-х гг.

Ниже мы изложим в хронологическом порядке время обнаружения тех или иных данных, чтобы было видно, как иногда несколько лет приходилось проводить интенсивный поиск, прежде чем обнаруживалось еще одно подтверждение ударения в каком-то из языков, которое делало эту информацию более надежной и пригодной для публикации. Хотя для конечного результата работы время и порядок обнаружения свидетельств о разноместном ударении в том или ином языке по сути ничего не меняют, и надо отметить, что все свидетельства о разноместном ударении были на удивление точными и во всех случаях, когда речь шла о каком-то одном языке, подтверждали друг друга.

II.1. Парадигматическое ударение в самодийских языках

Первым указанием на существование разноместного ударения еще в каких-то языках была фраза из опубликованного в Интернете письма Е. А. Хелимского к А. И. Кузнецовой, где написано, что в картотеке, собранной А. П. Дульзоном и его последователями, отмечено ударение в центральных и южных селькупских диалектах, которое было почему-то опущено при издании по этой картотеке словаря [Быконя 2005]. В Томске на кафедре языков коренных малочисленных народов Сибири благодаря любезности заведующего кафедрой А. Ю. Фильченко нам была предоставлена возможность отсканировать с помощью аспирантов кафедры Н. Л. Федотовой, Н. В. Дубровской, Г. П. Поздеевой примерно 30 тысяч карточек, на которых было указано разноместное ударение для всех селькупских словоформ из нескольких десятков населенных пунктов. Эта бесценная картотека обрабатывась не один год.

Параллельно Н. Л. Федотова согласилась предпринять экспедицию к последним носителям нарымского диалекта селькупского языка И. А. Коробейниковой и Я. М. Мартынову, записала от И. А. Коробениковой за несколько поездок полный словарь селькупской лексики. А М. К. Амелина предприняла экспедицию

к последнему носителю кетского диалекта (в настоящее время уже скончавшемуся) В. В. Арбалдаеву. Данные, полученные в экспедициях, полностью подтвердили то место ударения, которое было отмечено в картотеке А. П. Дульзона. Позже в 2011 г. появилась возможность выехать в Хельсинки и ознакомиться там с архивом М. А. Кастрена, в котором, как оказалось, указано то же место ударения, что и в картотеке А. П. Дульзона. А уже в 2015 г. мы на сайте PHБ http://primo.nlr.ru/primo_library/libweb/action/search.do?dscnt=0&afterTimeout= 32C22F71DF28E6FAD2088074869497CC&fromLogin=true&dstmp=144104727 5448&vid=07NLR_VU1&fromLogin=true нашли первые книги Н. П. Григоровского по селькупскому языку, в которых тоже было проставлено ударение, и анализ его системы показал полное соответствие всем предыдущим источникам.

Оказалось, что ударение в селькупских диалектах имеет парадигматический характер и может быть описано в терминах акцентных маркировок / валентностей корней и суффиксов. В результате проведенного анализа были реконструированы праселькупские акцентные маркировки / валентности, которые у корней и суффиксов с гласными полного образования без изменения сохранились во всех центральных и южных селькупских диалектах и постепенно менялись, переходя из плюсовых в минусовые у все большего количества суффиксов с редуцированной гласной при движении от центральных к наиболее южным диалектам. Подробнее результаты этой работы можно посмотреть в статье [Норманская 2012а].

Параллельно в Хельсинки во время работы с архивом Е. А. Хелимского было найдено около 500 карточек по формам императива в тазовском (северном) диалекте селькупского языка, в которых также было проставлено ударение. Оказалось, что принцип постановки ударения в формах императива в тазовском диалекте тот же, что и в южных и центральных диалектах селькупского языка. Это дало нам возможность реконструировать праселькупскую систему ударения. Подробнее результаты этой работы можно посмотреть в статье [Норманская 2014b].

В беседе примерно за год до смерти Е. А. Хелимский, ознакомившись с планом книги «Реконструкция прафинно-волжского ударения», сказал, что и в тундровых диалектах ненецкого языка он в экспедициях слышал разноместное ударение, которое, однако, нигде не описано. М. К. Амелина в 2010 г. согласилась начать исследовать системы ударения в ненецких диалектах и за прошедшие годы предприняла пять экспедиций к носителям диалектов, принадлежащих к разным группам — тундровым: ямальскому, гыданскому,

 $^{^3}$ Подробнее об определении термина «акцентная валентность» см. [Дыбо 2000: 11–12].

канинскому, большеземельскому и лесному. Анализ этих данных в фонетической программе Праат показал, что место ударения во всех диалектах фактически одинаковое и совпадает с долготой, отмеченной в словаре [Lehtisalo 1956], но в разных диалектах оно выражается с помощью разных просодических признаков, что свидетельствует о том, что это не долгота, а именно ударение. Кроме того, полевой материал, собранный М. К. Амелиной в ходе работы с носителями ямальского говора тундрового наречия ненецкого языка, позволяет говорить о парадигматичности его акцентной системы, в которой предварительно можно выделить, по крайней мере, два акцентных типа или две акцентных парадигмы (об акцентных парадигмах см. подробнее [Дыбо 2000]), «приписанные» непроизводным основам: а) подвижную (ударение перемещается с основы на словоизменительный аффикс), б) неподвижную (ударение не перемещается с основы на словоизменительный аффикс).

В настоящее время М. К. Амелина заканчивает диссертационную работу по этой теме, которая, мы надеемся, в дальнейшем будет опубликована, а пока собранные ею словари доступны в Интернете http://lingvodoc.ispras.ru/.

Затем было проведено сравнение селькупских корней, для которых удалось определить акцентную маркировку, и долготы vs. краткости в тундровых ненецких диалектах на примере записей Т. Лехтисало, сделанных в районе Обдорска, по [Lehtisalo 1956]⁴.

В результате анализа материала, представленного в обеих группах, мы пришли к следующим неожиданным выводам.

I) Следует реконструировать два типа акцентных маркировок для ПС корней:

ПС корни с плюсовой акцентной маркировкой имеют рефлексы:

- 1) долгие протоненецкие (тундровые) гласные;
- 2) плюсовая акцентная маркировка в селькупских диалектах (т. е. когда ударение во всех производных фиксировано на корне);

ПС корни с минусовой акцентной маркировкой имеют рефлексы:

- 1) краткие протоненецкие (тундровые) гласные;
- 2) корни с минусовой маркировкой в селькупском (т. е. когда ударение в ряде производных падает не на первый слог).

⁴ В тех случаях, когда данные по долготе в обдорском говоре тундрового диалекта ненецкого противоречат акцентной маркировке селькупских корней, мы приводим данные и других говоров тундровых диалектов ненецкого языка по [Lehtisalo 1956].

П) Оказалось, что принципиально различается рефлексация ПУ гласных в ПС языке в корнях с плюсовой и минусовой акцентными маркировками.

Таблица 1. Рефлексация ПУ гласных первого слога в зависимости от акцентной маркировки ПС корней

ПУ гласный первого слога	Рефлекс ПУ гласного в ПС ⁵ корнях с <u>плюсовой</u> акцентной маркировкой	Рефлекс ПУ гласного в ПС корнях с минусовой акцентной маркировкой
*a	ПС *å	ПС *∂
*0	$\Pi C *o, (*\mathring{a}, *\Lambda)$	ПС *∂
*u	ПС *и, *л	ПС *∂
*i	ПС *і, *ę	ПС *і
*ä	ПС *ä, *а	
*ü	ПС *i, *ę	ПС *i, *ä
*e	ПС *ä, *i	ПС *е
*i	ПС *ä	ПС *i, *ä

Подробнее результаты этой работы можно посмотреть в статье [Норманская 2012b].

 $^{^5}$ Прасамодийская система 13 гласных по реконструкции Е. А. Хелимского (цитируется по [Salminen 2012]) с дополнением 1 фонемой:

^{*}i *ü *į *u

^{*}e *ö *e *o

^{*}ä *a *å *1

^{*}a *â

¹⁴⁻я фонема:

прасамодийское * $_{\Lambda}$ (< ПУ * $_{U}$) > прасев.-самодийское * $_{d}$, праселькупское * $_{U}$.

II.2. Парадигматическое ударение в обско-угорских языках

Параллельно с исследованиями ударения в самодийских языках шел поиск разноместного ударения в обско-угорских языках. Вначале информация о таких системах была найдена в архивах:

- 1) в Томске в архиве по васюганскому диалекту хантыйского языка, собранном Л. И. Калининой, ученицей А. П. Дульзона;
- 2) в Хельсинки в архиве по иртышским диалектам хантыйского языка, собранном М. А. Кастреном;
- 3) в архивах Санкт-Петербурга в многочисленных словариках XVIII и XIX вв. по обско-угорским языкам, отсканированных Е. А. Хелимским.

Далее в рамках грантов РГНФ и Президента РФ в 2012—2013 гг. был проведен ряд экспедиций к носителям диалектов обско-угорских языков, в результате которых С. В. Онина собрала полный словарь низямского диалекта и салымского диалекта (п. Лемпино) хантыйского языка, М. К. Амелина записала исконную лексику салымского диалекта (п. Салым) хантыйского языка и юкондинского диалекта мансийского языка, И. А. Стенин — обской диалект мансийского языка.

Анализ архивных и экспедиционных данных по обско-угорским языкам показал, что в них без изменений за последние 150 лет (с момента путешествий М. А. Кастрена) сохранилось разноместное ударение, которое ранее не было описано.

В результате анализа было выявлено, что в непроизводных словах ударение в современном низямском диалекте и южно-хантыйских данных М. А. Кастрена, записанных на Иртыше, полностью совпадает. В словообразовательных производных в низямском диалекте произошла категоризация иктуса, которая при отсутствии непроизводных форм в словаре не позволяет установить акцентный тип корня. Таким образом, древним (по крайней мере, празападно-хантыйским) следует считать парадигматическое ударение, представленное в непроизводных именах и парадигме глагола, поскольку оно представлено как в промежуточном низямском диалекте, так и в южно-хантыйских диалектах. Подробнее результаты этой работы можно посмотреть в статье [Норманская 2014а].

Анализ систем ударения в глагольных словоформах в юкондинском и обском диалектах мансийского языка и сравнение их с акцентом в хантыйских диалектах показали следующий результат:

	І группа	II группа	III группа	IV группа
манс. юконд.	удар.	удар.	удар.	удар.
	на 1 слоге	на 2 слоге	на 1 слоге	разноместное
манс. обск.	удар.	удар.	удар.	удар.
	на 1 слоге	на 2 слоге	разноместное	разноместное
манс. тавд. [Munkácsi B.,	удар.	удар.	удар.	удар.
Kálmán B., 1986]	на 1 слоге	на 2 слоге	на 2 слоге	на 1 слоге
хант. юж. ирт. [Кастрен,	удар.	удар.	удар.	удар.
рукопись]	на 2 слоге	на 1 слоге	на 2 слоге	на 2 слоге

Таблица 2. Соответствия места ударения в глаголе в обско-угорских языках

Подробнее результаты этой работы можно посмотреть в статье [Норманская 2015].

II.3. Парадигматическое ударение в коми языках

В диалектах коми языка, помимо акцента, отмеченного в коми-пермяцком [Баталова, Кривощекова-Гантман 1985] и коми-язывинском [Лыткин 1961] языках, в 2015—2016 гг. Е. В. Кашкин в результате анализа в программе Праат своих экспедиционных данных выявил разноместное ударение в ижемском (говор с. Белоярска) диалекте коми-зырянского языка, а Р. И. Идрисов — в южном кудым-карском (говор сел Большой и Малой Сервы) и северном мысовском (говор с. Жемчужного) диалектах коми-пермяцкого языка. Аудиословари этих диалектов также доступны на http://lingvodoc.ispras.ru/. В результате их анализа было выявлено, что в непроизводной лексике в начальных формах ударение в южном кудымкарском и северном мысовском диалектах коми-пермяцкого языка совпадает с местом ударения в ижемском диалекте коми-зырянского языка.

Л. Г. Пономарева в 2016 г. собрала материал по полным глагольным парадигмам в нижне-иньвенском диалекте коми-пермяцкого языка и выявила, что оно имеет парадигматический характер. В настоящее время ведется создание словаря по этому диалекту и выявляется количество акцентных парадигм в глаголе. В дальнейшем мы планируем собрать материал по полным парадигмам и в других диалектах коми-пермяцкого и коми-зырянского языков.

II.4. Парадигматическое ударение в пермском диалекте марийского языка

В рамках проекта по сканированию литературы XIX в. на финно-угорских языках, проводимого совместно Россией и Финляндией и рядом других европейских стран, на сайтах http://uralica.kansalliskirjasto.fi/Search/Advanced и http://www.nlr.ru/coll/onl/fond.html стали доступны многочисленные тексты, словари и грамматики на марийских диалектах, в которых, как показал первоначальный анализ, проведенный М. А. Ключевой, представлено несколько систем разноместного ударения, это, вероятно, связано с тем, что книги были сделаны на разных диалектах. В 2015 г. М. А. Ключева провела пилотные опросы носителей восьми диалектов марийского языка. Действительно, у них были выявлены разные системы ударения. В части из этих систем ударение, видимо, автоматическое, описанное в [Вегесzki], но в пермском диалекте марийского языка была выявлена система ударения, которую в настоящее время не удается объяснить как автоматическую.

Позже в 2015–2016 гг. от трех носителей пермского диалекта марийского языка был собран полный словарь исконной лексики, содержащий около тысячи лексем с полным набором парадигматических форм. Сейчас мы заканчиваем его создание, и в ближайшее время словарь будет опубликован на сайте http://lingvodoc.ispras.ru/.

Было выявлено, что ударение в этом диалекте имеет смешанный характер: большинство слов имеют парадигматическое ударение, но в числительных и словах с рефлексами прамарийского *i, редуцированного в первом слоге, ударение фиксированное. Полное описание характера этого ударения будет опубликовано в ближайшее время.

II.5. Парадигматическое ударение в финно-волжских языках

В настоящее время собраны аудиословари центрального (с. Дюрки) диалекта эрзянского языка, ливвиковского диалекта карельского языка, водского языка. Предположительно, в них также присутствует парадигматическое ударение. В 2017 г. мы планируем подготовить к публикации описание этих систем.

Выволы

Итак, в результате анализа 49 диалектов уральских диалектов в полевых условиях, более тысячи первых книг, опубликованных до 1917 г., и архивных

аудиозаписей было выявлено **23** диалекта с парадигматическим ударением, при этом только в 3 (коми-пермяцком, мансийском тавдинском, селькупском тазовском) оно было отмечено в научной литературе ранее.

- В 8 диалектах (ливвиковском диалекте карельского языка, водском языке, мысовском, кудымкарском, нижнеиньвенском диалектах коми-пермяцкого языка, ижемском диалекте коми-зырянского языка, низямском и салымском диалектах хантыйского языка) парадигматическое ударение было выявлено в результате полевых исследований (2009–2016 гг.).
- В 6 диалектах (иртышском и васюганском диалектах хантыйского языка, пелымском и тавдинском диалектах мансийского языка, энецком языке, тазовском диалекте селькупского языка) парадигматическое ударение отмечено только в архивных данных, некоторые из этих диалектов уже исчезли, другие нуждаются в дополнительных полевых исследованиях для создания аудиословарей.
- В 9 (центральном диалекте эрзянского языка, пермском диалекте марийского языка, ваховском диалекте хантыйского языка, юкондинском и обском диалектах мансийского языка, тундровом и лесном диалектах ненецкого языка, южном и центральном диалектах селькупского языка) ударение отмечено как в полевых материалах, так и в архивах, и системы ударения за последние 100–250 лет не изменились.

В настоящее время монография «Реконструкция ударения и системы вокализма первого слога в самодийских и обско-угорских языках» находится в печати. В будущем мы планируем подготовить монографию с описанием парадигматического ударения в современных финно-волжских, марийском и коми языках. Далее в результате ступенчатой реконструкции собираемся попробовать восстановить прауральскую систему ударения и подготовить проакцентурированный этимологический словарь уральских языков, снабженный аудиофайлами, полученными в результате полевых исследований и обработки архивных записей.

Литература

Амелина 2011 — *Амелина М. К.* Акцентные характеристики непроизводных имен в тундровом наречии ненецкого языка. Часть І. Ямальский и канинский диалекты // Урало-алтайские исследования. 2011. № 2 (5). С. 7–38.

Баталова 2002 — *Баталова Р. М.* Кудымкарско-иньвенский диалект коми-пермяцкого языка. М. — Гронинген, 2002.

Баталова, Кривощекова-Гантман 1985 — *Баталова Р. М., Кривощекова-Гантман А. С.* Коми-пермяцко-русский словарь. М.: Русский язык, 1985.

Быконя 2005 — Селькупско-русский диалектный словарь / Ред. Быконя В. В. Томск, 2005.

- Дыбо 2000 Дыбо В. А. Морфонологизованные парадигматические акцентные системы: Типология и генезис. Т. 1. М., 2000.
- Лыткин 1964 Лыткин В. И. Исторический вокализм пермских языков. М., 1964.
- Лыткин 1965 Лыткин В. И. Вопросы акцентуации пермских языков // Beiträge zur Sprachwissenschaft, Volkskunde und Literaturforschung. Berlin, 1965. S. 257–265.
- Лыткин 1970 *Лыткин В. И.* Проблема лексического ударения в финно-угорских языках // Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae. 1970. Vol. 20. No. 3/4. Pp. 245–263.
- Норманская 2008 *Норманская Ю. В.* Реконструкция прафинно-волжского ударения. М., 2008.
- Норманская 2012а *Норманская Ю. В.* Прасамодийское ударение и его внешние соответствия. Часть І. Разноместное ударение в центральных и южных диалектах селькупского языка // Урало-алтайские исследования. 2012. № 1 (6). С. 117–148.
- Норманская 2012b *Норманская Ю. В.* Прасамодийское ударение и его внешние соответствия. Часть II. Внешние соответствия селькупского разноместного ударения в северносамодийских и финно-угорских языках // Урало-алтайские исследования. 2012. № 2 (7). С. 59–81.
- Норманская 2014а *Норманская Ю. В.* Система ударения в низямском диалекте хантыйского языка (экспедиционные данные) и ее параллели в южно-хантыйском (по материалам архива М. А. Кастрена) // Linguistica Uralica. 2014. № 4 (50). С. 283–302.
- Норманская 2014b *Норманская Ю. В.* Возможно ли реконструировать праселькупское разноместное ударение // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2014. № 4 (6). С. 21–31.
- Норманская 2015 *Норманская Ю. В.* Система разноместного ударения в мансийском глаголе и ее внешние соответствия. Часть II. Юкондинский диалект мансийского языка // Урало-алтайские исследования. 2015. № 3 (18). С. 88–102.
- ОчСЯ 1980 *Кузнецова А. И., Хелимский Е. А., Грушкина Е. В.* Очерки по селькупскому языку: Тазовский диалект. М., 1980.
- Попова 1966 *Попова Я. Н.* Заметки о системе вокализма ямальского диалекта ненецкого языка // Вопросы языка и литературы. 1966. Вып. 1. Ч. 2. С. 47–58.
- Попова 1978 *Попова Я. Н.* Ненецко-русский словарь: Лесное наречие. Szeged, 1978. (= Studia Uralo-Altaica. 1978. 12).
- Серебренников, Ермушкин, Майтинская 1989 *Серебренников Б. А., Ермушкин Г. И., Майтинская К. Е.* Финно-волжская общность. М., 1989.
- Терещенко 1965 Терещенко Н. М. Ненецко-русский словарь. М., 1965.
- Терещенко 1993 *Терещенко Н. М.* Нганасанский язык // Языки мира. М., 1993. С. 349—356.
- Феоктистов 1993 *Феоктистов А. П.* Мокшанский язык // Языки мира. М., 1993. С. 178—190.
- Bereczki Bereczki G. Grundzüge der tscheremissischen Sprachgeschichte. I–II // Studia Uralo-Altaica. 1992–1994. 34–35.
- Hajdú 1966 Hajdú P. Bevezetés az uráli nyelvtudományba. Budapest, 1966.
- Itkonen 1955 *Itkonen E.* Über die Betonungsverhältnisse in den finnisch-ugrischen Sprachen. // Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae. 1955. Vol. 5. Pp. 21–34.

- Lehtisalo 1956 *Lehtisalo T.* Juraksamojedisches Wörterbuch. Helsinki, 1956. (= Lexica Societatis Fenno-Ugricae. XIII).
- Munkácsi 1894 *Munkácsi B.* A Vogul nyelvjárások szóragozásukban ismertetve. Budapest, 1894.
- Munkácsi, Kálmán 1986 Wogulisches Wörterbuch / Gesammelt von *Munkácsi B.* Geordnet, bearb. und hrsg. von *Kálmán B*. Budapest, 1986.
- Raun 1974 Raun A. On Stress and Length in Proto-Finno-Ugric // Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae. 1974. Vol. 24. No. 1/4. Pp. 303–306.
- Rédei 1968 *Rédei K.* A permi nyelvek első szótagi magánhangzóinak a törtenétéhez // NyK. 1968. Bd. LXX. S. 35–45.
- Salminen 1997 Salminen T. Tundra Nenets Inflection. Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 227. Helsinki, 1997.
- Salminen 2007 *Salminen T.* Notes on Forest Nenets Phonology // Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia = Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 253. Helsinki, 2007. Pp. 349–372.
- Salminen 2012 Salminen T. Traces of Proto-Samoyed Vowel Contrasts in Nenets // Per Urales ad Orientem: Iter polyphonicum multilingue. Festkrift tillägnad Juha Janhunen på hans sextioårsdag den 12 februari 2012. Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia 264. Helsinki, 2012. S. 339–358.
- Szinnyei 1922 Szinnyei J. Finnisch-ugrische Sprachwissenschaft. Berlin Leipzig, 1922.

Summary

Julia Normanskaja

Phonologically Significant Paradigmatic Stress in the Uralic Languages

Since 2009, as a result of our field and archive work, we have found the paradigmatic stress in the following 13 dialects of the Uralic languages: 1) Livvi-Karelian, 2) Erzya, 3) Permic Mari, 4) Northern Komi-Permyak, 5) Izhemsky Komi-Zyrian, 6) Nizyam Khanty, 7) Irtysh Khanty, 8) Salym Khanty, 9) Yukonda Mansi, 10) Ob Mansi, 11) southern dialects of Selkup, 12) central dialects of Selkup and 13) Tundra Nenets. The paper presents examples of such systems and describes differences of their structure in the Uralic languages.

Праалтайский и ностратический: изменения в реконструкции консонантизма

1. С самого начала ностратическая реконструкция была в значительной степени зависима от алтайской. В. М. Иллич-Свитыч ([Иллич-Свитыч 1963], [Иллич-Свитыч 1965], [ОСНЯ: I, XIII–XIV]) ввел в классическую алтайскую реконструкцию три ларингальных ряда смычных, так что она в этом плане стала изоморфна индоевропейской, картвельской и афразийской, обнаруживая при этом регулярные соответствия с ними.

ПИЕ	Алт.	Картв.	ПАА
*T	*T'	*Ţ	* Ţ
*D	*T	*T	*T
*DH	*D	*D	*D

Собственно говоря, устойчивость соответствий внутри триады смычных явилась основным аргументом в доказательстве ностратической гипотезы. Триада в праалтайском значительно укрепила его, так как объем реконструированного пракартвельского корнеслова невелик, а праафразийский корнеслов на тот момент не был еще представлен ни в какой обобщающей реконструкции. Более того, впоследствии в работе [Starostin 1989] (см. также [Starostin 1999]) было принято решение (на основании лексикостатистических аргументов) вывести афразийскую семью из состава ностратической, предположив для афразийской статус макросемьи. В дальнейшем, опять же на лексикостатистических основаниях, неоднократно пересматривались отношения между афразийской, синокавказской и ностратической макросемьями; аргументация в пользу более близких отношений между какими-либо двумя из них на основе компаративистской процедуры не разрабатывалась. Если исключать афразийский материал из ностратической реконструкции, то реконструкция триады смычных опирается на индоевропейско-картвельско-алтайские ряды соответствий.

- 2. Изменения в алтайской реконструкции, в основном сделанные в рамках работы группы Алтайского словаря (см. [EDAL]), повлекли изменения в ностратической реконструкции. В первую очередь это касается реконструкции консонантизма.
- **2.1.** Удалось укрепить реконструкцию тройного ларингального противопоставления взрывных для праалтайского. Подтверждение Свитычевской реконструкции Алт. начальных придыхательных велярного и губного на

70 А. В. Дыбо

значительном материале было получено В. И. Цинциус [Цинциус 1984]. Произошло развитие Свитычевской реконструкции Алт. начальной тройки дентальных — уточнение позиций соответствий, в том числе выявление позиции вторичного озвончения / ослабления Алт. *t'- в пратюркском (или, скорее, в праобщетюркском — без булгарского) перед следующим звонким шумным ([Дыбо 1991], [Дыбо 2005]). Были получены реконструкция тройного противопоставления велярных в интервокальной позиции в ПТМ и Алт. ([Дыбо 1990], [ЕDAL: 67–70])¹; реконструкция интервокального непридыхательного зубного в Алт. ([АПиПЯЯ: 15–16]); реконструкция начальной и интервокальной непридыхательной аффрикаты в Алт. ([АПиПЯЯ: 13–14]).

Все эти реконструкции подробно рассмотрены в предисловии к [EDAL] и частично модифицировались в последующих работах группы. Кроме того, к соответствиям добавился японский и корейский материал, который, впрочем, играет в основном вспомогательную роль: внутренняя историческая фонетика и морфонология обеих групп, как мы уже упоминали, достаточно сложна и не вполне изучена.

¹ К настоящему времени мы придерживаемся реконструкции праалтайских интервокальных придыхательного и непридыхательного k, слегка отличающейся и от предложенной в [Дыбо 1990], и от предложенной в [EDAL]; а именно, мы опираемся прежде всего на данные монгольского и ТМ языков. Данные корейского языка, историческая фонетика и историческая морфонология которого (по предварительным наблюдениям, достаточно сложная) к настоящему времени недостаточно изучены, кажутся в своем нынешнем виде не слишком надежными и используются только вспомогательно. В монгольском при наличии варьирования k/g в трех северных языках (в халха, калмыцком и бурятском, в которых не наблюдается интервокальных озвончений) основным считается звонкий рефлекс; кроме того, поскольку из 15 случаев в [EDAL], когда монгольский рефлекс алтайского слова демонстрирует -д конечнослоговое (автоматическое по синхронным правилам), в 14 случаях имеется ТМ соответствие, надежно демонстрирующее *k, а не *x, мы считаем такой монгольский рефлекс релевантным для определения непридыхательного прототипа в праалтайском (соответственно, считаем, что праалтайская непридыхательность в сочетании с еще каким-то фонетическим условием обусловила падение второго гласного основы в монгольском). Что касается ТМ рефлексов, то, во-первых, не считаются релевантными конечные *k односложных неизменяемых слов (поскольку конечное *х в такой позиции не встречается), во-вторых, мы принимаем предложенное в [EDAL] распределение, по которому Алт. придыхательный дает в TM рефлекс *k перед праалтайскими гласными второго слога *a, *e(10 надежных монгольско-тунгусо-маньчжурских соответствий), *х перед праалтайскими гласными второго слога *i, *u, *o (11 надежных монгольско-тунгусо-маньчжурских соответствий; один противоречащий пример ТМ *к перед Алт. *и). Итак, теперь оппозиция Алт. придыхательного и непридыхательного велярных в интервокальной позиции выглядит так: Алт. *-k'- > ПМонг. *-k-, ТМ *-x-/*-k-, ПКор. *-k-, *-(C)h-; Алт. *-k- > ПМонг. *-g-, ТМ *-k-, ПКор. *-0-, *-k-, *-h-.

Таким образом, в реконструкции алтайских взрывных произошли следующие изменения.

Алт. система взрывных по В. М. Иллич-Свитычу ([ОСНЯ: I, 168–169]):

ПА	ПТю	ПМо	ПТМ
*p'-	*h - > 0	*h-	*p-
*p'- *p- *-p-	*b-	*h-	*p-
*-p-	*-p-	*-h-, *-b-	*-p-
*b-	*b-	*b-	*b-
*-b-	*-b-	*-b-	*-b-
*t'-	*t-	*t-	*t-
*-b- *t'- *t-	*d-	*d-	*d-
*-t-	*-t-	*-t-	*-t-
*d-	*j-	*d-	*d-
*-d-	*-d-	*-d-	*-d-
*k'-	*k-	*k-	*x-
*k-	*g-	*k-	*k-
*-k-	*g- *-k-	*-k-	*-k-
*g-	*k-	*g- *-g-	*g- *-g-
*-g-	*-g-	*-g-	*-g-
*č-	*k- *-g- *č-	*č-	*č-
*-č-	*-č-	*-č-	*-č-
* <u>*</u> -	*j-	* ǯ -	* ǯ -
*-k- *g- *-g- *č- *-č- *	*-j-	*ǯ- *-ǯ-	* <u>*</u> - <u>*</u> - <u>*</u> - <u>*</u> - <u>*</u> -

Алт. система взрывных по EDAL ([EDAL: 24-25]):

ПА	ПТю	ПМо	ПТМ
*p'-	h - 0	*h-	*p-
*-p'-	-p-	*-h-, *-b-	-p-
*p-	*b-	*h-, *b-	*p-
*-p-	*-b- (AD *-p-) ²	*-b-	*-b-
*b-	*b-	*b-	*b-
*-b-	*-b-	*-h-, *-b-	*-b-
*t'-	*t-	*t-	*t-
*-t'-	*-t-	*-t-	*-t-

 $^{^{2}}$ [Дыбо ДД 1991: 112-113].

	1		1
*t-	*d-	*d-	*d-
*-t-	*-t-	*-d-	*-t-
*d-	*j-	*d-	*d-
*-d-	*-d-	*-d-	*-d-
*k'-	*k-	*k-	*x-
*k'- *-k'-	*-k-	*-k-	*-X-
*k-	*g-	*k-	*k-
*-k-	*-k-	*-g-	*-k-
*k- *-k- *g- *-g- *č'- *-č'-	*g-	*g-	*g- *-g-
*-g-	*-g-	*-h-	*-g-
*č'-	*-g- *č-	*č-	*č-
*-č'-	*-č-	*-č-	*-č-
*č-	*d-	*d-	*3-
*-č-	*-č-	*-č-	*-S-
* <u>*</u> -	*j-	*ǯ-	* ǯ -
*č- *-č- * <u>*</u> - * <u>*</u> -	*-j-	*- <u>š</u> -	*-ǯ-

2.2. В результате уточнения (и увеличения) корпуса праалтайских основ и возможности более отработанных фонетических реконструкций для них был предположен четвертый тип соответствий ностратических взрывных ([Старостин 2002]; ряд, который условно восстанавливается как лабиализованный):

ПИЕ	Алт.	Картв.
*D	*T'	*D

и, возможно, пятый ряд, также лабиализованный ([Старостин 2005]):

Нострати- ческий	Индоевропей- ский	Алтайский	Картвельский	Дравидийский
*ķ-, *ţ-	*k-, *t-	*k'-, *t'-	*ķ-, *ţ-	*k-, *t-
*k-, *t-	*g-, *d-	*k-, *t-	*k-, *t-	*k-, *t-
*g-, *d-	*gh-, *dh-	*g-, *d-	*g-, *d-	*g-, *d-
(?) *k ^w -, *t ^w -	*g(")-, *d(")-	*k'-, *t'-	*g-, *d-	*k-, *t-
(?) *g ^w -, *d ^w -	*g(")-, *d(")-	*k-, *t-	?	*g-, *d-

Приводим случаи непарных сопоставлений с надежным подтверждением алтайского рефлекса (из [Старостин 2000]):

- 1. Картв. *dwire (бревно, брус) (груз. dire, др.-груз. dwire, диал. dwiro, diro, мегр. dəre, сван. dīr); Алт. *t'ór(g)e (балка, опора) (тунг. *turga-, кор. *tòrí, яп. *túrí-(n)kঠi); ПИЕ *der $\underline{u}$ (дерево).
- 2. Картв. *gora (горка, холм) (груз. gora-, (?) мегр. gola-, gwala-, лаз. gola-); Алт. *k 'ori (холм; насыпь, межа) (тюрк. *Korum, монг. *kür, тунг. *xurē, кор. *kòráŋ, яп. *kùrùâ); ПИЕ *gwer- (гора) [WP: I, 682].
- 3. Картв. *gz(a)- (дорога) (груз. gza; gz-av- (посылать), мегр. za (o-rz-ol-(Wegzehrung)), сван. z- (идти, уходить), лаз. gza; gz-al- (идти, путешествовать); Алт. *k'oǯa (сторона, направление) (монг. *kaǯiyu, тунг. *xoǯa-n, кор. *kằč-, яп. *kátà); (?) ПИЕ *geus- (угол) [WP: I, 558].
- 4. Картв. *wed- (желать, просить) (груз. ved-, ved-r-, сван. wad, wd-); Алт. *ot 'e (звук, звучать) (тюрк. *öt-, монг. *öči-, яп. *àtá); ПИЕ *ued- (звучать, говорить) [WP: I, 251–252].

2.3. Изменилась реконструкция фрикативных и аффрикат. Перестройка алтайской реконструкции сибилянтов:

Алтайские сибилянты по Иллич-Свитычу ([ОСНЯ: I, 168–169]):

ПА	ПТю	ПМо	ПТМ
*s	*s	*s	*s
*S1	*š	*s	*š

Отметим, что реконструкция Алт. $*s_I$ у Иллич-Свитыча базировалась на ошибочном сопоставлении: ПТю $*\check{s}$, то есть чувашское $\check{s}$ при общетюркском *s, и ПТМ $*\check{s}$, т. е. маньчжурское $\check{s}$ при тунгусском *s. В действительности в чувашском $s > \check{s}$ автоматически перед *i, *i и пратюркскими восходящими дифтонгами (см. [Мудрак 1988]; *ia был реконструирован еще в [Владимирцов, Поппе 1924], о других дифтонгах см. [СИГТЯ 2006: 211–223], [Дыбо 2007: 59–62]). Маньчжурское развитие $s > \check{s}$ также автоматическое перед ПТМ *ia и *i, которые в маньчжурском в ряде случаев дают другие гласные с палатализацией предшествующего согласного в силу процесса перелома гласных ^{3} .

 $^{^{3}}$ См., например, [Цинциус 1949: 108, 191–194]; пропущено в [Benzing 1956: 41–42].

74

Алтайские сибилянты по [Е]

ПА	ПТю	ПМо	ПТМ	ПЯп	ПКор
*s-	*s-	*s-	*s-	*s-	*s-, h-
*s	*s	*s	*s	*s	*s
*z-	*j-	*s-	*s-	*s-	*s-
*š-	*s-/*č[*A]	*s-/*č[*A]	*š-	*s-	*s-
*š	*s	*s	*š	*s	*s

Реконструкция ностратических сибилянтов по Иллич-Свитычу ([ОСНЯ: I, 150]):

Ностр.	Семхам.	Картв. ⁴	ИЕ	Ур.	Драв.	Алт.
S	š	S	S	ś	c	S
ś	š	ś	S	S	С	s_1
š	š	š	S	š	С	s_1
Z-	š	Z	S	S	c	ž

Позже уточнением сибилянтной реконструкции занимался А. Б. Долгопольский, в основном на материале афразийских языков; промежуточные результаты его работы опубликованы, например, в [Долгопольский 1970] и [Долгопольский 1972]. Последняя версия его реконструкции представлена в [Dolgopolsky 1998: 103–104]⁵.

Реконструкция ностратических сибилянтов по [Dolgopolsky 1998]:

Ностр.	Семхам.	Картв.	ИЕ	Ур.	Драв.	Алт.
S	š	ś	S	S	c	S
ś	š	S	S	ś	c	S
š	š	š	S	š	c	S
Z	Z	ź	Н	S	c	Z
-Z-	Z	ź	?H	S	?	?
ź	Z	Z	Н	ś	c	Z
-ź-	Z	Z	Н	ś	c	ž

⁴ Картв. ś (или s_1) — это соответствие груз. s — сван. š.

⁵ Таблица упрощена: А. Б. Долгопольский не признавал алтайского родства, и в его таблице три отдельных колонки для тюркского, монгольского и тунгусо-маньчжурского рефлексов, которые здесь проинтерпретированы в рамках алтайской реконструкции EDAL.

В статье [Dybo 2005] я попыталась пересмотреть эту реконструкцию, учитывая уточненную реконструкцию праалтайского (включающую реконструкцию восходящих дифтонгов), и получила следующие ряды соответствий.

Реконструкция ност	ратических сибилянтов	по [Dybo 2005]:

Ностр.	Картв.	ИЕ	Ур.	Драв.	Алт.
S	S	S	ś	S	S
SW	s(w)	s(u)	ś	S	š
ś	ś	S	S	ś	s(i)
św	ś(w)	s(u)	S	S	š(i)
š	š	S	š	С	S
šw	š(w)	s(u)	š	S	š
Z-	Z	S	ś	[z]	z/ǯ
-Z-	Z	S	ś	[z]	ž
ź	ź	S	S	[ź]	z/ǯ (i)
-ź-	ź	S	S	[ź]	- Š
ZW	z(w)	s(ŭ)	ś	[z]	š
źw	ź(w)	s(u)	S	[ź]	š(i)
ž	Z	S	š	s?	Z
žw	z, ž	s(u)	š	?	ž

Оказалось, что алтайские основы, соответствующие ностратическим основам на *s- по Иллич-Свитычу (т. е. картв. *s — ур. *s), в большинстве содержат в первом слоге недифтонгический гласный, а соответствующие ностратическим основам на *s- по Иллич-Свитычу (т. е. картв. $*s_1$ — ур. *s) содержат в первом слоге праалтайский дифтонг, например ^{6} :

- a) 1. Hoctp. *sängA- 'fringe, thread': Алт. *seŋa 'fringe, hair lock' [EDAL: 1231]; Ур. *śäŋe 'Haar, Haarflechte' (ФУ); [UEW: 471]; ИЕ *snēi- 'to spin, to twist a thread' [WP: II, 694].
- 2. Ностр. *sVHpV 'pole, fence': Алт. *sap'i 'stick, pole' [EDAL: 1211–1212]; Ур. (ФУ) *śappV 'Pfahl, Stange' [UEW: 885]; (?) Картв. *sxep- / *sxip- 'to lop off branches' [EWK: 307]; ИЕ *saip- (*saip-) 'fence, to fence' [WP: II, 445]. [ND: 2182].
  - 3. Ностр. *siwV 'smear': Алт. *siba 'clay, to smear' [EDAL: 1265]; Ур. *śawe

⁶ Полную подборку предположительных случаев на соответствия праалтайского ностратическим сибилянтам и звонким аффрикатам см. в [Dybo 2005]; здесь приведены отдельные иллюстративные примеры.

[UEW: 468] (или *sojwa [UEW: 483]) 'Ton, Lehm'; Картв. *sw- 'to pass over with the hand, to smear' [ЭСКЯ: 163]; [МССНЯ: 348].

- б) 1. Ностр. *\$\sum V\$ 'moisture': Алт. *\$siomi 'wet snow, hoar-frost' [EDAL: 1279]; Ур. (ФВ) *\$sume 'Nebel' [UEW: 767]\sigma; Kaptb. *\$\sim 'damp, liquid (n.)' [EWK: 317]\sigma; Драв. (южн.) *\$Sim- 'moisture; cold' [DEDR: 2539].
- 2. Hoctp. *ś(w)Uq-: Алт. *siu[k]i 'pheasant' [EDAL: 1289]; Ур. *sOkćV 'Auerhahn; Tetrao urogallus' (*s- сохраняется в мордовском; ассимиляция в *ś-ć в саамском и в *ć-ć в коми) [UEW: 780]; (?) Картв. *ćqar- 'quail' (ассимиляция, < *śqar-?) [ЭСКЯ: 252–253], [EWK: 533–534].
- 3. Ностр. *śarV 'to break, demolish': Алт. *s(i)aru 'to be worn out, torn' [EDAL: 1217]; Ур. *särV 'brechen' [UEW: 756]; Картв. *śar- / *śr- 'to destroy' [ЭСКЯ: 177–178], [EWK: 311–312]. [Bomhard 1996: 163].

Редкие случаи с дифтонгом в алтайском при ностр. *s- — это те же случаи, где происхождение дифтонга в праалтайском может объясняться стяжением комбинации глайдов и гласных в ностратической праформе:

Hoctp. *sVjwV 'sew, pierce': Aπτ. *siabi 'to sew, perforate, awl' [EDAL: 1262]; Ур. (ΦΠ) *siujV 'hineinstecken, strecken' [UEW: 777], Kaptb. *sw-'to plant, insert' [EWK: 298–299]; ИЕ *siu-(*siHu-) 'to sew' [WP: II, 514].

В неначальной позиции алтайская реконструкция не содержит дифтонгов и, соответственно, не различает рефлексов ностр. *s и *ś.

Hостр. -*s-:

- 1. Ностр. *kewsV 'to exhale': Алт. *k'iuso 'to vomit' [EDAL: 830]; (?) Ур. (ФУ) *kićnä- 'niesen' (вторично из *kiśnä-?) [UEW: 662]; Картв. *kwes- / kus- 'to moan, sigh' [ЭСКЯ: 117–118]; Драв. *guS- 'to whisper' [DEDR: 1638]; ИЕ *kues- 'to pant, to sob' [WP: I, 474].
  - 2. (?) Hoctp. *PVsV 'be worn out, naked': Алт. *p'iusa 'to take off, scrape off'

⁷ Предположение в Nostret.dbf о связи Ур. корня с Алт. *samu 'tar, soot, fumigation' [EDAL: 1208] неверно, поскольку самого этого алтайского корня, скорее всего, не существует: тюрк. *samala 'tar' — древнерусское заимствование, ТМ *samŋī- 'fumigation, to fumigate' — производное от ТМ *saŋ-n'an 'smoke' (< *saŋ-mī-; фонетически ср. рефлексы ТМ *n'aŋ-n'a 'clear sky' и *n'aŋ-ma- (> *n'amŋa-) 'to become clear (of sky); to appear (of hoar-frost)' [ССТМЯ: I, 632, 633]; о ТМ суффиксе -mī- см. [Василевич 773], [Вепzing 1956: 117, 121]). ПЯп. *sumi 'charcoal, ink', скорее, связано с Алт. *siumi (в таком случае *siumu) 'dark, obscure' [EDAL: 1290] (фонетические проблемы здесь устраняются с устранением тюркского *siim 'dark', представленного чувашским sə"m 'darkness', которое довольно очевидно заимствовано из марийского šim, šem 'dark, black', восходящего к Ур. *simV'dark').

 $^{^8}$ Вопреки Nostret.dbf, по семантическим причинам не должно связываться с Hoctp. $\mbox{*swem}[H]\mbox{$V$}$ to swallow'.

- [EDAL: 1163]; Yp. *puśV 'Fetzen; sich zerfetzen, sich fasern' [UEW: 409]; WE *bhos- 'bare, barefooted' [WP: II, 189], [ND: 260].
- 3. Hoctp. *mUsV 'smile': Алт. *miusu 'to smile' [EDAL: 937]; Ур. *muśV 'lä-cheln' [UEW: 872]; Драв. *mus- 'to smile' [DEDR: 4904].
- 4. Ностр. *mAsxV 'a k. of fruit': Алт. *mesV 'wild apple, grape' [EDAL: 915]; Картв. *msxal- 'pear' [ЭСКЯ: 137], [EWK: 244–245]; ИЕ *(a)masl- 'apple' [Старостин 1988: 126].
- 5. Hoctp. *pVjsV 'handle (? < root)': Алт. *pesa 'handle, stem' [EDAL: 1086]; Ур. *pEjśV 'Axt, Beil' [UEW: 416] (там *pEjćV, но ср. другие рефлексы в *wajće 'eine Art Ente'); Картв. *pasw- 'root' [ЭСКЯ: 187], [ЕWК 350]; (??) Драв. *vaǯ- 'an edible root (Acorus calamus)' [DEDR: 5213], [ОСНЯ: III, 77–78], [ND: 1656; 1806].

Ностр. -*ś-:

- 1. Ностр. */g]UśV-: Алт. *gusa 'elder male relative' [EDAL: 575]; Ур. *koska 'eine ältere Verwandte: Grossmutter, Tante, ältere Schwester' [UEW: 189]; Картв. *kwiś- 'brother-in-law (свояк)' [ЭСКЯ: 198], [EWK: 377–378].
- 2. ? Hoctp. *Haśe 'to burn': Алт. *ase 'to catch fire; hot' [EDAL: 316]; Ур. *äsV 'heizen; sehr heiss, sehr warm sein' [UEW: 27]; Картв. сван. -V:šw-'to ignite'; Драв. *es- 'to shine' [DEDR: 778]; ИЕ *Has- 'to burn, to dry; hearth; ashes' [Tischler 1977–1994: 196–197], [Adams 1999: 57–58], [WH: I, 65], [OCHЯ: I, 262–263], [MCCHЯ: 352], [ND: 87].
- 3.? Hoctp. *kVHśV 'nut, acorn': Алт. *k'usa 'opex, желудь' [EDAL: 857]⁹; Ур. *kowse 'Fichte' [UEW: 222] (Sammalahti: *kaxsi); ИЕ *kos-al- 'nut' [WP: I, 464], [Дыбо 1989 (1986)].
- 4. Hoctp. *qiśV 'to take care of, honour': Алт. *ēs[i] 'to take care of' [EDAL: 521]; Ур. *eskV 'believe' [UEW: 76]; Картв. *qś- 'to remember' [ЭСКЯ: 267], [EWK: 568]; ИЕ *ais-, *aiz-d- 'to honour, to revere; respect' [WP: I, 13].
- 5. Ностр. *kaśkV 'armpit, groin': Алт. *k'āsa(-kV) 'place between limbs' [EDAL: 769]; Ур. (ФП) *kaska 'Kreuz (des Körpers), Mitte des Körpers'

⁹ Из этимологии EDAL исключается монг. *kusi 'кедр, можжевельник', которое вводится в этимологию: Алт. *kuša 'высокое дерево, приносящее съедобные орехи', ПТМ *koši-kta 'маньчжурский орех — дерево', Праяпон. *kasi 'Quercus acuta Thunb. (вид дуба, похожий на монгольский дуб)'. Ранее входившее в эту последнюю монг. qusiya(n) 'грецкий (т.е. маньчжурский — грецкий орех на этих территориях неизвестен — А.Д.) орех — плод' скорее является заимствованием из маньчж. хизіха 'горный грецкий орех (дерево); сам же плод называется хувалама усиха' (букв. двойной желудь) [Захаров: 437] — рефлекса ПТМ *koši-kta. См. [Дыбо 2006].

[UEW: 648]; ИЕ *koks- 'bosom, armpit' [WP: I, 456]. [ОСНЯ: I, 344].

Как и утверждал в своей книге А. Б. Долгопольский [Dolgopolsky 1998], Алт. **š не находит особого прототипа в существующей реконструкции ПНостр. А именно, Алт. **š соответствует всем трем типам ностр. сибилянтов, и более того, в случае соответствия Ностр. **ś за ним следует Алт. дифтонг. Таким образом, возможно, что здесь мы имеем дело с рефлексами особого сибилянтного ряда, и, отталкиваясь от последних инноваций в реконструкции ностратических консонантных рядов, я предположила здесь ряд лабиализованных сибилянтов¹⁰.

Алт. *š, Hостр. *sw:

1. Ностр. *swxejpV 'to sweep': Алт. *šip'V 'to sweep' [EDAL: 1329]; Ур. *sejpä 'Schwanz (nicht bei Vögeln)' [UEW: 438]; Картв. *sxwep- 'to make a swift movement' [ЭСКЯ: 166], [EWK: 307–308]; Драв. *seip- 'broom; to sweep' [DEDR: 2599]; ИЕ *suepp-, *sueip- 'to sweep, to throw' ([WP: II, 524], [Pok.: 1042]). [МССНЯ: 348].

Алт. *š, Hостр. *św:

1. Ностр. *śwOlV 'juice': Алт. *ši $\bar{o}$ li 'juice in meat, bouillon'; Ур. (?) (ФП) *sülV 'fat, bouillon' [UEW: 758]; Картв. *śwel- 'wet, to be wet' [ЭСКЯ: 174]; Драв. *Sal- 'buttermilk' [DEDR: 2411]; ИЕ *s $\bar{u}$ l- 'thick liquid' [WP: II, 468]. [МССНЯ: 333], [ND: 2055].

Алт. *š, Ностр. *šw:

1. Ностр. *šwerV- 'to dry': Алт. *šero 'to bake, boil' [EDAL: 1326]; Ур. *šorwa- 'trocknen, trocknen werden' [UEW: 502]; Картв. *šwer- / šwr- 'to be dry' [ЭСКЯ: 216], [EWK: 428]; Драв. (южн.) *Ser- 'fertile; to flourish' [DEDR: 2789]; (?) ИЕ *suer- 'to discharge pus (ab. wound)' [WP: II, 529]. [МССНЯ: 366–367].

Ср. Алт. *s, Ностр. *š:

1. Ностр. *šewHV 'to let, agree': Алт. *sēbe 'to love, have fun' [EDAL: 1221]; Ур. *š/čewV > финн. hevi 'easily, with pleasure'; Картв. *šw- 'to let go, to leave' [ЭСКЯ: 214–215], [ЕWК: 425]; ИЕ *seuə- 'to let' [WP: II, 472]. [МССНЯ: 358], [Этимология 1968: 240–241].

¹⁰ Не вполне ясно, как лабиализованные сибилянты отражаются в ИЕ и картвельском; в части случаев это Sw-, в части — S-. Впрочем, то же самое наблюдается и в других «лабиализованных» рядах. Проблема нуждается в дополнительном исследовании.

Неначальная позиция:

- 1. Ностр. *bišU 'bile': Алт. *busi 'kidney' [EDAL: 387]; Ур. piša 'Galle > grün; gelb' [UEW: 384]; Драв. *pic- (?) 'mad; bile' [DEDR: 4142]; ИЕ *bis-(t)lV 'bile' [Pok.: 102]. [МССНЯ: 340].
- 2. Hoctp. *mešu(kV) 'knot, tie': Алт. *miusu 'to bind, strand' [EDAL: 937]; Ур. (ФВ) *muška 'Knollen, Knoten, Beule' [UEW: 705]; ИЕ *mezg*- 'to knot, to make a loop' [WP: II, 301].
- 3. ? Hoctp. *wejšV 'grow': Алт. *iuse 'to grow, sprout' [EDAL: 623]; (?) Ур. (ФП) wiša 'grün, gelb'¹¹ [UEW: 823]; (?) груз. vežan- 'dove-coloured, gray'; ИЕ *ueis- 'to sprout' > 'green' [WP: I, 242]. [МССНЯ: 359].
- 4. ? Hoctp. * $\dot{p}V\check{s}V$ 'to rub, crumble': Алт. *p 'isi(KV) 'to break, cleave, peck' [EDAL: 1145]; Картв. * $p\check{s}w$ -en- / $p\check{s}wn$ 'to mince, crumble' [EWK: 366]; Драв. * $p\bar{u}[c]$ 'to smear, rub' [DEDR: 4352]; ИЕ хетт. pes- 'rub, scrub' [ND: 1816].

Рефлексы звонких сибилянтов встречаются существенно реже, но в принципе похожи на рефлексы глухих (с некоторыми дополнительными распределениями). Простой *z-, вопреки [Dolgopolsky 1998], дает не только Алт. *z-, но и «интервокальный» рефлекс *ǯ, которые распределены фонетически:

Алт. *z, Hoctp. * z^{12} : / [(Resonant +) Stop]:

1. Ностр. *zakU-(ti) 'to plait, smth. plaited': Алт. *zakt'i 'cushion, mat' [EDAL: 1507]; Ур. (ФУ) *śäktV- 'flechten, flicken (z.B. Netz)' [UEW: 470]; Картв. *skw- 'to tie (lace, etc.)' [ЭСКЯ: 164], [EWK: 302–303] (ассимиляция из *zkw-); (?) ИЕ *suk- 'to spin, to twist, to turn' [Фасмер 3: 635]. [ND: 2031; 2663].

Алт. *ў, Ностр. *z:

/_[Resonant]:

1. Ностр. *zalU- 'to bind': Алт. *žalo 'to fasten, bind, hang' [EDAL: 1526]; ? Ур. *śalV 'Band' [UEW: 461]¹³; Картв. *zalw- 'fetters, trap' [Фенрих 1980: 179].

2. Ностр. *zum- 'to get uptight': Алт. *žūmo 'to think of, remember'

 $^{^{11}}$ Следует отделять от (ФУ) *wiša 'gift', которое очевидным образом заимствовано из индоиранского.

¹² Другая возможность — восстанавливать здесь две праязыковые единицы, *z и *zw; конечно, материал не столь велик, чтобы вызывать уверенность в распределении.

¹³ Вопреки предположению Редеи, исключается реконструкция *š, поскольку марийское *kit-šol* 'Armband, Armring' явно содержит чувашское заимствование *solъ* 'wrist, bracelet' < тюрк., см. [EDAL: 1227].

[EDAL: 1554]; Ур. (ФУ) *śomV-rV 'Kummer, Trauer; (?) traurig sein' [UEW: 485]; Картв. *zm- 'to dream' [ЭСКЯ: 88], [EWK 145–146]; Драв. ?*zōmb-'drowsy, lazy, idle; swoon' [DEDR: 2882]; ИЕ *(s)mer- 'to fall to thinking, to remember, to take care' [WP: II, 689]. [ND: 2692, 2693].

Алт. *z, Hостр. * $\acute{z}$: / [(Resonant +) Stop]:

1. Ностр. * $\acute{z}esV$ 'to destroy': Алт. * $\acute{z}i\ddot{a}su$ 'disorder, devastation' [EDAL: 1518]; Ур. (ФП) * $\ddot{s}\ddot{a}\acute{s}V$ 'reissen, aus-, herausziehen' [UEW: 757] (метатеза); Картв. * $\acute{z}e\acute{z}$ - 'to pound, thwack' [EWK: 151] (ассимиляция).

Алт. * $\check{z}$, Hостр. * $\acute{z}$: / [Resonant]:

1. Ностр. *źarV 'to hate, be annoyed': Алт. *ǯ(i)ari 'to be annoyed, disgusted' [EDAL: 1535] (там *ǯēri, но ПТМ *ǯēri- 'to boast' [ССТМЯ: I, 285] следует заменить на ПТМ *ǯar-ga- 'to tease, to offend', *ǯar-ul- 'to bore, to tire', *ǯar-un 'disgusting' [ССТМЯ: I, 252, 253]); Картв. *źar- 'to have enough; to be scared; to be unpleasant' [ЕWК: 149]; Драв. (?) Драв. (южн.) *Sūr- 'fear; disgust' [DEDR: 2725]. [ND: 2677, 2682].

Алт. *š, Ностр. *zw, *źw:

- 1. Hoctp. *zwVnkV 'to bend': Алт. *šoŋe 'deep, hollow' [EDAL: 1343]; Ур. *śiŋe 'Biegung, Krümmung; door post' [UEW: 480]; Картв. груз. znek- / znik-'bend, curve'; ИЕ *sueng- 'to surround, to twist, to bend' [WP: II, 526]. [ND: 2746].
- 2. Ностр. *źwUpV 'to suck': Алт. *šiup'u 'to suck, hold in mouth' [EDAL: 1340]; Картв. (?) сван. *zweb* 'eat' [EWK: 507–508]; Драв. **c/sub* 'to suck' [DEDR: 2621]; ИЕ *sūp- (*suap-?) 'to gulp; broth, soup' [WP: II, 468].

Алт. *z, Ностр. *ž:

1. ? Hoctp. *žejŋV 'new, good': Алт. *zejna 'new' [EDAL: 1510]; Ур. (ФУ) *šeŋä 'gut, gesund; (?) gerade' [UEW: 499].

Алт. *ў, Ностр. *žw:

1. Ностр. *žwVpV 'evening, sleep': Алт. *žip'u 'evening, darkness' [EDAL: 1538]; Ур. (ФП) *šoprV 'to dream, to day-dream': фин. houra- 'be delirious, be wandering (in one's mind)', hoprentia id., эст. houri- 'speak thoughtlessly', коми

šobr3dli- 'to appear in one's phantasy/dream' [Лыткин, Гуляев 1970: 320], рефлексы соотносятся так же, как в (ФП) *kopra 'Faust, eine Handvoll' > фин. koura, kopra (диал.) 'Faust, Hand, eine Handvoll', коми gabjr, kabjr 'hohle Hand, Faust' [UEW: 183]; ИЕ *suepə- 'to sleep' [WP: II, 523]; [cp. ND: 2693].

Неначальная позиция:

1. Ностр. *bažV 'ripen': Алт. монг. baǯaɣa- 'prepare, get ready, purvey'; Ур. (ФП) *paše 'braten, backen, rösten' [UEW: 725]; картв. груз. baz- 'ripen'; Драв. *pās- 'to rot; stale' [DEDR: 3826, 4057]. [ND 280] (без дравидийского).

2.4. Рефлексы звонких аффрикат дают приблизители	но такук	систему:
--	----------	----------

Ностр.	Картв.	ИЕ	Ур.	Драв.	Алт.
á-	ź	(s)	ć/ś	[3]	z(i)
źw-	ζ́(w)	S	ć/ś	[3]	ǯ(i)
-ź-	ź	st	[(N)ś]	š ?	ž
-źw-	- ć(w)-	-S-	-č-	С	ž
3-	3	S	S	?	ž
-3-	3	S	ć	С	ž
š -	ǯ -	st	č	š ?	ž
- ǯ -	- š -	st	č	š ?	ž
-ǯw-	-č(w)-	-S-	č	С	ž

Алт. *z, Ностр. *ź:

- 1. Ностр. *ʒiχU 'fence, building': Алт. *zik'u 'village' [EDAL: 1317]; Ур. *ćokV-mV (ćoyV-mV) 'zeitweiliges Obdach; Höhle von Tieren' [UEW: 38]; Картв. *ʒixe- 'крепость' [ЭСКЯ: 239], [EWK: 491].
- 2. ? Ностр. *HVʒ́VrV 'star, luminary': Алт. *zēra 'light; moon, moon cycle (year)' [EDAL: 1512]; Драв. *sār- (?) 'time, turn' [DEDR: 2464]; ИЕ *Haster-'star' [Adams 1999: 640], [WP: II, 635]. [ND: 2679, 2701]. Отклонения рефлексов связаны с варьированием начальной / неначальной позиций.

Алт. *ǯ, Ностр. *ӡ́w:

1. Ностр. *ʒ́(w)VḥV (?) 'to call': Алт. *ʒ́ōʒĕ 'to quarrel, speak badly' [EDAL: 1551–1552] (редупликация?); Картв. *ʒ́ах- 'to call, be named; name' [ЭСКЯ: 236, 237], [EWK: 484–485]; ИЕ *sē̄- 'Zauberei, incantatio' [WP: II, 509–510]. [МССНЯ: 342].

(С ассимиляциями)

1. Ностр. *'jawš- 'edible grain': Алт. *ziabsa 'lentil, pea' [EDAL: 1514];

Ур. *čoše 'Gerste' [UEW: 622]; Картв. (?) *ćoćx- 'besom' < 'millet'? [ЭСКЯ: 230], [EWK: 466]; ИЕ *sas- 'cereals' [WP: II, 454].

Неначальная позиция:

- 1. Ностр. *quśV 'intestine': Алт. *k'ušV 'part of stomach, bladder' [EDAL: 858]; Ур. *kuńće (Samm. *kuńśi) 'Harn; harnen' (?) [UEW: 210]; Картв. *qwiź-'liver' [ЭСКЯ: 211], [EWK: 415]; ИЕ *kūst- 'bladder, inner part of kidney, gut' [WP: II, 546]. [ND 1952]; [UEW: 210].
- 2. Ностр. * $\acute{n}im\acute{3}V$ 'нутряной жир': Алт. * $nim \acute{c}i(-k\acute{}V)$ 'кишечный жир, жирная пища, икра' ([EDAL: 1008]; депалатализация перед *i?); Ур. * $\acute{n}in\acute{s}e$ 'Fischmilch' ((ФУ), [UEW: 320]); Драв. * $nen\~{z}$ 'сердцевина, костный мозг' [DEDR: 3736]; ИЕ * $\~{i}nst$ 'жир, внутренности' [WP: I, 166]. [VEWT] (Ур.-Алт.). [Дыбо 2000].

Алт. *ў, Ностр. *з:

- 1. Ностр. *zeGV 'to eat': Алт. *žē 'to eat' [EDAL: 1531]; Ур. *sewe- (seye-) 'essen' [UEW: 440]; Картв. *zey- 'to be satiated' [ЭСКЯ: 235], [EWK: 477]; ИЕ *sē- 'full, satisfied' [Pok.: 876]. [МССНЯ: 340]; [ND 2008].
- 2. Ностр. *3igV 'thorn': Алт. *3egni 'needle, thorn, arrow' [EDAL: 468] (там *degni, но ТМ *degni представлено только в нанийской группе и может быть реконструировано как *3egni (Картв. *3egni 'a k. of thorny plant' [EWK: 479–480]; ИЕ *3egni 'pointed stick, peg' [WP: II, 474]. [ND: 2707] (без ИЕ).

Неначальная позиция:

- 1. Ностр. *Vw3V 'to see': Алт. *ēbžo 'to see, understand' [EDAL: 491]; Ур. *wića 'sehen, schauen' [UEW: 571]; (ср. еще (ФВ) *wača 'sehen' [UEW: 809]); Картв. *uc-q- 'to see' [ЭСКЯ: 186–187]; ИЕ (?) *ous- 'ear' [WP: I, 18] (+ хетт. Aus-, us-ki- 'to see'). [ND 855].
- 2. Ностр. *saŋʒV 'to hang down; stand': Алт. *sanʒV 'to hang down, lower' [EDAL: 1209]; Ур. *śaŋća 'stehen' [UEW: 431] (там *saŋća, но ср. Sammalahti, с предположением о диссимиляции в *s- в угорских и коми; иначе не проходит саамский рефлекс); Картв. *заnз- 'to be laden with fruit' [EWK: 472].

Алт. *ў, Ностр. *ў:

1. Ностр. *ǯVrV 'good, favourable': Алт. *ǯara 'good, favourable' [EDAL: 1529–1530]; Картв. груз. ǯer- 'sich begnügen, zufriedenstellen'. [ND: 2784].

Неначальная позиция:

- 1. Ностр. *sVžV 'to slander, condemn': Алт. *sažV 'to slander, condemn' [EDAL: 1221]; Картв. *saž- 'to judge' [ЭСКЯ: 162].

[EDAL: 682]; Ур. (ΦB) *käčke 'verbergen, verstecken' [UEW: 649].

3. Hocrp. *pVǯkV 'thigh, rump': Алт. *p'ukǯi 'thigh, rump' [EDAL: 1180– 1181]; Ур. *počka 'Schenkel' [UEW: 389] (+ *po(n)če 'Schwanz'?); Драв. (южн.) *boǯǯ-ai 'paunch, belly' [DEDR: 4478]; ИЕ (?) *post 'behind' [Fraenkel 1955–65: 542].

Алт. *ў, Ностр. *ўw:

- 1. Ностр. *kwiǯwV 'sand': Алт. *kiaǯurV 'sand, steppe, earth' [EDAL: 693–694]; Ур. *kOčV 'Sand; sandige Stelle' [UEW: 226]; Картв. груз. kenč- 'pebble' (ср. груз. Kviša, сван. Kwiše 'sand' ?); Драв. (южн.) *kesar- 'mud, mire' [DEDR: 2020]; ИЕ *ĝeis- 'gravel' [WP: I, 553]. [Blazh. KM: 135]; [ND: 954; 990a; 1103].
- **2.5.** Изменение реконструкции прочих аффрикат разрабатывалось С. А. Старостиным и мной. К настоящему времени реконструкция имеет такой вил:

Ностр.	Алт.	Ур.	Картв.	ИЕ
*č-	*č'	*č	*č	*st
*č- *-č-	*-č'-	*-č-	*č *-č-	*-S-
*čw-	[*š-]	*č	*čw	*s(<u>u</u>)
*-ČW-		*-č-	*-čw-	
*ć *-ć-	*č'i- / *si-	*ć (/ *ś rarely)	*ć	*s / *ks-
*-Ć-	*-č'-	*-ć-	*-ć-	*-S-
*ćw-	*č'i-	*č	*¢(w)	*s-
*-¢w-	*-č'-	*-č-	*-¢(w)-	*-S-
*c-	*č'- / *s-	*ć (/ *ś)	*c	*sk-, *sR-
*c- *-c-	*-č'-	*-Ś-	*-c-	*-S-
*cw-	*č'-/_T// *š-/ R	*ć (/*ś)	*c(w)	*s(<u>u</u>)-
*-cw-	*-S-	*-č-		*-s(<u>u</u>)-
*č-	*č-	*č-	*č-	*st-
*č- *-č-	*-č-	*-č-	*-č-	*-s-

*čw-	*č'-/_R//	*č-	*č(w)-	*st-
	*š-/T			
*-čw-	*-š-	*-č-	*-č(w)-	*-s-
*ć-(1)	*či-	*ć-	*ć-	*sk-, *sR-
*-ć- (1)	*-č-	*-ć- (-Ps-)	*-ć-	*-st-
*ć-(2)	*si-	*ć-	*ć-	
*-ć- (2)	*-S-	*-ć-	*-ć-	*-S-
*ćw-	*č-	*ś (/*ć)	*ć-	*s-
*-ćw-	*-č-	*-č-	*-ć-	*-s(<u>u</u>)-
*c- (1)	*č-	*ś (/*ć)	*c-	*sk-, *sR-
*-c-(1)	*-č-	*-ć- (-Ps-)	*-c-	*-s-
*c-(2)	*s-	*ś-	*c-	*sk-, *sR-
*-c-(2)	*-S-	*-ć-	*-c-	*-s-
*cw-	*č'-/_T//	*ć-	*c(w)-	*sk-, *sR-
	*š-/R			
*-cw-	*-č'-	*-ć-	*-c(w)-	

Публикация подтверждающего материала планируется после уточнения реконструкции уральских аффрикат.

2.6. Изменилась реконструкция носовых.

Перестройка реконструкции носовых в праалтайском: Алтайские: Иллич-Свитыч (вслед за Н. Н. Поппе; [ОСНЯ: I, 168–169]):

Алт.	ПТю	ПМо	ПТМ
*n-	*j	*n	*n
*-n-	*n	*n	*n
*ń-	*j	*n(i)	*ń
*-ń-	*j ~ *ń	*n(i)	*ń
*-ŋ-	*ŋ	*ŋg ~ γ	*ŋ

*ń

*n

 $*n \sim 0$

L, ,	J/ L	,			
PA	Turk.	Mong.	Tung.	Jpn.	Kor.
1-	*j	*n	*n	*n	*n
n-	*n	*n	*n	*n	*n
)-	*i	* <del></del> ž	*ń	*m-	*n

*ń

*ŋ

*ŋ

 $\sim *n$

*ng ~ h

*m

*0~m~n

*n~m

[Дыбо 1995], EDAL [EDAL: 24-25]:

Ностратические соответствия: Иллич-Свитыч [ОСНЯ: I, 150]:

~ *ń

*0

*-η-

Ностр.	СемХам.	Картв.	ИЕ	Ур.	Драв.	Алт.
*n-	n		n	n	n	
*-n-	n	n	n	n	n	n
*ñ-				ñ	n	ń
*-ñ-	n	m?	n	ñ	n, <u>n</u>	ń
*ń-	n		į-, n-	ń		ń
*-ń-	n			ń	n.	n

[Дыбо 2000]:

Ностр.	Картв.	ИЕ	Ур.	Драв.	ПА
*n-	n	n	n (*n(i))	n	n
*-n-	n	n	n	n	n
*ń-		į	ń	n, ń	ń
*-ń-		į	ń		ń
*ŋw-		0~ <u>u</u>	0~w	0~w	*ŋ ₁
*ŋ-		n	n~ń	n~ń	*ŋ ₂

Поскольку статья [Дыбо 2000] была опубликована со сбоем шрифтов, здесь повторю наиболее существенную часть приводимого там материала, содержащего алтайские параллели.

Ностр. *ńamV 'сжимать': Алт. *ńiumi 'сжимать (глаза, губы)' [EDAL: 1016]; Ур. ńoma- 'держать, хватать' [UEW: 322]; Драв. (южн.) *ńem- 'to

squeeze' [DEDR: 2464]; ИЕ *jem- 'to grasp, capture' [WP: I, 207]. [МССНЯ: 339], [ОСНЯ: II, 85].

Ностр. *ńarkU 'олень': Алт. *ńargu 'молодой самец оленя (лося)' [EDAL: 1006–7]; ИЕ *jork- 'парнокопытное (лань, косуля)' [WP I: 209].

Ностр. *ńaCV 'влажный, капли': Ур. *ńačkV 'nass, feucht, roh' [UEW: 311]; картв. *nisl- 'туман' [EWK: 266]; ИЕ *ies- 'кипеть, брызгать' [Pok.: 506]. [МССНЯ: 333], [ОСНЯ: II, 87].

Ностр. *ńUlkV 'удалять волосы': Алт. *ńōlo 'выдергивать, брить' [EDAL: 1019]; Ур. *ńülke 'Haut abziehen' ((ФУ), [UEW: 319]); Драв. *nul- 'to pinch' [DEDR: 3717]. [МССНЯ: 347], [ОСНЯ: II, 91–92].

Ностр. *nVnV 'водная птица': Алт. *nugna 'водоплавающая птица, гусь' (метатеза из **nun-ga? [EDAL: 1021]); Ур. *nAnV 'нырок' [UEW: 330].

Ностр. * $\acute{n}ew$ -lA- 'детеньші': Алт. * $\acute{n}abl'A(\check{c})u$ 'молодой, ребенок' (* $\acute{n}abl'u$ (- $\acute{z}V$) [EDAL: 1002]); (?) Ур. * $\acute{n}eplV$ 'Rentierkalb' [UEW: 317]; ИЕ * $\acute{i}eu$ -en- 'jung' [Pok.: 510].

Ностр. *ńENT- 'юг, полдень': Алт. *ńeŋńi 'юг, южный ветер, теплый сезон' [EDAL: 1008]; Драв. *ńēṇḍ- 'day' [DEDR: 2920].

Метатезы, ассимиляции и диссимиляции

Ностр. *ńājl'V 'сырой': Алт. *niāl'i 'сырой, незрелый, свежий' [EDAL: 985]; Ур. *ńOlV 'something slippery; sap, juice' [UEW: 318]; Драв. *nāl- 'wet, cold' [DEDR: 3657]; ИЕ *iēlo 'сырой, незрелый' [Pok.: 504–505]. [МССНЯ: 365].

Ностр. * $\acute{n}im\acute{3}V$ - 'нутряной жир': Алт. * $nim\acute{c}i(-k`V)$ 'кишечный жир, жирная пища, икра' ([EDAL: 1008]; депалатализация перед *i?); Ур. * $\acute{n}in\acute{s}e$ 'Fischmilch' ((ФУ), [UEW: 320]); Драв. * $nen\acute{z}$ - 'сердцевина, костный мозг' [DEDR: 3736]; ИЕ * $\~{i}nst$ - 'жир, внутренности' [WP: I, 166]. [VEWT] (Ур.-Алт.).

Ностр. *ńajŕV (*ńayŕV) 'весна': Алт. *niāŕ[à] 'весна, лето' ([EDAL: 988]; ТМ формы исключаются: маньчжурская — монголизм, тунгусские — самодизм); Ур. *nara или *nora 'spring' [Zhivlov 2016: 300], [Дыбо 2007: 170]; ИЕ *jār- 'год' [WP: I, 3, 105]. [МССНЯ: 349], [ОСНЯ: II, 83–84].

Ностр. * $\acute{n}onV$ 'камыш': Алт. * $n[u]\acute{n}a$ 'вид травы, ситник' [EDAL: 997]; Драв. * $n\bar{a}nal$ 'лесная жесткая трава' [DEDR: 2909]; ИЕ * $\acute{i}on$ - 'ситник, камыш' (лат. $\acute{j}uncus$, ср.-ирл. $\~{a}in$).

Ностр. *ńeHlV 'земля, грязь': Алт. *nālV 'earth, land' [EDAL: 962]; груз. nol- 'fruchtbare Anschwemmungsland an einem Fluss; mit jungem Gras bewachsenes Wiesland'; Драв. *ńēl- 'earth' [DEDR: 2913]; ИЕ *īlu 'ил' [Pok.: 499].

Ностр. $*\eta_{I}$ - ($*\eta_{w}$ -?): Алт. $*\eta$ -, Ур., Драв. $*\theta$ - перед огубленными гласными, *w- перед неогубленными гласными, ИЕ $*\theta$ - (перед *o?), $*\mu$ -

Ностр. * $\eta_1 U j \acute{c} V$ 'маленький, мелкий': Алт. * $\eta \bar{o} j \acute{c} u$ 'thin, small' [EDAL: 1035]; Ур. * $\ddot{u} \acute{c} \ddot{a}$ 'wenig, klein' ((ФУ), [UEW: 78]).

Hocrp. *ŋ₁alV- 'рука': Алт. *ŋāli-g- 'hand' [EDAL: 1024]; ИЕ *ole-k- 'локоть' [WP: I, 156].

Ностр. $*\eta_1 Uj\acute{n}tV$ 'корень': Алт. $*\eta i\ddot{u}\eta t'e$ 'корень' [EDAL: 1033]; Ур. *ontV 'Wurzel' ((ФВ), [UEW: 719]); ИЕ $*\mu eit$ - 'вайда (травянистое растение семейства крестоцветных, служит для добычи синей краски)' [WP: I, 236].

Ностр. *ŋ¡ańV 'небо': Алт. *ŋańa 'ясное небо' [EDAL: 1025]; Драв. *vāṇa 'sky, heaven, rain' [DEDR: 5381].

Ностр. $*y_1ElV$ 'розовый, светящийся': Алт. $*y_1\bar{o}le$ 'красный, розовый; желтый' [EDAL: 1032]; Ур. *walkV 'weiss, hell, leuchtend; leuchten' ((ФУ), [UEW: 554]); Драв. *vel- 'white' [DEDR: 5496]; ИЕ *ol-u- 'rötlich, glänzend' [Pok.: 302].

Ностр. $*y_1V\acute{r}V$ 'действовать, стараться': Алт. $*y\grave{o}\acute{r}a$ 'превосходить, побеждать, соревноваться' [EDAL: 1037]; Ур. *urV- 'быть, жить' [UEW: 546]; Драв. *var- 'to act; action; manner; movement' [DEDR: 5292]; ИЕ $*\mu er\^{g}$ - / $*\mu re\^{g}$ - [Pok.: 1168–1169] 'работать, действовать'. [МССНЯ: 339].

Ностр. $*\eta_1 AjV$ 'длинные волосы животного': Алт. $*\eta \bar{u}je$ 'длинные волосы на шее, под брюхом животного и т. П.' [EDAL: 1037]; Ур. $*w\ddot{a}j\ddot{a}$ 'longes Tierhaar' [UEW: 562].

Ностр. $*y_1ElV$ 'бояться, понимать': Алт. $*y_{\bar{e}}lu$ 'страх, бояться' [EDAL: 1026]; Ур. $*w\ddot{a}l\ddot{a}$ - 'verstehen, meinen, denken' [UEW: 589]; Драв. *vel-k- 'to be ashamed, afraid' [DEDR: 5500]; ИЕ $*y_{\bar{e}}l$ -, $*y_{\bar{e}}l$ -, l-, l

Ностр. $*\eta_I A\acute{n}CV$ 'подстерегать': Алт. $*\eta\bar{o}\eta\dot{c}V$ 'подкрадываться' (тюрк. $*\ddot{o}\eta$ -, ТМ $*\eta\bar{o}n\dot{c}a$ - 'подкрадываться' [Дыбо 1996: 14]; Ур. $*o\dot{c}a$ 'sehen, schauen' [UEW: 334]; Драв. $*v\bar{e}nt$ - 'охотиться' [DEDR: 5527]; ИЕ $*\mu e\dot{t}t$ - 'охота' [WP: I, 228].

Ностр. *(H) $\eta_I IrV$ 'самец': Алт. * ηurU 'молодой самец' [EDAL: 1039]; Ур. *urV 'Mann, Männchen' ((ФУ), [UEW: 545]); (?) Картв. *xwir- 'самец, кобель'; Драв. (южн.) * $\bar{o}ri$ 'male jackal, male lemur' [DEDR: 1061]; (?) ИЕ *(H) $\bar{u}\bar{u}ro$ - 'муж' [WP: I, 314].

Ностр. *ŋɹańCA 'водяная птица': Алт. ТМ *ŋiāča-ki 'цапля' [ССТМЯ: I, 636]; Ур. *wäjśä 'eine Art Ente' ((ФУ), [UEW: 552]); Драв. (южн.) *vantānam 'a k. of heron' [DEDR: 5238].

Ностр. (?) * $\eta_1 A j \eta k V$ 'крюк, рукоятка': Алт. (?) * $\eta_1 u \eta n i$ 'пятка, рукоятка' (ТМ * $\eta u \eta n i$ 'пятка, голень', Мо * $\eta u \eta n i$ 'пятка косы, проушина топора'

[Дыбо 1996: 258]); Ур. *waŋka 'Griff, Henkel (an Gefässen)' ((ФП), [UEW: 814]); Драв. *vaŋk- 'hook' + KoGa *vaŋel 'calf of leg' [DEDR: 5210, 5249]; ИЕ *wonk- 'крюк' [WP: I, 60]. [МССНЯ: 336].

Метатезы и диссимиляции

Ностр. *ńajŋV 'хвойное растение': Алт. *ŋiāŋe 'пихта' [EDAL: 1030]; Ур. *n/ ńäŋV 'Lärche; Larix sibirica' ((ФУ), [UEW: 302]); Драв. *van-i 'a k. of prickly tree' [DEDR: 5330]; ИЕ *jojnjā 'можжевельник' [WP: I, 208].

Ностр. *ńeŋV 'жена брата': Алт. *neŋu 'жена брата' [EDAL: 970]; Ур. *n/ńiŋä 'Frau, Weib, Weibchen' [UEW: 305]; Драв. *van- 'elder brother's wife' [DEDR: 5251]; ИЕ *ienH-ter- 'жена брата' [WP: I, 207], [Buck 1949: 126].

Ностр. * $\eta_l e \hat{n}(d) \hat{V}$ 'собака': Алт. * $\eta indo$ 'собака' [EDAL: 1029]; Ур. ПСам *wen 'Hund' [Janhunen 1977: 173]; Драв. * $\hat{n}aj(t)$ - 'dog' [DEDR: 3650].

Ностр. *
$$\eta_2$$
- (* η -?): Алт. * η -, Ур., Драв. * n -/ $\acute{n}$ -, ИЕ * n -

Ностр. $*\eta_2 OjV$ 'спать, устать': Алт. $*\eta \bar{u}ju$ 'спать' [EDAL: 1038]; Ур. *nOjV- 'müde werden' ((ФУ), [UEW: 310]).

Ностр. * $\eta_2 ENV$ - 'входить, спускаться': Алт. * $\eta \bar{e}ni$ 'спускаться' [EDAL: 1027]; Драв. (Gond.) * $ne\eta$ - 'to enter' [DEDR: 3764].

Ностр. *ŋ₂Аjvi 'покойник, дурная смерть': Алт. *ŋiābi 'покойник' [EDAL: 1029]; Ур. (?) *nūwe 'чахнуть, изнемогать' [MNyTESz II: 1059], [SKES: 406]; Драв. (южн.) *nav-ai- 'to be troubled, to perish' [DEDR: 3598]; ИЕ *nāu- 'покойник' [Рок.: 756]. [МССНЯ: 355].

Ностр. * $\eta_2 A \dot{n} V$ 'брать с собой': Алт. * $\eta \bar{a} \dot{n} i$ 'брать с собой' [EDAL: 1026]; Драв. * $na\eta$ - 'to approach, join' [DEDR: 3588]; ИЕ * $n\bar{e}\dot{j}$ - 'führen, helfen' [WP: I, 321].

Ностр. $*\eta_2 V$ 'мест. 1 л.': Алт. $*\eta a$ 'мест. 1 л.' [EDAL: 1024]; Картв. *naj-'мы'; Драв. $*n\bar{a}m$ 'we (incl.) '; ИЕ *n- 'мест. 1 л.' [OCHЯ: I, 7].

Ностр. *n-: Алт. *n-, Ур. *n-/*n*- (перед дифтонгами?), Драв. *n-, ИЕ *n-.

Ностр. *nOjńkV- 'ругать': Алт. *niáŋe 'ругать, проклинать' [EDAL: 987]; Драв. (южн.) *nuṇ-ai (3108) 'calumny' [DEDR: 3703]; ИЕ *neik- 'ругать' [WP: II, 321].

Ностр. *newV 'новый': Алт. *nebi 'новый' [EDAL: 964]; ИЕ *neu- 'новый' [WP: II, 324].

Ностр. *nEbV 'smoke, cloud': Алт. *nibi 'дымиться, пахнуть' [EDAL: 974]; Картв. (?) *nepxw- 'мороз, холод, ключевая вода' [EWK: 265]; ИЕ *nebh- 'туман, облако' [WP: I, 131], [Buck 1949: 53, 65].

Ностр. *nAkV 'шкура': Алт. *nak'i 'шкура' [EDAL: 961]; ИЕ * $n\bar{a}k$ - 'шкура (с шерстью), руно' [WP: II, 316].

Ностр. *nerV 'тонкий': Алт. *nera 'тонкий, плоский' [EDAL: 972]; ИЕ *ner- 'тонкий, узкий' [WP: II, 699].

Ностр. *NEḥrV 'колючий кустарник': Алт. **ńik'rV* 'вид колючего дерева' [EDAL: 1009]; Ур. *nakrV 'Zedernuss' ((ФУ), [UEW: 290]); Картв. (?) *neḥerčxa- 'клен' [EWK: 263]; Драв. (южн.) *nekar- 'a k. of rhododendron' [DEDR: 3734];

Ностр. *nEgurwV 'внутренний орган': Алт *nVjVrV 'железа, селезенка' [EDAL: 1023]; Ур. *ńarma 'пах, низ туловища' ((ФУ), [UEW: 312]); Драв. (южн.) *ner 'vital organ, bosom, anus' [DEDR: 3681] + KoGa *nernǯal 'spleen' [DEDR: 3751]; ИЕ (?) *negh¬r- 'почка' [WP: I, 133].

Ур.: *n- > * $\acute{n}$ - перед дифтонгами

Ностр. *nojŕV 'мокнуть, тонуть': Алт. *niuŕe 'мокнуть' [EDAL: 994]; Ур. *ńorV 'топь' [UEW: 324]; Драв. *nuṛ 'прятаться в узкую нору' [DEDR: 3714]; ИЕ *ne(u)r- 'погружаться, нырять' [WP I: 334–331]. [МССНЯ: 333].

Ностр. *ńArV 'удалять волосы': Алт. *ńiarke 'выщипывать (волосы)' [EDAL: 1012]; Ур. *ńarV 'Fell od. Leder ohne Haar' ((ФУ), [UEW: 313]).

Ностр. *nojmV 'мягкий, слабый': Алт. *niuma 'мягкий, нежный' [EDAL: 992]; Ур. *ńämV 'weich' ((ФУ), [UEW: 330]); Драв. nam- 'to be weak' [DEDR: 3598]. [МССНЯ: 350], [ОСНЯ: II, 86–87].

Ностр. *niCV 'лысый': Алт. * $ni\check{c}o$ - 'лысый, линять' (Мо * $ni\check{c}\ddot{u}$ -gen 'лысый, голый (о траве, шкуре)'; ТМ * $\acute{n}e\check{c}u$ - 'линять' [ССТМЯ: I, 655]); Ур. * $\acute{n}e\acute{c}V$ - или * $\acute{n}e\check{c}V$ - 'косить траву, щипать птицу' [UEW: 314].

- (?) Ностр. *nem- 'брать, добавлять': Алт. *nema 'добавлять, превосходить' [EDAL: 969]; (?) Ур. *ńoma- 'сжимать' [UEW: 330]; ИЕ *nem- 'zuteilen, nehmen' [WP I: 330–331].
- (?) Ностр. *nEr-v- 'жила, хрящ': Алт. *nira 'позвоночник' [EDAL: 979]; Ур. *ńVrkV 'Knorpel' ([UEW: 317]: саамский, мордовский, обско-угорский, самодийский); Драв. *nara-mb- 'nerve' [DEDR: 2903]; ИЕ *(s)neu-r- 'жила' [WP: II, 696].

Ср. Ностр. *ŋAjk- 'пушной зверь': Алт. *ŋiāk'u 'песец, собака' [EDAL: 1031]; Ур. *ńukiśi 'Zobel, Marder' [UEW: 326]; Драв. *nak- 'fox' [DEDR: 3606] или*n[u]kuri 'dog' [DEDR: 3650]. Иначе [ОСНЯ: II, 35]; [ND: 1547a (*NUĶV 'canine' (монг.; Ур. + другое Драв.), 1587 (*ńUĶV 'small (ФУ)r-bearing animal')].

Сопоставления с ИЕ *kn-

Ностр. *ŋejV 'гнида': Алт. *neji [EDAL: 966]; Ур. *ńiŋV 'worm, louse' [UEW: 320]; ИЕ *ghneidh-/*kneid- [WP: I, 461]. [МССНЯ: 336].

- Ностр. *ŋuńV 'opex': Алт. *ńaŋo 'крупный opex' [UEW: 1006]; Драв. (южн.) *nuŋ- 'kernel or pulp of palmira fruit' [DEDR: 3698]; ИЕ *kneu- 'opex' [WP: I, 391].
- Ностр. *Nika 'шея': Алт. *niake 'шейные позвонки' [EDAL: 983]; Ур. *nokki 'nape of the neck' [Zhivlov 2016: 299]; [UEW: 328]; ИЕ *knek- 'позвонок' [Рок.: 558]. [МССНЯ: 355], [ОСНЯ: 2, 330].
- 3. Несомненно, как предложенные новации к реконструкции, так и наборы когнатов в ностратических этимологиях нельзя считать окончательными. Уточнение частных реконструкций и конкретных праформ должно быть проведено на внутренних данных языковых семей, однако при выборе из альтернативных реконструкций полезно иметь в виду возможности внешнего сближения.

Литература

- Владимирцов, Поппе 1924 *Владимирцов Б. Я., Поппе Н. Н.* Из области вокализма монголо-турецкого праязыка / ДАН-В. 1924. Апрель июнь. № 4. С. 23–35.
- Долгопольский 1970 *Долгопольский А. Б.* Ностратические корни с сочетанием латерального и звонкого ларингала // Этимология 1970. М., 1972. С. 356–69.
- Долгопольский 1972 *Долгопольский А. Б.* О ностратической системе аффрикат и сибилянтов // Этимология 1972. М., 1974. С. 163–76.
- Дыбо 1989 (1986) Дыбо А. В. Названия орешника в индоевропейских языках Европы // Общеславянский лингвистический атлас 1986. М., 1989. С. 103–112.
- Дыбо 1990 Дыбо А. В. Инлаутные гуттуральные в тунгусоманьчжурском и праалтайском // Тезисы конференции «Сравнительно-историческое языкознание на современном этапе». М., 1990. С. 51–53.
- Дыбо 1991 Дыбо А. В. Тюрк. *t-, *d- // Славистика. Индоевропеистика. Ностратика. М., 1991. С. 50–65.
- Дыбо ДД 1991 Дыбо А. В. Семантическая реконструкция в алтайской этимологии. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. М., 1991.
- Дыбо 1995 Дыбо A. B. Судьба праалтайского * $\acute{n}$ по тунгусоманьчжурским и монгольским данным // Владимирцовские чтения III. М., 1995. С. 215–221.
- Дыбо 1996 Дыбо A. B. Семантическая реконструкция в алтайской этимологии. Соматические термины (плечевой пояс). M., 1996.
- Дыбо 2000 Дыбо А. В. Ностратические этимологии с начальными носовыми // Проблемы изучения дальнего родства языков на рубеже 3-го тысячелетия. Тезисы и доклады конференции. М.: РГГУ, 2000. С. 31–38.

- Дыбо 2006 Дыбо A. B. Монгольские названия деревьев в алтайском словаре // Трофим Алексеевич Бертагаев. К 100-летию со дня рождения. Элиста, 2006. С. 42–64.
- Дыбо 2007 Дыбо А. В. Лингвистические контакты ранних тюрков. Лексический фонд. Пратюркский период. М.: Восточная литература, 2007.
- Иллич-Свитыч 1963 *Иллич-Свитыч В. М.* Алтайские дентальные: t, d, δ // Вопросы языкознания. 1963. № 6. С. 37–56.
- Иллич-Свитыч 1965 Иллич-Свитыч В. М. Алтайские гуттуральные: k', k, g // Этимология 1964. М., 1965. С. 338–343.
- Лыткин, Гуляев 1970 *Лыткин В. И., Гуляев Е. С.* Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970.
- МССНЯ *Иллич-Свитыч В. М.* Материалы к сравнительному словарю ностратических языков // Этимология 1965. М., 1967.
- Мудрак 1988 *Мудрак О. А.* К вопросу о палатализации начальных согласных в чувашском языке // Исследования по чувашскому языку. Чебоксары, 1988. С. 67–96.
- ОСНЯ *Иллич-Свитыч В. М.* Опыт сравнения ностратических языков. Т. І. Введение. Сравнительный словарь (b Ķ). М., 1971. Т. ІІ. Сравнительный словарь (l $\frac{2}{3}$). М., 1976. Т. ІІІ. Сравнительный словарь (р q). М., 1984.
- СИГТЯ 2006 Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюрка по языковым данным. М., 2006.
- ССТМЯ Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Т. I–II. Л., 1975–1977.
- Старостин 1988 *Старостин С. А.* Индоевропейско-северокавказские изоглоссы // Древний Восток. Этнокультурные связи. М., 1988. С. 112–162.
- Старостин АПиПЯЯ *Старостин С. А.* Алтайская проблема и происхождение японского языка. М., 1991.
- Старостин 2000, 2002 Старостин С. А. Об одном новом типе соответствий шумных смычных в ностратических языках // Проблемы изучения дальнего родства языков на рубеже третьего тысячелетия. Тезисы конференции. М.: РГГУ, 2000. С. 174–177. / Starostin S. A. Nostratic Stops Revisited // Languages and their Speakers in Ancient Eurasia: Dedicated to Professor Aharon Dolgopolsky on his 70th Birthday. Association for the History of Language, Monograph Series 1. Ed. by Vitaly Shevoroshkin & Paul J. Sidwell. Canberra, 2002. Pp. 3–7.
- Старостин 2005 *Старостин Г. С.* Внешние соответствия начальных звонких смычных в дравидийских языках // Аспекты компаративистики. М.: РГГУ, 2005. С. 49–82.
- Фенрих 1980 Фенрих X. К картвельской лексике // Этимология 1978. М., 1980. С. 178–181.
- Цинциус 1949 *Цинциус В. И.* Сравнительная фонетика тунгусоманьчжурских языков. Л., 1949.

- Цинциус 1984 *Цинциус В. И.* Этимологии алтайских лексем с анлаутными придыхательными смычными губно-губным *п" и заднеязычным *х" // Алтайские этимологии. Л., 1984. С. 17–129.
- ЭСКЯ Климов Г. А. Этимологический словарь картвельских языков. М., 1964.
- Adams 1999 Adams D. Q. A Dictionary of Tocharian. Amsterdam Atlanta, 1999.
- Benzing 1956 *Benzing J.* Die tungussischen Sprachen: Versuch einer vergleichender Grammatik. Wiesbaden, 1956.
- Blazh. KM *Blažek V.* Kartvelian Material in Nostratic Lexicon. New Etymologies II // Nostratic, Dene-Caucasian, Austric and Amerind. Bochum, 1992. Pp. 129–148.
- Bomhard 1996 *Bomhard A. R.* Indo-European and the Nostratic Hypothesis. Charleston, South Carolina, 1996.
- Buck 1949 *Buck C. D.* A Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indo-European Languages. Chicago, 1949.
- DEDR Burrow Th., Emeneau M. A. Dravidian Etymological Dictionary. Second ed. Oxford, 1984.
- Dolgopolsky 1998 *Dolgopolsky A*. The Nostratic Macrofamily and Linguistic Palaeontology. Cambridge, 1998.
- Dybo 2005 *Dybo A. V.* Some Peculiarities of Altaic Reflexes of Nostratic Sibilants // Nostratic Centennial Conference. The Pécz Papers. Pécz: Lingua Franca Group, 2005. Pp. 85–114.
- EDAL Starostin S. A., Dybo A. V., Mudrak O. A. An Etymological Dictionary of Altaic Languages. Leiden, 2003.
- EWK *Klimov G.* Kartvelian Etymological Dictionary. Berlin New York, 1998.
- Fähnrich 1990-91 Fähnrich H. Kartwelisches Wortschatz V // Georgica. Heft XIII–XIV. 1990–91. 15–17.
- Fraenkel 1955–65 Fraenkel E. Litauisches etymologisches Wörterbuch. I–II. Heid., Gött., 1955–65.
- Janhunen 1977 Janhunen J. Samojedischer Wortschatz. Gemeinsamojedishe Etymologien. Helsinki, 1977.
- ND Dolgopolsky A. Nostratic Dictionary. Cambridge, 2008.
- Pok. *Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1959.
- SKES Toivonen Y., Itkonen E., Joki A. Suomen kielen etymologinen sanakirja. I–VII. Helsin-ki, 1955–1979.
- Starostin 1989 *Starostin S. A.* Nostratic and Sino-Caucasian // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. М.: Наука, 1989. С. 106–124 / Explorations in Language Macrofamilies. Bochum: Universitätsverlag Dr. Norbert Brockmeyer, 1989. S. 42–67.

- Starostin 1997 Starostin S. A. On the "consonant splits" in Japanese. Indo-European, Nostratic, and Beyond (Festschrift for Vitalij V. Shevoroshkin). Washington, 1997.
- Starostin 1999 *Starostin S. A.* Subgrouping of Nostratic: Comments on A. Dolgopolsky's "Nostratic Macrofamily and Linguistic Paleontology" // Nostratic: Examining a Linguistic Macrofamily. Institute of Archaeological Research, Cambridge, 1999. Pp. 137–156.
- Street 1980 Street J. Proto-Altaic *-I(V)b- ~ Turkic š // CAJ. 1980. Vol. 24. No. 3–4. Pp. 285–302.
- Street 1985 *Street J.* Japanese Reflexes of the Proto-Altaic Lateral // Journal of the American Oriental Society. 1985. Vol. 105. No. 4. Pp. 637–651.
- Tischler 1977–1994 *Tischler J.* Hethitisches etymologisches Glossar. I (fasc. 1–4), II (fasc. 5–6), III (fasc. 8–10). In., 1977–1994.
- UEW Redei K. Uralisches etymologisches Wörterbuch. Budapest, 1986–1989.
- VEWT Räsänen M. Versuch eines etymologisches Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki, 1969.
- WH Walde A., Hofmann J. B. Lateinisches etymologisches Wörterbuch. I–II. 5. Aufl. Heid., 1982.
- WP Walde A. Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen. Hrsg. u. bearb. von J. Pokorny. I–III. Berlin Leipzig, 1926–1932.
- Zhivlov 2016 *Zhivlov M. A.* The Origin of Khanty Retroflex Nasal // Вопросы языкового родства. 2016. № 14/3–4. С. 293–302.

Summary

Anna Dybo

Proto-Altaic and Nostratic: Changes in the Nostratic Reconstruction of the Consonant System

A number of changes have been introduced to the reconstruction of the Proto-Altaic language in the last 50 years. The article considers how these changes correlate with the classical Nostratic reconstruction.

Отражение ностратических огубленных гласных в индоевропейском

Систему рефлексации ностратических огубленных гласных в индоевропейском, предложенную в [ОСНЯ], можно суммировать так:

```
ностр. *KUCV- > ИЕ *K<sup>w</sup>eC-;
ностр. *CURV- > ИЕ *CeR-;
```

ностр. *CUTV-> ИЕ *CeuT-~ *CueT-.

Мы предлагаем уточнения к этой системе, в результате которых она принимает следующий вид:

```
ностр. *Cu/\ddot{u}CCV-> ИЕ *Ce(C)C-/*K^we(C)C-;
```

ностр. *Cu/üTV- > ИЕ *CeuT- / *ЌeuT-;

ностр. $*Cu/\ddot{u}RV - > ИЕ *CReu-/*\hat{K}Reu-;$

ностр. *CujV- > ИЕ *Cei- / *Řei-;

ностр. $*CoCCV -> ИЕ *Ce(C)C -/ *K^we(C)C -;$

ностр. *CoCV- > ИЕ *CueC- / *PeC-

 $(C = \text{согласный}, T = \text{шумный}, R = \text{сонант}, P = \text{лабиальный}, K = \text{велярный}, \hat{K} = \text{ИЕ палатальный}, K^w = \text{ИЕ лабиовелярный}, V = \text{гласный}, U = \text{огубленный гласный}, e = \text{ИЕ аблаутный гласный e/o/Ω}).$

HOCTP. $*Cu/\ddot{u}CCV-> HE *Ce(C)C-/*K^we(C)C-$

Ур. *lupsa 'poca' [UEW: 261]; ИЕ *ros- 'poca' [IEW: 336–337]. Новое сравнение.

Ур. *kupsa 'гасить' [UEW: 214]; ИЕ *g*'es- 'гасить' [IEW: 479–480]; [LIV²: 541]. [МССНЯ: 335]; [ОСНЯ 1: 311].

Ур. *suŋi 'лето' [UEW: 451]; ИЕ *sṃH- 'лето' [IEW: 905]. [Čop, Indouralica I: 106–107].

Ур. **muli-* 'проходить мимо' [UEW: 285]; ИЕ **melh₃-* 'прийти, появиться' [IEW: 721–722]; [LIV²: 433–434]. NOSTRET #1857.

TM *xurge 'тяжёлый' [EDAL: 826]; ИЕ *g"үН-и- 'тяжёлый' [IEW: 476–477]. ND #923.

Ур. *kusi 'кашель, кашлять' [UEW: 223]; ИЕ *k**eh*₂*s*- 'кашлять' [IEW: 649]; [LIV²: 377]. ND #1944.

Ур. *kuri 'обрыв, гора' [UEW: 217, 677]; монг. *küri 'обрыв; камень' [EDAL: 843]; ТМ *xurē 'гора' [EDAL: 843]; карт. *gor- 'холм' [KEW: 111]; ИЕ *g\"rH- 'гора' [IEW: 477–478]. NOSTRET #237.

Ур. *kulki- 'двигаться, бежать, течь' [UEW: 198]; ИЕ * k^welh_i - 'поворачиваться, двигаться' [IEW: 639–640]; [LIV²: 386–388]. NOSTRET #35.

Тюрк. *Kud- 'лить; сыпать' [EDAL: 731]; ТМ *kodori- 'черпать' [EDAL: 731]; ИЕ * $g^weh_2d^h$ - 'погружать, топить' [IEW: 465]; [LIV²: 206]. NOSTRET #1174.

Монг. *hüle- 'излишек, оставлять; больше чем; оставаться (на месте), отставать' [EDAL: 1181–1182]; ТМ *pule- 'оставаться, излишек' [EDAL: 1181]; ИЕ *pel h_1 -u- 'много' [IEW: 798–801]. [МССНЯ: 348].

Ностр. *Cu/üTV- > ИЕ *CeuT- / * keuT-

Тюрк. * $b\ddot{u}k$ - 'сгибаться, кланяться; сгибать, складывать, свертывать' [EDAL: 361]; монг. * $b\ddot{o}k$ - 'горб; гнуть' [EDAL: 360]; ТМ *buk- 'горб, гнуться' ([EDAL: 360]; возможно, заимствование из монг.); ИЕ * $b^he\mu g^h$ - 'гнуть' [IEW: 152–153]; [LIV²: 85–86]. [МССНЯ: 336], [ОСНЯ 1: 191].

Тюрк. *jükün- 'кланяться, склоняться' [EDAL: 879]; монг. *nugu- 'гнуть- ся' [EDAL: 879]; ИЕ *leug- 'гнуть' [IEW: 685–686]; [LIV²: 416]. NOSTRET #642.

Тюрк. $*k\bar{u}se$ - 'желать, хотеть' [EDAL: 829]; монг. $*k\bar{u}se$ - 'желать' (возможно, заимствование из тюрк.) [EDAL: 829]; ИЕ $*\hat{g}eus$ - 'пробовать, выбирать' [IEW: 399–400]; [LIV²: 166–167]. NOSTRET #799.

Ур. *tuwi 'озеро' [UEW: 533]; карт. *tab- 'озеро; глубокий (о воде)' [KEW: 391–392]; ИЕ * $d^h e \mu b^h$ - 'глубокий' ([IEW: 267–268]; *-p- в прагерманск. *deupa- — результат закона Клуге). [МССНЯ: 336].

Hocтp. *Cu/üRV- > ИЕ *CReu- / *KReu-

Ур. *künä 'локоть' [UEW: 158]; ИЕ *ĝenu- / *ĝneu- 'колено' [IEW: 380–381]. [МССНЯ: 368]; [ОСНЯ 1: 304].

Монг. *hünir 'запах; пахнуть' [EDAL: 1185]; ТМ *puń- 'запах, нюхать' [EDAL: 1185]; ИЕ *pneu- 'дышать, пахнуть, чихать' [IEW: 838–839]; [LIV²: 489]. NOSTRET #734.

Тунг. *turga- 'подпорка, подставка' [EDAL: 1439]; кор. *tòrí 'поперечная балка' [EDAL: 1439]; карт. *dwire 'бревно, балка' [EDKL: 40]; ИЕ *doru- / *dreu- 'дерево' [IEW: 214—217]. NOSTRET #285.

Тюрк. *süŕ- 'цедить, фильтровать; плавать; ходить в воде' ("The meanings 'to strain, filter' and 'to swim, float' go back to a common meaning '*to flow"' [EDAL: 1298]); ИЕ *sreu- 'течь' [IEW: 1003]; [LIV²: 588]. NOSTRET #190.

Ур. *kuwli- 'слышать' [UEW: 197]; тюрк. *Kul-kak 'ухо' [EDAL: 847]; монг. *kulki 'ушная сера; среднее ухо' [EDAL: 847]; карт. *qur- 'ухо' [KEW: 522]; ИЕ *kleu- 'слышать' [IEW: 605–607]; [LIV²: 334–335]. [МССНЯ: 366].

96 М. А. Живлов

В ИЕ следует предполагать раннее стяжение $\#\dot{q}uwlV->\#\dot{q}ulV-$ с дальнейшим регулярным развитием $\#\dot{q}ulV->*\hat{k}leu$.

Ностр. *CujV- > ИЕ *Cej- / *Âej-

Ур. *kujV- 'лежать' [UEW: 197]; яп. *kojo- 'лежать' [EDAL: 657]; ИЕ * $\hat{k}ej$ - 'лежать' [IEW: 539–540]; [LIV²: 320]. NOSTRET #450.

Ур. *muja- 'обрадоваться; улыбаться' [Aikio 2002: 22]; ИЕ *smei- 'улыбаться' [IEW: 967]; [LIV²: 568–569]. Новое сравнение.

Монг. *tuja- 'луч, сияние' [EDAL: 1469]; яп. *tújá 'блеск' [EDAL: 1469]; ИЕ *dej- 'сиять' [IEW: 183–187], ср. [LIV²: 108]. NOSTRET #276.

HOCTP. $*CoCCV-> HE *Ce(C)C-/*K^we(C)C-$

ТМ *xola- 'дуб' [EDAL: 836]; яп. * $k\acute{a}s\acute{i}$ - $p\grave{a}$ 'вид дуба' [EDAL: 736]; ИЕ *g" elh_2 - 'жёлудь' [IEW: 472–473]. ND #880.

Ур. *mośki- 'мыть' [UEW: 289]; ИЕ *mesg- 'погружать' [IEW: 745–746]; [LIV²: 441]. [МССНЯ: 349].

Ур. *soni- 'желать, надеяться' [UEW: 447]; ИЕ **senh*₂- 'искать, пытаться' [IEW: 906]; [LIV²: 532–533]. ND #2745.

Ур. *ponči 'хвост' [UEW: 353]; ИЕ *post 'позади, после' [IEW: 841–842]. Новое сравнение.

Ур. *woča 'забор, загородка' [UEW: 577]; ИЕ *µeh2stu- 'жилище, "город" (ср. [IEW: 1170–1171]). NOSTRET #1923.

Hocтp. *CoCV->ИЕ *CueC-/*PeC-

Ур. *ora 'белка' [UEW: 343]; ИЕ **h*₁*uer*- 'белка' [IEW: 1166]. ND #70.

Ур. *šoji 'иголка, жало, копьё' [UEW: 787]; тюрк. *sojagu 'петушиная шпора; сосновая иголка, зубочистка; острый предмет' [EDAL: 1339]; монг. *sojuya 'клык, побег, крюк' [EDAL: 1339]; ИЕ *skuoi- 'хвоя, шип' [IEW: 958]. NOSTRET #610.

Ур. *pośi 'penis' [UEW: 345]; ИЕ *pes- 'penis' [IEW: 824]. [МССНЯ: 372]; [ОСНЯ 3: 96-97].

Ур. *moni 'много' [UEW: 279]; ИЕ *menog^h- / *monog^h- / *mnog^h- 'много' [IEW: 730]. [МССНЯ: 348].

NB:

Ур. *toyi- 'приносить, давать' [UEW: 529]; монг. *tayu- 'давать, распределять' [EDAL: 1468]; ТМ *tagu- $\sim$ *tabu- > ман. $t\bar{o}da$ -, нан. taoda-, ульч. tauda-, ороч. tauda- 'платить' [TMC 2: 171–172]; ИЕ * deh_3 - 'давать' [IEW: 223–225]; [LIV²: 105–106]. [МССНЯ: 338]; NOSTRET #119. Ур. *toyi-, видимо, восходит к ностр. *tayu-.

Литература

- МССНЯ *Иллич-Свитыч В. М.* Материалы к сравнительному словарю ностратических языков // Этимология 1965. М., 1967.
- ОСНЯ *Иллич-Свитыч В. М.* Опыт сравнения ностратических языков. Т. І. Введение. Сравнительный словарь (b Ķ). М., 1971. Т. ІІ. Сравнительный словарь (1 $\acute{\bf 3}$). М., 1976. Т. ІІІ. Сравнительный словарь (р q). М., 1984.
- ТМС 2 *Цинциус В. и др.* Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Т. 2. Л., 1977.
- Aikio 2002 Aikio A. New and Old Samoyed Etymologies // Finnisch-ugrische Forschungen. 2002. 57. Pp. 9–57.
- Čop, Indouralica I *Čop B*. Indouralica I // Razred za filoloske in literarne vede. 1974. Dela 30/1.
- EDAL Starostin S. A., Dybo A. V., Mudrak O. A. The Etymological Dictionary of Altaic Languages. Leiden, 2003.
- EDKL *Klimov G. A.* Etymological Dictionary of the Kartvelian Languages. Berlin, New York, 1998.
- IEW Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I–II. Bern, München, 1959, 1969.
- KEW Fähnrich H. Kartwelisches etymologisches Wörterbuch. Leiden, Boston, 2007.
- LIV² Rix H. et al. Lexikon der Indogermanischen Verben. 2., erw. und verb. Aufl. Wiesbaden, 2001.
- ND *Dolgopolsky A.* Nostratic Dictionary. Cambridge, 2008.
- NOSTRET Nostratic Etymology. Compiled by *S. Starostin*. Online database [http://starling.rinet.ru/cgi-bin/main.cgi?flags=eygtnnl].
- UEW Rédei K. Uralisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I-III. Budapest, 1986–1991.

98 М. А. Живлов

Summary

Mikhail Zhivlov

Reflexation of Nostratic Labialized Vowels in Indo-European

The patterns of reflexation of Nostratic labialized vowels in Indo-European described by Vladislav Illich-Svitych in *An Attempt at a Comparison of the Nostratic Languages* can be summarized as follows:

```
PN *KUCV- > PIE *K*eC-;
PN *CURV- > PIE *CeR-;
PN *CUTV- > PIE *CeuT- ~ *CueT-.
The paper suggests the following system:
PN *Cu/üCCV- > PIE *Ce(C)C- / *K*e(C)C-;
PN *Cu/üTV- > PIE *CeuT- / *KeuT-;
PN *Cu/üRV- > PIE *CReu- / *KReu-;
PN *CujV- > PIE *Cei- / *Kei-;
PN *CocV- > PIE *Ce(C)C- / *K*e(C)C-;
PN *CocV- > PIE *Ce(C)C- / *K*e(C)C-;
PN *CocV- > PIE *CueC- / *PeC-
(C = consonant, T = obstruent, R = resonant, P = labial, K = velar, K = IE palatal, K*e
IE labiovelar, V = vowel, U = labialized vowel, e = IE ablaut vowel e/o/Ø).
```

Мнимые и действительные возможности лексикостатистики (на материале романских языков)

Для лексикостатистики как метода сравнительно-исторического языкознания романские языки всегда представляли особую ценность: их история сравнительно хорошо известна и изучена, и это один из немногих случаев, когда праязык таксона засвидетельствован в большом количестве письменных памятников. В связи с этим романские языки неоднократно становились своеобразным полигоном для отработки возможностей лексикостатистики.

В частности, данные романских языков среди прочих использовались отцом лексикостатистики М. Сводешом для вычисления коэффициента сохраняемости лексики [Сводеш 1960: 34].

В середине 80-х гг. прошлого века усовершенствованием метода глотто-хронологии занялся С. А. Старостин, который улучшил формулу дивергенции языков и выдвинул требование исключать заимствования из списков сопоставляемой лексики, поскольку заимствования являются следствием внешних контактов, а не внутреннего изменения языка. В расчетах Старостина также активно использовались данные романских языков [Starostin 2000: 230].

В 2015—2016 гг. в рамках проекта «Глобальная лексикостатистическая база данных» были собраны аннотированные 110-словные списки базисной лексики для 54 романских идиомов (в дальнейшем из рассмотрения будут исключены списки для руманч грижун и итальянского литературного в силу искусственного характера первого и чрезвычайной архаичности второго), а также четыре списка для староитальянского Данте, старофранцузского Кретьена де Труа, латыни Плавта и Апулея. Полные списки доступны на сайте проекта по адресу: http://starling.rinet.ru/new100/rom.pdf.

Сравнивая собранные 110-словные списки современных и исторических романских идиомов, можно получить исходные данные для определения скорости замен в базисной лексике (см. таблицу 1). В строках таблицы для каждой пары (или нескольких пар) языков указан процент совпадений между соответствующими основными списками, а также временной интервал между датами их фиксации.

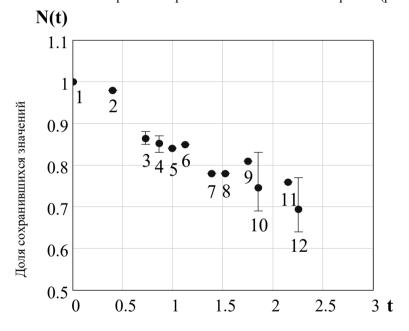
¹ В случаях, когда сопоставлялись несколько пар языков, указываются минимальное, максимальное и среднее арифметическое значения.

Таблица 1. Лексикостатистические данные о скорости замен в базисной лексике романских языков

Номер,	Сравниваемые списки	Мин. % совп.	Средн. % совп.	Макс. % совп.	Интервал времени, лет
1	Любой идиом	-	100	-	0
2	Архаическая латынь (Плавт, 250 г. до н. э.) — поздняя классическая латынь (Апулей, 150 г. н. э.)	-	98	-	400
3	Староитальянский (Данте, 1270 г.) — современные итальянские (тосканский, умбрийский)	85	86,5	88	730
4	Старофранцузский (Кретьен де Труа, 1140 г.) — современные французские (литературный французский, пикардский, валлонский)	83	85,3	87	860
5	Поздняя классическая латынь (150 г.) — старофранцузский (1140 г.)	-	84	-	990
6	Поздняя классическая латынь (150 г.) — староитальянский (1270 г.)	ı	85	ı	1120
7	Архаическая латынь (250 г. до н. э.) — старофранцузский (1140 г.)	1	78	-	1390
8	Архаическая латынь (250 г. до н. э.) — староитальянский (1270 г.)	ı	78	ı	1520
9	Поздняя классическая латынь (150 г.) — далматинский (1900 г.)	ı	81	ı	1750
10	Поздняя классическая латынь (150 г.) — современные романские (52 идиома, 2000Γ .)	69	74,6	83	1850
11	Архаическая латынь (250 г. до н. э.) — далматинский (1900 г.)	-	76	-	2150

Номер і	Сравниваемые списки	Мин. % совп.	Средн. % совп.	Макс. % совп.	Интервал времени, лет
12	Архаическая латынь (250 г. до н. э.) — современные романские (52 идиома, 2000 г.)	64	69,5	77	2250

Для наглядности представим эти данные в виде графика, отражающего процесс замен в базисной лексике различных романских языков с течением времени (рис. 1).

Временной интервал между датами фиксации сравниваемых списков, тыс. лет

Рис. 1. Уменьшение доли сохранившейся лексики в 110-словных списках романских языков с течением времени. Для точек 3, 4, 10 и 12 показаны диапазон разброса долей совпадений и среднеарифметическое значение

Используя полученные значения в качестве опорных точек, перейдем непосредственно к рассмотрению известных глоттохронологических моделей: классическому уравнению М. Сводеша [Сводеш 1960], усовершенствованной формуле С. А. Старостина [Starostin 2000] и потоковой модели [Васильев, Милитарев 2008].

Для калибровки перечисленных моделей по рассмотренным исходным данным воспользуемся методом наименьших квадратов, смысл которого сводится к поиску таких параметров каждой модели, при которых суммарная разница между фактическими и расчетными долями совпадений, вычисленными для всей совокупности опорных точек, является минимальной². Полученные результаты представим в виде сравнительной таблицы.

Название модели	Вид исходной модели	Вид калиброванной модели
Модель Сводеша	$N_{Sw}(t) = e^{-0.16 \cdot t};$ $\lambda_{Sw} = 0.16$	$N_{SwC}(t) = e^{-0.16 \cdot t};$ $\lambda_{SwC} = 0.16$
Модель Старостина	***	$N_{StC}(t) = e^{-0.11 \cdot N_{StC} \cdot t^2};$ $\lambda_{StC} = 0.11$
Потоковая модель	$c_I = 0.20$	$2 + 0.8e^{-0.21 \cdot t};$ $0; c_2 = 0.80;$ $0; \lambda_2 = 0.21.$

Таблица 2. Исходные и калиброванные глоттохронологические модели

Сравнение исходных и калиброванных параметров показывает, что коэффициент дивергенции в модели Сводеша остался прежним ($\lambda=0.16$), тогда как в модели Старостина значение λ увеличилось с 0,05 до 0,11. Полученная потоковая модель представлена двумя составляющими, одна из которых (20 % списка) соответствует наиболее стабильной (практически неизменной) части

$$\varepsilon = \sum_{i} (N_p - N_{\phi})^2 \rightarrow \min,$$

 $^{^2}$ Например, для модели Сводеша задача поиска минимального отклонения (ϵ) будет в общем виде выражаться формулой:

где N_p — расчетное значение доли общей лексики, вычисленное по формуле $N_{S\nu}(t)=$ = $e^{-0.16\,t},\,$ а N_{φ} и t — фактические значения доли совпадений и времени, приведенные в таблине 1.

лексики, а вторая (80 % списка) — экспоненциально изменяющейся группе значений с коэффициентом $\lambda = 0.21$.

Оценить соответствие исходных и калиброванных моделей исходным данным можно с помощью графиков, представленных ниже на рис. 2.

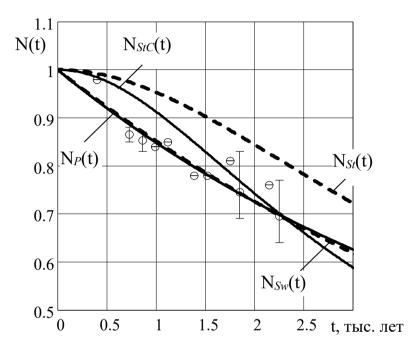

Рис. 2. Сравнение исходных и калиброванных моделей, полученных по данным романских языков

$$N_{Sw}(t)=e^{-0,16\cdot t}$$
 — исходная / калиброванная модель Сводеща; $N_{St}(t)=e^{-0,05\cdot N_{St}\cdot t^2}$ — исходная модель Старостина; $N_{StC}(t)=e^{-0,11\cdot N_{StC}\cdot t^2}$ — калиброванная модель Старостина; $N_P(t)=0,2+0,8\,e^{-0,21\cdot t}$ — калиброванная потоковая модель.

Как следует из рисунка, наилучшее совпадение с опорными точками наблюдается у модели Сводеша и потоковой модели, которые дают практически идентичные

результаты на всем рассматриваемом интервале. В свою очередь, использование модели Старостина приводит к существенным неточностям как с исходным коэффициентом (λ = 0,05), так и после его корректировки в соответствии с исходными данными (λ = 0,11)³.

Поскольку модель Сводеша хорошо согласуется с привлеченным фактическим материалом, попробуем, взяв ее за основу, установить точность датировок, получаемых с помощью глоттохронологических методов. Воспользуемся для этого величиной доверительного интервала — диапазона значений, в который с известной вероятностью укладывается искомая датировка. На рис. 3 изображен доверительный интервал, который рассчитан для известной модели Сводеша с коэффициентом $\lambda = 0.16$ и заданной вероятностью 0.7^4 .

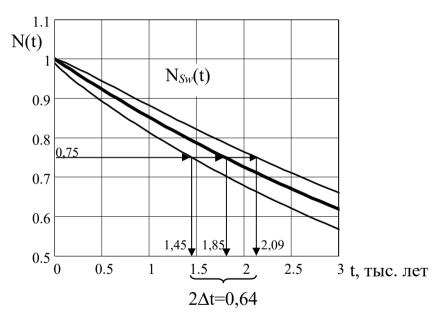

Рис. 3. Доверительный интервал, рассчитанный для модели Сводеша (с вероятностью p=0,7)

³ В частности, даже после калибровки модели полученные датировки оказываются удревненными по отношению к фактическим на интервале от 0,5 до 1,5 тыс. лет.

 $^{^4}$ Вероятность p = 0,7 указывает на то, что в 70 случаях из 100 фактическая датировка будет находиться в пределах нижней и верхней границы рассчитанного доверительного интервала.

Согласно приведенному рисунку, для доли совпадений N(t)=0.75 по формуле Сводеша $N_{Sw}(t)=e^{-0.16 \cdot t}$ получаем расчетную датировку 1850 лет, тогда как фактическое значение с вероятностью 70 % может варьироваться от 1450 лет до 2090 лет. Причем с увеличением заданной вероятности ширина доверительного интервала будет также расти⁵.

Численно оценить ширину доверительного интервала для разных временных глубин и в зависимости от выбранной вероятности можно с помощью приведенной ниже таблицы.

Таблица 3. Зависимость величины доверительного интервала от выбранного времени и вероятности

Расчетная датировка, лет	1000	2000	3000	4000	5000	6000
Величина доверительного интервала для вероятности р = 0,7	±250 ⁶	±360	±470	±560	±650	±750
Величина доверительного интервала для вероятности р = 0,95	±500	±720	±940	±1120	±1300	±1500

Результаты проведенного исследования позволяют сделать следующие основные выводы:

- 1. Процесс изменений в базисной лексике романских языков может быть представлен в виде экспоненциальной зависимости с постоянной скоростью замен отдельных значений списка. В частности, данная зависимость реализована в модели М. Сводеша и потоковой модели.
- 2. Калибровка параметров экспоненциальных моделей по исходным данным позволяет получить расчетные датировки, близкие к фактическим усредненным значениям на временном интервале до 2,5 тыс. лет.
- 3. Лингвистические датировки, полученные с помощью глоттохронологии, имеют вероятностный характер и требуют статистической оценки. В частности, при датировании процесса лексических замен следует говорить не о конкретном значении, а о диапазоне значений или доверительном интервале, который с известной вероятностью включает в себя искомую дату.

⁵ Например, с теми же исходными данными и вероятностью 0,95 длина доверительного интервала достигнет 1370 лет (от 1130 до 2500).

⁶ Указаны усредненные значения для отклонений в большую и меньшую сторону.

4. Величина доверительного интервала зависит от измеряемого временного отрезка и заданной вероятности. При увеличении временной дистанции, а также при повышении требований к надежности вычислений точность расчетных датировок снижается.

Литература

- Васильев, Милитарев 2008 *Васильев М. Е., Милитарев А. Ю.* Глоттохронология в сравнительно-историческом языкознании. Модели дивергенции языков // Orientalia et Classica. Труды Института восточных культур и античности. Выпуск XIX. М.: РГГУ, 2008. С. 509–536.
- Сводеш 1960 Сводеш М. Лексикостатистическое датирование доисторических этнических контактов // Новое в лингвистике. Вып. 1. М., 1960. С. 23–52.
- Starostin 2000 Starostin S. Comparative-Historical Linguistics and Lexicostatistics // Time Depth in Historical Linguistics. The McDonald Institute for Archaeological Research Publications. Volume 1. Cambridge: Printed by Blue Print, 2000. Pp. 233–259.

Summary

Mikhail Vasilyev, Mikhail Saenko

Imaginary and Real Possibilities of Lexicostatistics (based on the data from the Romance Languages)

The article presents a comparison of different methods of glottochronology considering the Romance languages. 110 basic word lists of 54 modern Romance languages compiled adhering to the chosen methodology were used as the source data for the glottochronological analysis, as well as the Old French, Old Italian, Classical Latin and Old Latin lists. Swadesh's formula, Starostin's modified formula and a new alternative method based on a statistical approach towards the lexical replacement process were used for dating the divergence between groups and individual languages. Comparing the resulted data allowed the authors to draw some conclusions about the correspondence between the models and the changes in the basic vocabulary, as well as reveal limitations of the glottochronological method when used for dating linguistic changes in a single language family.

Научное издание

Памяти В. М. Иллич-Свитыча: материалы круглого стола

Сборник статей

М.: Институт славяноведения РАН, 2017. — 108 с.

Утверждено к печати Ученым советом Института славяноведения РАН

Ответственный редактор: к. ф. н. М. Н. Саенко

Оригинал-макет подготовлен к. ф. н. И. Г. Драч

Подписано в печать 25.12.2017. Усл. печ. л. 6,75. Формат 60×90. Тираж 500 экз. Заказ № 16.